

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 1

Январь – Февраль 2000

Том 6

Москва

Ядерный Контроль. № 1. Январь – Февраль 2000

Содержание

Редакционная статья	3
Что делать? К избранию нового состава Государственной Думы	
Горячая тема	4
Иван Сафранчук. Ценности ядерного нераспространения разделяет 75% россиян	
Комментарий	12
Дмитрий Литовкин. Морская доктрина России не рассматривает проблемы списанных атомных подводных лодок	
Анализ	15
Вадим Козюлин. Экспортный потенциал наземно-космической обороны – скрытое оружие России	
Обзор	22
Дмитрий Поликанов. К вопросу о будущем Договора Пелиндаба	
Полемика	30
Перспективы политики нераспространения: повестка дня на ближайшее будущее (из стенограммы международной конференции, 29–31 октября 1999 года, г. Москва)	
Страницы истории	64
Николай Детинов, Александр Савельев. Механизм выработки и принятия решений по вопросам контроля над вооружениями в СССР	
Сообщения	
О Генеральной ассамблее Ассоциации Атлантического договора	79
О лекции в Европейском гуманитарном университете (Белоруссия)	79
О курсе лекций для представителей исполнительной власти Туркменистана	79
Об устойчивости развития системы учета, контроля и физической защиты: позиция министерства энергетики США	79
Библиотека	83
Новости ПИР-Центра	85
Summary	90
Об авторах	92

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****№ 1 (49)****Том 6****Январь – Февраль 2000****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакция:**

Владимир Орлов, главный редактор
 Дмитрий Евстафьев, редактор-консультант
 Карина Фуралева, помощник главного редактора
 Евгений Маслин, старший советник
 Роланд Тимербаев, старший советник
 Василий Лата, советник
 Иван Сафранчук, обозреватель
 Дмитрий Литовкин, специальный корреспондент

Дмитрий Ковчегин, корреспондент
 Ольга Шаманова, секретарь редакции
 Татьяна Абрамова, корректор
 Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
 Виктор Меримсон – производство
 Елена Трофимова – компьютерное обеспечение
 Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,а/я 17, редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7–095–335–1955

(многоканальный)

Факс: +7–503–234–9558**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала****(сокращенная):** <http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)library@pircenter.org (библиотека, базы данных и архив)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллинне, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Дмитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железнодорожском, Заречном, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Атланте, Афинах, Бонне, Вашингтоне, Вене, Гарварде, Женеве, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Принстоне, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Стэнфорде, Тель-Авиве, Токио и Франкфурте

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7–095–335–1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to +7–503–234–9558 (fax) or info@pircenter.org.

Тираж: 2000 экз.**Подписано в печать:** 15 декабря 1999**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда Алтона Джонса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 2000

Ядерный Контроль. № 1. Январь – Февраль 2000

Редакционная статья**ЧТО ДЕЛАТЬ? К ИЗБРАНИЮ НОВОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

Что делать?, как и кто виноват? – извечные вопросы, которые, наверное, всегда будут преследовать Россию и россиян, даже в новом тысячелетии. Мы не только пересекли исторический рубеж, вступив в двухтысячный год, но и получили новую Государственную Думу.

Прошлая Дума посвятила немало времени и усилий проблемам ограничения и сокращения вооружений. Результаты, однако, более чем скромные. В сущности, ратифицировано (в 1997 году) только одно значительное соглашение – Конвенция о запрещении и уничтожении химического оружия. Но установлен важный прецедент: к чести как законодательной, так и сотрудничавшей с ней исполнительной власти впервые в нашей законодательной практике закон о ратификации не только одобряет конвенцию, но и дает наказ администрации и разграничивает ответственность различных органов власти по выполнению конвенции.

Однако Дума оставила вновь избранным законодателям объемистый портфель нератифицированных соглашений. Прежде всего – это договор СНВ-2. Весной 1999 года он был практически готов к ратификации, соответствующий законопроект был согласован между Думой и администрацией, но действия США и НАТО на Балканах послужили причиной для затягивания ратификации нашими законодателями. Новой Думе предстоит, не откладывая, вновь заняться этим договором. Правда, существенные привходящие факторы осложняют сейчас ситуацию с ним. Главное – это намерение США приступить к созданию национальной системы противоракетной обороны, решение о развертывании которой может быть принято уже в июне 2000 года. Хотя ее и подают в качестве системы обороны от ограниченного ракетного нападения, она будет обладать способностью для потенциального развертывания системы ПРО территории страны и создания основы для такой обороны, что, безусловно, запрещено договором по ПРО 1972 года. Вполне естественно, это может вынудить Россию принять необходимые меры противодействия, в том числе асимметричные. В июне 1999 года президенты обеих стран договорились в Кельне приступить к обсуждениям относительно договора СНВ-3 и договора по ПРО, но эти обсуждения ведутся крайне вяло. Нет-нет да и возникает мысль: не стоит ли перешагнуть через СНВ-2 и сразу перейти к СНВ-3 с установлением более низких уровней стратегических вооружений (скажем, по 1000–2000 единиц для каждой стороны, как это недавно предложил кандидат в президенты США демократ Билл Брэдли) и к таким решениям по ПРО и другим параметрам, которые устраивали бы обе страны и не только сохраняли бы ядерную стабильность, но и укрепляли ее. Тем более, что и США не ратифицировали СНВ-2 в полном объеме. Важные дополнения к договору, согласованные сторонами еще в 1997 году, даже не внесены администрацией Билла Клинтона на рассмотрение Сената.

Проблемы, связанные со стратегическими вооружениями и противоракетной обороной, с точки зрения интересов безопасности России, не только крайне важны, но и носят неотложный характер. Договор по ПРО необходимо сохранить во что бы то ни стало, и Генеральная Ассамблея ООН своим недавним решением еще раз подтвердила его непреложное значение. Может быть, стоит ради сохранения договора пойти на некоторое изменение его положений, не противоречащее интересам России? Во всяком случае, новой Думе следовало бы в приоритетном порядке всесторонне рассмотреть все вопросы, связанные со стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, и постараться выработать общеприемлемый подход.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) был внесен президентом страны на рассмотрение Думы в середине ноября, вскоре после отказа американского Сената, где республиканцы располагают большинством, ратифицировать его, – скорее всего, по внутриполитическим соображениям. Следует ли Думе спешить с ратификацией ДВЗЯИ в условиях, когда США и Китай его не ратифицировали, а Индия и Пакистан даже не подписали?

Привычная логика говорит в пользу того, чтобы не ратифицировать, покуда американский Сенат не определит свое окончательное отношение к договору. Но, с другой стороны, ратификация договора Россией позволит ей не только возродить традиционную инициативность нашей страны в вопросах международной безопасности и разоружения. Запрещение ядерных испытаний определено в наших национальных интересах. России сейчас и в предвидимом будущем не под силу соревноваться в создании и испытании новых поколений ядерных вооружений. А нынешних боезапасов более чем достаточно для обеспечения нашей безопасности. Новой Государственной Думе стоило бы провести обстоятельные слушания по ДВЗЯИ, чтобы определить подход к этой непростой проблеме.

Горячая тема**ЦЕННОСТИ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ РАЗДЕЛЯЕТ 75% РОССИЯН****Иван Сафранчук****научный сотрудник, ПИР-Центр**

ПИР-Центр политических исследований в России совместно с Центром изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований проводит исследование «Отношение населения России к ядерному оружию». Это первое подобное исследование в России. В рамках данного проекта недавно был проведен всероссийский опрос общественного мнения. Было опрошено 1500 человек в 56 населенных пунктах в 29 регионах России, во всех экономико-географических зонах.

Итоги опроса будут подробно проанализированы и представлены в специальной работе ПИР-Центра, которая выйдет в свет в начале 2000 года. Респондентам было задано более 20 вопросов, охватывающих проблемы ядерного нераспространения, сокращения ядерного оружия (ЯО), ядерного терроризма, российской ядерной политики. Познакомить читателей со всеми результатами опроса в данной статье, к сожалению, невозможно. Поэтому цель статьи – представить наиболее интересные данные, прежде всего по проблемам нераспространения ЯО, несколько не умаляя важность остальных вопросов социологического исследования.

Нераспространенческий блок опроса включал в себя три вопроса:

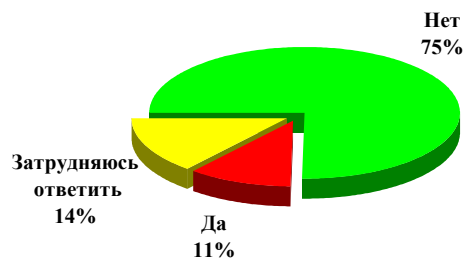
- Станет ли мир стабильнее, если ЯО будет владеть больше стран, чем сейчас?
- Следует ли России передавать другим странам свои ядерные технологии и оружие?
- Возможно ли хищение ядерных материалов с российских ядерных объектов?

Станет ли мир стабильнее, если ЯО будет владеть больше стран, чем сейчас?

Итоги опроса показывают, что россияне в подавляющем большинстве разделяют ценности нераспространения. 75% респондентов считают, что мир не станет стабильнее, если ЯО будет владеть больше стран, чем сейчас. Настораживает, что 11% все-таки считают, что мир станет стабильнее

при распространении ЯО, а 14% затруднились ответить на поставленный вопрос.

Рис.1. Станет ли мир стабильнее, если ядерным оружием будет владеть больше стран, чем сейчас?

Процент тех, кто считает, что мир станет стабильнее в случае распространения ЯО, среди мужчин и женщин практически одинаковый: 10% женщин и 11% мужчин. В то же время есть существенные различия в процентном соотношении мужчин и женщин, ответивших, что мир не станет стабильнее в случае распространения ЯО: 72% женщин уверены, что мир не станет стабильнее в случае ядерного распространения, а среди мужчин так думают 80%.

Женщины значительно меньше, чем мужчины, осведомлены о проблеме распространения ЯО, почти одна пятая их часть не имеет определенного мнения по этой проблеме. Настораживает, что увеличение процента затруднившихся ответить у женщин дает в сравнении с мужчинами снижение доли тех, кто считает, что стабильность в мире будет подорвана в случае распространения ЯО. Эти результаты можно интерпретировать так: среди женщин ценности распространения находят меньше понимания, чем у мужчин.

Респонденты из возрастных групп 18–29 лет и 40–59 лет отвечали на вопрос практически одинаково. В каждой из этих групп 75% ответили, что мир не станет стабильнее в случае распространения ЯО. 13% респондентов 18–29 лет и 12% респондентов 40–59 лет посчитали, что мир станет стабильнее в случае распространения ЯО.

В остальных двух возрастных группах оказалось меньше тех, кто считает, что мир станет стабильнее в случае распространения ЯО. Среди респондентов старше 60 лет так ответили только 8%, а среди респондентов 29–39 лет – 9%. В последней возрастной группе оказалось значительно больше, по сравнению с другими возрастными группами и усредненным результатом, тех, кто посчитал, что мир не станет стабильнее в случае распространения ЯО, – 81%. И в этой же возрастной группе оказалось меньше всего тех, кто не имел по этому вопросу четкого мнения – 10%.

В старшей возрастной группе доля тех, кто ответил, что мир не станет стабильнее при распространении ЯО, – 73%. Но в этой группе оказалось больше всего тех, кто затруднился ответить на вопрос, – 20%.

Таким образом, в наибольшей степени ценности нераспространения разделяются в возрастной группе 29–39 лет. Среди старшего поколения одна пятая часть не имеет по этому поводу четкого мнения.

Наблюдается зависимость мнения о нераспространении от уровня образования. Так, среди людей с высшим образованием 81% опрошенных уверены, что мир не станет стабильнее, если большее количество стран будут владеть ЯО. Среди людей со средним образованием так думают 74%, а с образованием ниже среднего – только 64%.

В независимости от уровня образования доля тех, кто считает, что мир станет стабильнее, если большее количество стран будет владеть ЯО, примерно одинакова. Среди всех опрошенных так думают 11%, а в зависимости от уровня образования от 8 до 12% (причем среди людей с высшим образованием таких оказалось 11%).

В то же время в зависимости от уровня образования существенно изменяется доля тех, кто затрудняется ответить. Если среди всех опрошенных таких оказалось 14%, то среди респондентов с высшим образованием только 9%, среди опрошенных со средним образованием – 14%, а среди тех, кто имеет образование ниже среднего, – 28%.

Таким образом, зависимость ответов на вопрос о ядерном нераспространении и уровня образования состоит в том, что чем выше уровень образования, тем меньше людей не могут ответить на вопрос, положительные или отрицательные последствия будет иметь

ядерное распространение, и тем больше тех, кто считает, что мир станет менее стабильным в случае распространения ЯО. Одновременно доля тех, кто верит в укрепление стабильности в мире в случае распространения ЯО, постоянна вне зависимости от уровня образования и составляет около 10%.

Жители малых провинциальных городов России отвечали практически так же, как жители больших городов, мегаполисов и двух столиц (Москва, Санкт-Петербург). В городах 77–78% (78% – две столицы и мегаполисы, 77% – большие и малые города) считают, что мир не станет стабильнее при распространении ЯО. Одновременно по мере укрупнения города увеличивалась доля тех, кто считал, что мир станет стабильнее, если большее количество стран будут владеть ЯО: 9% – в малых городах, 14% – в столицах. И наоборот, по мере укрупнения города уменьшалась доля затруднившихся ответить: 14% – в малых городах, 9% – в столицах. В сельской местности доля тех, кто затруднился ответить, была значительно больше, чем в городах, – 19%. 72% респондентов на селе посчитали, что мир не станет стабильнее при распространении ЯО, и 10%, что станет. Таким образом, ценности нераспространения в городах воспринимаются значительно лучше, чем на селе.

Доля тех, кто посчитал, что мир станет стабильнее при распространении ЯО, среди сторонников различных политиков почти одинакова – 8–10%. Выделяются лишь сторонники Евгения Примакова, среди которых так думают 13%.

Большой разброс данных наблюдается среди тех, кто считает, что мир не станет стабильнее при распространении ЯО. Самый большой процент тех, кто разделяет данную точку зрения, среди избирателей Сергея Кириенко (87%), Александра Лебеда (83%) и Григория Явлинского (83%). Меньше всего процент сторонников этой позиции у избирателей Евгения Примакова – 74%.

Также значительный разброс данных наблюдается среди тех, кто затруднился ответить на вопрос. Меньше всего их процент у сторонников Сергея Кириенко (5%), Григория Явлинского (7%) и Александра Лебеда (8%). Больше всего неопределившихся среди избирателей Геннадия Зюганова – 16%.

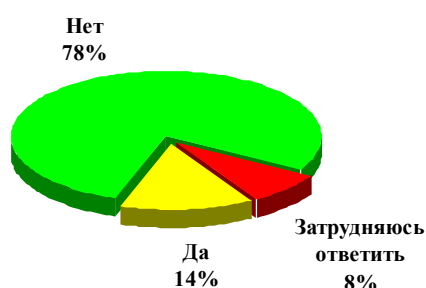
Получается, что в наибольшей степени ценности нераспространения ЯО разделяют сторонники Сергея Кириенко, Александра

Лебеда и Григория Явлинского. А в наименьшей степени – избиратели Евгения Примакова. Характерно при этом, что мнение избирателей двух радикальных российских политиков Геннадия Зюганова и Владимира Жириновского практически не выделялось на общем фоне – было очень близко к усредненному результату всех опрошенных, вне зависимости от политических симпатий.

Следует ли России передавать другим странам свои ядерные технологии и оружие?

78% россиян считают, что России не следует ни в коем случае передавать другим государствам свои ядерные технологии и ЯО. Допускают возможность передачи российских ядерных технологий и оружия 14%. Доля затруднившихся ответить сравнительно невелика – 8%.

Рис.2. Следует ли России передавать другим государствам свои ядерные технологии и оружие?

Среди мужчин оказалось больше тех, кто высказался в пользу передачи Россией своих ядерных технологий или оружия другим странам, – 17%. Среди женщин такой точки зрения придерживаются только 11% респондентов. Процент же тех, кто считает, что Россия не должна передавать свои ядерные технологии и оружие, у мужчин и женщин практически одинаков: 77% мужчин, и 80% женщин. Одновременно среди женщин оказалось немного больше тех, кто затруднился ответить, – 10%, против – 6% у мужчин.

Во всех возрастных группах практически одинакова доля тех, кто считает, что передавать ядерные технологии и оружие не следует ни в коем случае, – 77–79%. В то же время имеются существенные различия среди тех, кто высказался за передачу ЯО и ядерных технологий. Если во всех возрастных группах за такой вариант высказались 15–17%, то в старшей возрастной группе – только 8%. Процент затруднившихся ответить во всех

возрастных группах был довольно незначителен – 5–7%, но в старшей возрастной группе не смогли ответить на вопрос 14%.

Вне зависимости от уровня образования почти одинаков процент тех, кто считает, что России не следует передавать другим странам свои ядерные технологии и оружие, – 77–80%. Хотя формально здесь можно проследить зависимость ответов от уровня образования, поскольку проценты последовательно возрастали по мере повышения уровня образования (77% – образование ниже среднего, 78% – среднее, 79% – среднее специальное, 80% – высшее), тем не менее на основе только этих данных нельзя сделать вывод об устойчивой зависимости ответов и уровня образования, так как разброс данных в 3% практически укладывается в возможную статистическую ошибку (2,5%).

В то же время в зависимости от уровня образования существенно изменяется процент тех, кто высказывается в пользу передачи российских ядерных технологий и оружия: образование ниже среднего – 9%, среднее – 13%, среднее специальное – 15%, высшее – 18%. Также есть корреляция ответов и уровня образования среди тех, кто затруднился ответить: образование ниже среднего – не смогли ответить 14%, среднее – 8%, среднее специальное – 6%, высшее – 2%.

Таким образом, есть четкая зависимость ответов респондентов от уровня образования. Она состоит в том, что по мере повышения уровня образования опрашиваемых последовательно и существенно снижается процент тех, кто затрудняется ответить. По мере уменьшения доли воздержавшихся значительно растет доля тех, кто считает, что России следует передавать другим государствам свои ядерные технологии и оружие. Доля же тех, кто считает, что передавать ЯО не следует, растет крайне незначительно. Принимая во внимание вероятность статистической ошибки, можно говорить о том, что эта категория ответов стабильна вне зависимости от уровня образования. Значит, по мере повышения уровня образования доля тех, кто высказывается против передачи ЯО остается прежней, а доля тех, кто высказывается за передачу ЯО и технологий, растет, причем довольно существенно.

Практически одинаково отвечали на заданный вопрос жители мегаполисов и двух столиц. Здесь 13% высказались за передачу

российских ядерных технологий и оружия, а 82–84% против. Одновременно был низок процент затруднившихся ответить – 3–6%.

Также можно обобщить ответы жителей малых городов и сел. Против передачи российских технологий и оружия здесь высказались 78–80%. Правда, на селе оказалось больше тех, кто предпочел бы передать российские ядерные технологии и оружие, – 15%, в малых городах – 9%. Процент затруднившихся ответить в малых городах – 11%, на селе – 7%.

На этом фоне выделяются ответы жителей больших городов. 18% из них (больше, чем в остальных группах и среди всех опрошенных) высказались за передачу российских ядерных технологий и оружия, 74% (меньше, чем в остальных группах и среди всех опрошенных) – против.

Таким образом, наблюдается довольно значительный разброс данных в ответах респондентов. Однако нет четкой, линейной зависимости. Полученные данные противоречивы и не позволяют сделать однозначных выводов. Можно только в общем сказать, что в мегаполисах и столицах ценности нераспространения учитываются респондентами в большей степени.

Почти одинаково на заданный вопрос ответили сторонники Григория Явлинского и Евгения Примакова: 14–15% из них считают, что России следует передавать другим странам ядерные технологии и оружие, 79%, что не следует. Процент воздержавшихся: 7% у избирателей Евгения Примакова и 5% у избирателей Григория Явлинского. К их мнениям очень близки ответы сторонников Геннадия Зюганова – 14% за передачу, 78% – против. Одновременно мнение сторонников этих трех политиков очень близко к мнению (а у сторонников Геннадия Зюганова оно полностью совпадает) всех опрошенных.

Больше всего сторонников передачи оказалось среди избирателей Сергея Кириенко – 18%. Одновременно среди его сторонников больше среднего тех, кто против передачи ядерных технологий и оружия.

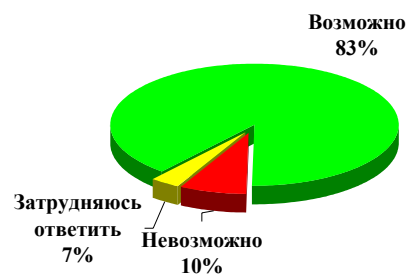
Разброс данных в зависимости от политических симпатий не достаточен для того, чтобы делать однозначные выводы. Так, процент тех, кто высказался против передачи, у сторонников всех политиков составляет 13–15%. Незначительно выделяются только избиратели Юрия Лужкова – 11% и Сергея

Кириенко – 18%. Доля тех, кто высказался против передачи, тоже незначительно изменяется в зависимости от политических симпатий и составляет 79–83%. Процент затруднившихся ответить колеблется в пределах 4–7%. Выделяются в этом показателе только сторонники Сергея Кириенко – 2%.

Возможно или невозможно хищение ядерных материалов с российских ядерных объектов?

Различия в ответах мужчин и женщин составляют 1–2%, что полностью укладывается в величину возможной статистической ошибки. Таким образом, можно констатировать, что мужчины и женщины отвечали на этот вопрос одинаково.

Рис.3. Возможно или невозможно хищение ядерных материалов с российских ядерных объектов?

Респонденты из возрастных групп 18–28 лет и 40–59 лет также отвечали одинаково: 82% – хищения возможны, 11–12% – невозможны. Близки к этим результатам ответы респондентов из старшей возрастной группы – 60 лет и старше: 79% – хищения возможны, 10% – невозможны.

На этом фоне выделяются ответы опрошенных в возрасте 29–39 лет. Среди них 89% уверены, что хищения возможны, и 8% придерживаются обратной точки зрения. Одновременно в этой возрастной группе самый низкий процент тех, кто затруднился ответить. Заметим, что именно эта возрастная группа является экономически наиболее активной, динамичной и предприимчивой, и их деятельность нередко связана в современной России с обходом установленных правил, мелкими нарушениями законодательства и т.д.

Практически одинаковые ответы давали люди со средним, средним специальным и высшим образованием: 84–86% уверены, что хищения возможны, 9–11%, что невозможны. Однако выделяются опрошенные с образованием ниже среднего. В этой группе только 75% думают,

что хищения возможны, а 13%, что невозможны. Одновременно здесь и самый высокий процент затруднившихся ответить – 13%.

Одинаково (отклонения в пределах статистической ошибки) отвечали респонденты из мегаполисов, больших и малых городов и сельской местности: 82–83% уверены, что хищения возможны, 10–12%, что невозможны.

Выделяются в своих ответах жители двух столиц: 91% из них уверены, что хищения возможны, и только 3% считают, что похитить ядерные материалы в России нельзя.

Процент тех, кто считает, что хищение ядерных материалов в России возможно, среди сторонников большинства политиков практически одинаков (и очень близок к среднему результату среди всех опрошенных) – 83–86%. Исключение составляют только сторонники Сергея Кириенко, 90% которых верят в возможность хищения российских ядерных материалов, и сторонники Юрия Лужкова, среди которых так думают только 80%.

Доля тех, кто думает, что хищения невозможны, среди избирателей Геннадия Зюганова, Евгения Примакова, Александра Лебеда и Григория Явлинского тоже практически одинакова – 8–11%.

Выделяются сторонники Сергея Кириенко: только 5% из них уверены, что в России нельзя похитить ядерные материалы.

Также выделяются, но с противоположными показателями, сторонники Владимира Жириновского и Юрия Лужкова. Среди избирателей последнего 16% уверены, что хищения невозможны. Из числа избирателей Владимира Жириновского так думают 15%.

Доля затруднившихся ответить у большинства политиков была практически одинакова: 5–8%, что является довольно низким процентом. Но еще более впечатляющими стали данные по сторонникам Владимира Жириновского: из них воздержались лишь 2%.

Итак, только 10% опрошенных уверены, что хищение ядерных материалов с российских ядерных объектов невозможно. Это крайне низкий результат. Одновременно лишь 7% затруднились ответить (по некоторым группам респондентов их было только 2%), что

свидетельствует о вполне сложившемся общественном мнении по этой проблеме.

В то же время, с нашей точки зрения, 83% опрошенных уверены в том, что в России можно похитить ядерные материалы не потому, что они действительно знают, как и где это можно сделать, а потому, что в Советском Союзе и России сложился и продолжает существовать определенный стереотип: с места своей работы можно унести все, что угодно. Возможно, именно *стереотип несунув* дает такие результаты при опросе. Большинство респондентов следуют примерно такой логике: «если из моей конторы или завода можно унести телефон или все необходимые материалы, чтобы построить дачу или гараж, то почему же работа на ядерном объекте не сможет унести какие-то там ядерные материалы». Этот вывод подтверждается и тем, что при детальном анализе результатов опроса выясняется, что значительно больше количество тех, кто допускает возможность хищений, среди экономически активных и мобильных групп населения, то есть среди тех, кто имеет каждодневный практический опыт обхода различных правил и инструкций, что в условиях современной России зачастую необходимо для успешной деятельности в различных областях экономики. Меньше всего верили в возможность хищений ядерных материалов пенсионеры и малообразованные респонденты, то есть наименее активные и предприимчивые части населения.

Анализ ответов россиян на вопросы, касающиеся нераспространения ЯО позволяет сделать несколько выводов. Ценности нераспространения в целом разделяются населением России. Из всех выявленных закономерностей наиболее важной представляется зависимость ответов на вопросы и уровня образования. По сути, проблема ценностей и культуры нераспространения оказывается проблемой наличия соответствующей информации и доступа к ней. По мере повышения уровня образования среди респондентов снижалась доля тех, кто не мог ответить на вопросы о нераспространении и повышалась доля тех, кто высказывался против распространения.

Ценности ядерного нераспространения в большей степени разделяются теми, кто считает, что России нужно ЯО, чем теми, кто считает, что ЯО России не нужно. 78% сторонников ЯО считают, что мир не станет стабильнее при распространении ЯО. Среди

противников ЯО так думают 71%. Одновременно среди противников ЯО гораздо больше процент тех, кто затруднился ответить, – 20%, у сторонников ЯО – 11%.

И сторонники и противники распространения поддерживают ратификацию договора СНВ-2 в России. Однако, если среди сторонников нераспространения ратификацию договора поддерживают 60%, а 25% – против, то среди сторонников распространения ратификацию поддерживают 49%, а 35% – против.

Среди сторонников ядерного распространения больше тех, кто считает, что возможно нападение иностранных государств на Россию с применением ЯО, – 57%, среди противников распространения таких 51%.

Другие результаты опроса

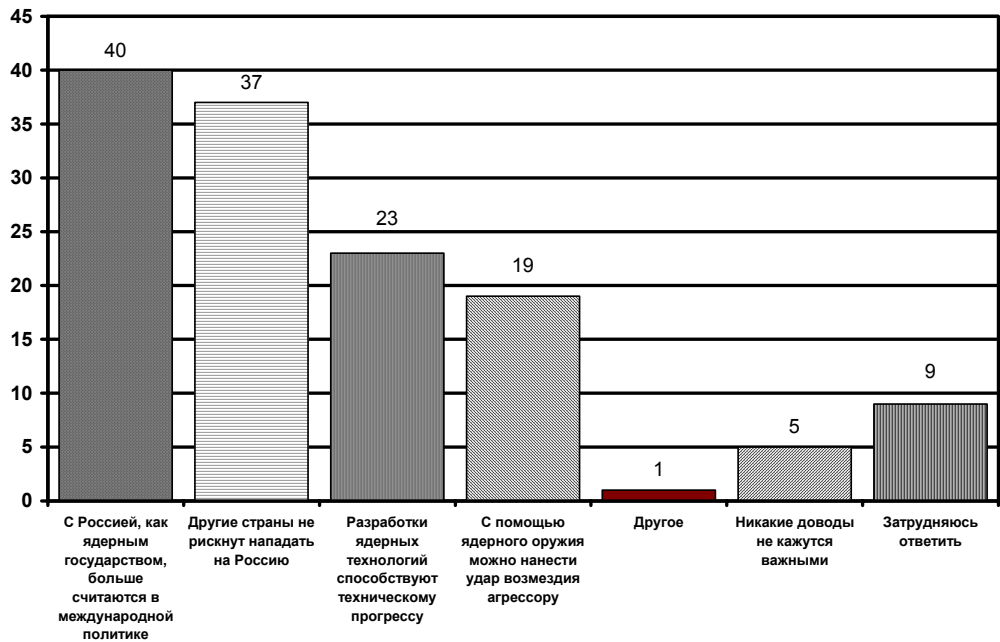
Одними из наиболее интересных итогов опроса оказались ответы россиян на вопросы, касающиеся планов США по созданию национальной системы противоракетной обороны (ПРО). Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые об американских планах создания национальной системы противоракетной обороны?». 54% опрошенных ответили, что слышат об этом впервые, еще 25% заявили, что что-то слышали, и только 16% сказали, что знают об этой проблеме. Отвечая на вопрос «Какие

ответные шаги следует предпринять России, если американские планы в области противоракетной обороны будут осуществляться?», 54% предпочли ответное создание Россией собственной национальной системы ПРО, в то же время 32% заявили, что необходимо добиваться снижения угрозы для России исключительно дипломатическим путем, и только 8% респондентов выбрали вариант, который был заявлен российским политическим и военным истеблишментом как наиболее вероятный ответ России, а именно, – наращивание российской группировки стратегических ядерных сил.

55% россиян – за ратификацию договора СНВ-2 и только 25% – против. В то же время 72% опрошенных уверены, что США будут соблюдать только те положения договоров о сокращении ядерных вооружений, которые им выгодны.

86% опрошенных опасаются того, что ЯО, если оно окажется в руках международных террористов, может быть применено ими против России. 10% не испытывают таких опасений. Затруднились ответить только 4% респондентов, что свидетельствует о вполне сложившемся общественном мнении на этот счет. Возможность ядерной атаки со стороны террористов представляется россиянам более существенной, чем вероятность нападения на

Рис.4. Какие доводы сторонников ядерного оружия кажутся Вам самыми важными?

Россию иностранных государств с применением ЯО. В возможность такого нападения верят 52% опрошенных. Еще больше, чем ядерной атаки террористов, россияне боятся диверсий на российских ядерных объектах (АЭС, склады ядерных боеприпасов и т.д.). 90% респондентов опасаются, что ядерные объекты могут стать целью диверсий со стороны террористов.

77% россиян поддержали формулировку Концепции национальной безопасности России – «ядерное оружие имеет исключительную роль для обеспечения национальной безопасности страны». В то же время 18% опрошенных, то есть почти одна пятая часть, посчитали, что ЯО не нужно России.

Среди россиян, как оказалось, в целом пользуются популярностью идеи полного ядерного разоружения. Так, 57% опрошенных считают, что мир станет стабильнее, если все ЯО на Земле будет уничтожено. Обратной точки зрения придерживаются 34%. Неожиданностью стало то, что в наибольшей степени идею разоружения поддерживают люди старшего поколения – старше 60 лет. В этой возрастной группе 67% верят в то, что мир станет стабильнее без ядерного оружия. Зависимость ответов на данный вопрос от возраста носит стабильный характер. Среди молодежи (18–28 лет) лишь 49% верят, что мир станет стабильнее. Среди респондентов 29–39 лет таких оказалось 55%. В группе 40–59 лет – 56%.

Сторонники наиболее известных российских политиков отвечали на заданные вопросы практически одинаково. Правда, среди избирателей Григория Явлинского оказалось больше всего тех, кто считает, что России необходимо ЯО. 85% сторонников этого политика высказали такую точку зрения.

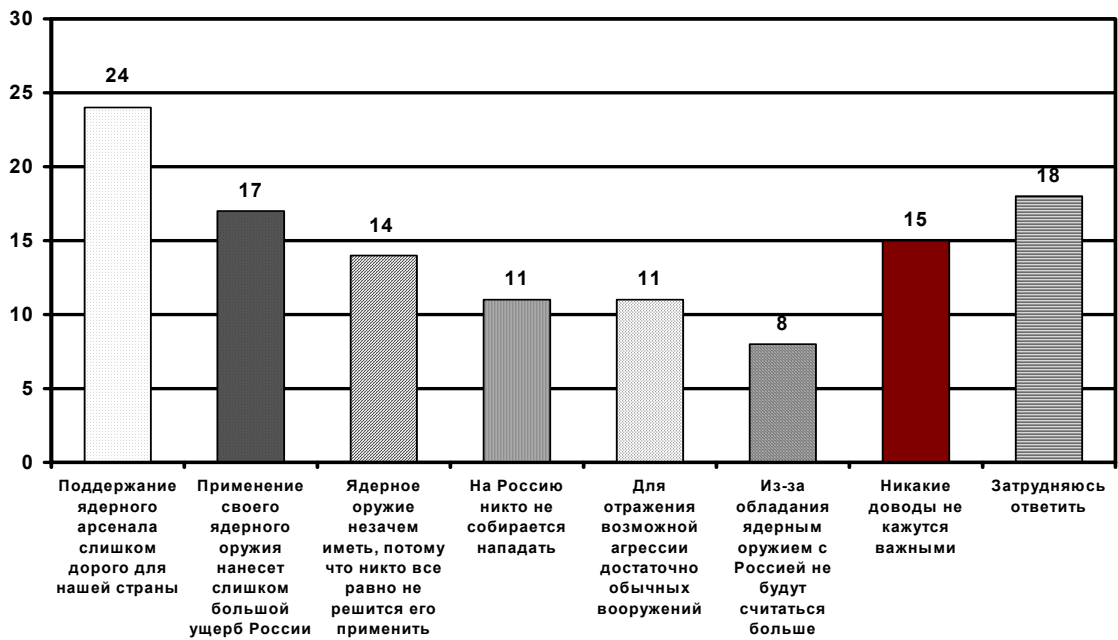
Самыми большими *пацифистами* оказались сторонники Юрия Лужкова: среди его избирателей *только* 73% считают, что России нужно ЯО.

Среди сторонников Сергея Кириенко больше всего противников распространения ЯО: 87% его сторонников уверены, что мир не станет стабильнее, если ЯО будет владеть больше стран, чем сейчас. Среди всех опрошенных эту точку зрения разделяют 76%.

Только сторонники Владимира Жириновского в большинстве своем (54%) считают, что российское ЯО должно быть постоянно нацелено на какие-то страны. У всех остальных политиков так думает меньшинство их избирателей.

Сторонники Геннадия Зюганова в наименьшей степени поддерживают идею ядерного равенства между Россией и США. Только 23% его сторонников считает, что Россия должна иметь столько же ЯО, сколько и США. У других политиков так думают не менее трети сторонников. Зато среди его избирателей популярна точка зрения, что России нужно

Рис.5. Какие доводы противников ядерного оружия кажутся Вам самыми важными?

больше ЯО, чем США. Так думают 31% сторонников Геннадия Зюганова. Также среди его избирателей больше всего противников ратификации договора СНВ-2.

Среди сторонников Евгения Примакова самое большое недоверие к США в вопросе о выполнении соглашений о сокращении ЯО: 79% его сторонников считают, что США не будут честно выполнять эти договоры.

Итоги опроса об отношении россиян к ЯО вызвали большой интерес как в России, так и за рубежом.

16 ноября 1999 года в Национальном институте прессы ПИР-Центр провел пресс-конференцию, на которой российские и иностранные журналисты были ознакомлены с предварительными итогами социологического исследования. На пресс-конференции выступили директор ПИР-Центра Владимир Орлов, старший научный сотрудник ПИР-Центра Дмитрий Евстафьев и директор проекта, научный сотрудник ПИР-Центра Иван Сафранчук.

30 октября 1999 года итоги опроса были представлены российским и зарубежным экспертам в Москве на конференции «Перспективы политики нераспространения: повестка дня на ближайшее будущее», организованной ПИР-Центром совместно с Международным институтом стратегических исследований (Лондон, Великобритания). С докладом по результатам опроса выступил Иван Сафранчук.

Результаты опроса широко освещались российскими средствами массовой информации: Владимир Ермолин «К ядерной войне готов», *Известия* 17 ноября 1999; Виктор Литовкин «Россияне оказались трезвее, чем кому-то представлялось», *Общая Газета* 11–17 ноября 1999; Елена Болдырева «Россияне знают несколько слов из трех букв», *Время-МН* 17 ноября 1999.

Также отдельные результаты опроса были опубликованы в издании Государственной Думы России *Думское Обозрение* и вызвали живой отклик у российских законодателей.

Николай Безбородов (заместитель председателя комитета Госдумы по обороне) следующим образом прокомментировал

некоторые результаты опроса: «Опасения, что ядерное оружие, если оно окажется в руках международных террористов, может быть применено против России, которые по данным опроса разделяют 86% граждан, являются сильно преувеличенными. У несведущих людей срабатывает механизм страха. Могут лишь отметить, что охрана ядерных средств и объектов (АЭС, складов ядерных боеприпасов), их защита не должна вызывать беспокойства. Ядерное оружие, как и химическое, находится в надежных руках и под надежной охраной». (Пресс-служба Госдумы РФ, 24 ноября 1999.)

Сергей Глотов (член комитета по международным делам), комментируя данные опроса общественного мнения, согласно которым 54% граждан впервые слышат о намерении США выйти из договора по ПРО, отметил, что «информация об этом появилась недавно. Что касается депутатов, они, зная об этой угрозе, не спешили с ратификацией СНВ-2. У нас, к сожалению, люди еще плохо осведомлены об этой проблеме». Говоря о предпочтении опрошенных «создать собственную систему противоракетной обороны», Сергей Глотов отметил, что «ПРО в России есть, но возможности по ее дальнейшему развитию весьма скромные. Речь может идти не о наращивании российской стратегической ядерной группировки, а о ее сохранении и поддержании. Думаю, что опрошенные граждане правильно оценили ситуацию, считая, что США будут соблюдать только те положения договоров, которые им выгодны». (Пресс-служба Госдумы РФ, 24 ноября 1999.)

В январском номере журнала *Bulletin of Atomic Scientists* опубликована статья Владимира Орлова и Ивана Сафранчука, анализирующая наиболее интересные результаты проведенного социологического опроса.

Комментарий**МОРСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ НЕ РАССМАТРИВАЕТ ПРОБЛЕМЫ
СПИСАННЫХ АТОМНЫХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК****Дмитрий Литовкин****специальный корреспондент периодических изданий ПИР-Центра**

Заседание Совета безопасности России, состоявшееся 23 ноября 1999 года, посвященное развитию ВМФ, оставило за рамками дискуссии проблему утилизации списанных из состава флота атомных подводных лодок (АПЛ). Премьер-министра России Владимира Путина, главнокомандующего ВМФ адмирала Владимира Куроедова, представителей оборонных предприятий и институтов волновали вопросы потери Россией былого могущества на морских коммуникациях и свертывание кораблестроительных программ. Будущее российского военного флота, престиж страны как великой морской державы собравшиеся рассматривали исключительно в контексте строительства современных кораблей, ремонта и модернизации старых.

Такое отношение к проблеме списанных атомных подводных лодок со стороны командования ВМФ вполне понятно. Еще 28 мая 1998 года постановлением правительства РФ за №518 списанные АПЛ и функции по их утилизации были переданы из ведения министерства обороны в ведение министерства по атомной энергии. И хотя, как показала практика, списанные АПЛ так и остались на своих местах, де-факто, флот престал нести за них ответственность, а значит и решать, что же с ними будет. Ведь по словам главкома ВМФ адмирала Владимира Куроедова, благодаря этому постановлению на флоте высвободилось более 10 тыс. человек личного состава, задействованных на поддержание списанных кораблей на плаву. Более одного миллиарда рублей пошло не на содержание списанных, а на ремонт и обслуживание действующих боевых кораблей. Поэтому бюджет ВМФ на 1999 год на содержание списанных АПЛ вообще не предусматривал расходов.

Но энтузиазм военных моряков оказался преждевременным. Единовременной передачи списанных АПЛ не получилось. Прежде всего потому, что на трех судоремонтных заводах Российского агентства по судостроению (которому летом 1999 года были переданы ГМП *Звездочка*, ПО *Северное машиностроительное предприятие* и СРЗ *Нерпа*) нет достаточных площадей, чтобы

сразу же принять все корабли от военных моряков, нет и 10 тыс. гражданских специалистов, способных в течение нескольких лет караулить списанные атомоходы.

Оказался не готов к такому повороту событий и Минатом. По свидетельству министра по атомной энергии Евгения Адамова, когда Минатом обращался со своими предложениями по ускорению процесса утилизации АПЛ в правительство России, то хотел взять на себя только ответственность за лодочные реакторы и выгруженное радиоактивное топливо. В итоге по постановлению №518 он оказывался единственной организацией, несущей ответственность за списанные корабли ВМФ. Возникновение этих проблем потребовало от трех министерств корректировки планов. Так, 7 июня 1999 года состоялась рабочая встреча глав Минатома, Минобороны и Минэкономики, в ходе которой было подписано трехстороннее соглашение о перераспределении функций и план трехгодичной передачи подлежащих утилизации АПЛ.

Появление этого документа стало логическим продолжением развития ситуации вокруг списанных АПЛ. Ведь сегодня в России реально утилизируют от трех до шести АПЛ в год. Столь скромные темпы работ объясняются отсутствием инфраструктуры выгрузки, хранения и переработки жидких и твердых радиоактивных отходов. Именно отсутствие этих объектов, по мнению специалистов, сдерживает нарастание темпов утилизации субмарин, жестко увязывая их с возможностью Минатома по вывозу отходов на ПО *Маяк*. Другой стороной проблемы стало понимание того, что в России проблема утилизации АПЛ воспринимается как мероприятие по уничтожению кораблей всех классов: стратегических крейсеров, ударных и многоцелевых АПЛ. Реально же идет уничтожение только ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН). Судьба ударных и многоцелевых АПЛ неизвестна, а именно они представляют наибольшую опасность в экологическом

плане, так как возраст некоторых субмарин уже приблизился к 30 годам.

На сегодняшний день в пунктах отстоя Северного флота находятся 90 АПЛ различных проектов. На двух третях из них не выгружены реакторные отсеки, что в случае аварии или затопления кораблей может привести к серьезным экологическим последствиям. Ситуация усугубляется еще и тем, что в последние годы бюджет министерства обороны практически не предусматривал расходов на утилизацию АПЛ. Следствием этого стало накопление большого количества долгов ВМФ перед судоремонтными заводами, занятыми утилизацией субмарин.

Так, в начале 1998 года долг ВМФ судоремонтным предприятиям оборонного комплекса Мурманской области за ремонт кораблей и АПЛ, а главным образом – за ремонт авианосца *Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов* на Мурманском судоремонтном заводе *Севморпуть* – составлял 300 млн руб. В январе–феврале 1998 года на счета предприятий Минэкономики, выполняющих работы по ремонту и утилизации АПЛ, из бюджета ВМФ РФ было перечислено 70 млн руб., в марте – еще 80 млн руб. Тем не менее по состоянию на конец лета 1999 года долг этим предприятиям все еще составлял 150 млн руб. В 1998 году из бюджета ВМФ на ремонт корабельного состава выделялось 17% от необходимых сумм. В 1999 году за первый квартал было выделено только девять процентов от требующихся средств. Этих ресурсов хватало только на доводку двух новых кораблей Северного флота: тяжелого атомного ракетного крейсера *Петр Великий* и большого противолодочного корабля *Адмирал Чабаненко*, заканчивающих цикл государственных испытаний.

После заседания Совета безопасности первый вице-премьер правительства России Илья Клебанов заявил, что было принято решение доработать уже существующую программу вооружений на период до 2010 года в плане более четкого определения приоритетов развития флота, а в 2000 году принять концепцию и стратегию развития ВМФ. Так, вице-премьер признал, что в 1993 году расходы на ВМФ составляли 23% от государственного оборонного заказа, в 1999 году всего 9,3%. Это, конечно же, не отвечает тем задачам, которые должен решать российский флот, поэтому расходы ВМФ

будут доведены до 20% от оборонного бюджета.

Помимо твердого радиоактивного топлива на Северном флоте остро стоит проблема обращения с жидкими радиоактивными отходами (ЖРО). До последнего времени они просто сливались в море, но после ратификации Россией в 1993 году Лондонской конвенции о полном запрете сброса радиоактивных отходов в моря произошло катастрофическое накопление ЖРО в хранилищах ВМФ и заводах Минэкономики, расположенных на Северном флоте: *Звездочке* и *Нерпе*.

Решением проблемы стала реконструкция комплекса по переработке жидкого радиоактивного топлива, расположенного на РТП *Атомфлот*. Деньги на проведение работы выделили правительства США и Норвегии, всего 10 млн долл. По планам руководства предприятия после модернизации установка сможет за два года переработать 7,5 тыс. кубометров, скопившихся на Северном флоте ЖРО¹. В начале ноября 1999 года губернатор Мурманской области Юрий Евдокимов, представители США и Норвегии торжественно открыли новый комплекс. Однако к активной работе он сможет приступить не ранее 2000 года.

К этому времени начнется активное включение в процесс утилизации АПЛ и Минатома. Так, по словам заместителя министра по атомной энергии РФ Валерия Лебедева, Минатом собирается утилизировать 18 АПЛ. По его данным, всего в северном регионе РФ предстоит утилизировать 107 АПЛ². По планам руководства этого ведомства в течение 1999 года министерство должно было найти деньги и решить проблему создания дополнительной инфраструктуры: пунктов выгрузки ядерного топлива из АПЛ, перестройку имеющихся хранилищ и создание новых, разработать новый транспортный контейнер, предназначенный не только для перевозки радиоактивного материала, но и для его длительного хранения. Ближе к 2000 году предполагалось начать саму утилизацию кораблей. На это, по расчетам специалистов, потребовалось инвестировать 1,4 млрд долл. в предприятия Севера страны. Бюджет России на эти цели ежегодно выделяет только 50 млн долл.

При этом, первоочередное внимание Минатом намерен уделить этапу выгрузки отработанного ядерного топлива (ОЯТ).

Министерство уже представило на Ижорских заводах в Санкт-Петербурге проект по производству контейнеров для ОЯТ. Кроме того, работы в этом направлении ведутся на заводе *Маяк* и ремонтно-механическом производстве Мурманского морского пароходства, где возведена установка по переработке жидких ядерных отходов. По словам Валерия Лебедева, в 1999 году на утилизацию ОЯТ бюджетом выделено 500 млн руб., однако реальное финансирование осуществляется на уровне 80%. Поэтому Минатом очень рассчитывает на помощь Запада – примерно 50–60 млн долл. ежегодно.

Свое желание принять участие в процессе утилизации российских АПЛ уже высказала Великобритания. Генконсул Великобритании Джон Гай подтвердил намерение своей страны выделить Мурманской области три миллиона фунтов стерлингов. Эти деньги, по словам дипломата, должны быть направлены на обеспечение безопасного хранения ОЯТ на плавучей базе *Ленсе*³.

16 июня 1999 года в Москве было подписано соглашение по продолжению программы по Совместному уменьшению угрозы. США решили пролонгировать предоставление финансовой и технологической помощи России еще на семь лет. В контексте Северного флота помощь будет оказана СРЗ *Нерпа*. В 1999 году завод получил 15 млн долл. на продолжение утилизации АПЛ. Под эти деньги на СРЗ *Нерпа* уже создана команда из 70 рабочих, которые прошли обучение в центре подготовки подводников в подмосковном Обнинске и могут самостоятельно обслуживать выведенные из состава ВМФ подводные корабли с атомной энергетической установкой. Поэтому с 2000 года завод планирует принять от ВМФ 7–11 АПЛ и заняться их утилизацией.

Прошедшее заседание Совета безопасности России еще раз подтвердило мнение, что, собственно, проблема утилизации АПЛ, несмотря на заверения политиков, остается исключительно ведомственной и поэтому не имеет реальной государственной поддержки. Перераспределение ответственности между участниками программы говорит только о том, что постановлением №518 было решено переложить функции утилизации АПЛ с бедного ВМФ на более богатый Минатом, который никогда не решал этих задач и в силу этого чисто технически не сможет ускорить их решение. Именно с этим были связаны расплывчатые комментарии представителей министерства о том, когда же действительно начнется полномасштабная утилизация АПЛ. Вся работа, происходившая до появления постановления, шла в рамках программы Совместного уменьшения угрозы и не требовала от российского правительства выделения дополнительных средств.

В нынешней ситуации США профинансируют уничтожение оставшихся РПКСН, после чего России придется самостоятельно искать средства на утилизацию оставшихся атомных подводных кораблей других классов. Где взять на это деньги, мог ответить Совет безопасности России, приняв государственную программу утилизации АПЛ в рамках концепции строительства ВМФ в следующем веке.■

¹Виктор Литовкин. Ядерный утиль умирает, но не сдаётся. *Известия*, 31 октября 1998, с.4

²Минатом РФ предполагает в 2000 году утилизировать 18 атомных подводных лодок. *Интерфакс Северо-Запад*, 9 ноября 1999

³Вячеслав Гудков. Англичане уничтожат российские подлодки. *Коммерсант-Daily*, 20 ноября 1999

Анализ**ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЗЕМНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ –
СКРЫТОЕ ОРУЖИЕ РОССИИ****Вадим Козюлин****научный сотрудник, ПИР-Центр**

К началу девяностых годов Советский Союз, хотя и потерпел поражение в *холодной войне*, но при этом практически полностью удовлетворил потребности традиционных для СССР иностранных заказчиков (более 40 стран) в вооружении, военной технике и объектах специального назначения. Советские специалисты ожидали, что новый этап перевооружения и модернизации мог наступить только через пять–восемь лет¹.

Приближается время, когда эти ожидания могут исполниться, но технический прогресс вносит естественные изменения в процесс перевооружения. Становится очевидным, что полководцы будущих войн будут в значительной мере полагаться на *высокоточное оружие*.

Высокоточное оружие как комплекс новых форм ведения войны

Термин высокоточное оружие (ВТО) стал привычным для средств массовой информации. В подавляющем большинстве случаев это понятие связывается с вооружением, имеющим повышенные точностные характеристики. Между тем современные данные о ВТО позволяют с полным основанием считать, что ВТО представляет собой сбалансированный по составу и характеристикам комплекс высокоточных активных и пассивных средств поражения, информационного обеспечения, систем связи, навигации, картографирования, метео- и топообеспечения. Все элементы комплекса объединены глобальной иерархической системой управления. Комплекс ВТО обеспечивает эффективное проведение боевых действий во всех средах и позволяет проводить оптимальное по составу, времени, месту и масштабам поражение различных стационарных и подвижных объектов, а также живой силы противника.

По мнению командующего ракетными войсками и артиллерией Украины генерала Владимира Терещенко, «золотой век танковых и механизированных войск если и не прошел, то подходит к концу, и рассчитывать, что в будущем боевые действия будут базироваться на сухопутных и танковых войсках – ошибка»². Генерал уверен, что в будущих

боевых действиях главную роль будут играть ВТО и его основные носители: авиация, ракетные войска и в несколько меньшей степени артиллерия.

Действительно, не нужно быть тонким военным стратегом, чтобы на примерах операций США в Ираке и Югославии понять – военная техника совершает новый качественный скачок. Ракетная техника вытесняет традиционные виды оружия. Это наглядно продемонстрировала сконцентрированная в Персидском заливе в ходе операции *Буря в пустыне* огромная сухопутная группировка, которая на деле оказалась настолько же бесполезной, насколько и дорогостоящей. Военные конструкторы мира делают ставку на ВТО.

Развивая полученное от СССР наследие, разработкой ВТО занимаются конструкторы России, Украины и Белоруссии. Несмотря на то, что и разработка, и серийные образцы ВТО в несколько раз дороже обычного, расчет количества ракет, необходимых для поражения объектов, показывает, что ВТО производить более экономично.

Европейские страны группируют свои потенциалы и также начинают серьезно заниматься проблемой ВТО. Ведущие военные концерны Великобритании, Франции и Италии завершили создание единой индустриальной группы, которая будет контролировать большую часть европейского рынка ракетного вооружения. Кооперация в оборонной промышленности Запада активизировалась после военных действий НАТО против Югославии, по итогам которой политическим и военным руководством ведущих стран было принято решение начать перевооружение своих армий, сделав упор на закупку самой передовой техники. Предполагается, что уже в 1999 году новая группа получила от продаж своей продукции около трех миллиардов долларов³.

29 октября 1999 года в Париже было объявлено о планах французского *Thomson* заключить соглашение о сотрудничестве с южнокорейским *Samsung Electronics*, при этом французская сторона приобретает 50% активов

своего корейского партнера. Новая компания будет заниматься разработкой и производством широкого спектра военного электронного оборудования и вооружений – от средств связи до ракет класса *земля–воздух*⁴.

Индия задалась целью превратиться в крупного экспортера ракетной продукции. Предсказывая значительный рост спроса на ракеты во всем мире, президент компании *Bharat Dynamics Ltd.* заявляет: «Хотя мы вышли на международный рынок с некоторым опозданием, наша цель – стать крупным игроком в ракетном экспорте путем спланированных и согласованных мер». Индийцы намерены сконцентрироваться на производстве управляемых ракет третьего поколения, наподобие тех, что применялись против Ирака и Югославии, а также противотанковых ракет⁵.

Фактически мир вступает в новый этап *гонки вооружения*. Ее организатором и вдохновителем выступают Соединенные Штаты. Существующая и ожидаемая в ближайшие годы военно-политическая ситуация не дает поводов думать, что активное создание ВТО продиктовано интересами обеспечения национальной безопасности. Основным движущим мотивом развития ВТО является стремление США к безоговорочному мировому лидерству через реализацию своего технико-экономического и технологического превосходства. История дает Соединенным Штатам шанс обеспечить безоговорочное военное доминирование во всем мире, и США явно намерены им воспользоваться.

В реальности по финансовым возможностям у США нет соперников в разработке и создании ВТО. И, конечно же, они вне конкуренции по части количества произведенных боевых испытаний. А учитывая широту зон американских интересов, можно предположить, что недостатка в полигонах у США не будет и в дальнейшем.

Сейчас стоимость каждой крылатой ракеты воздушного или морского базирования оценивается примерно в один миллион долларов. В 1998 году расходы США на покупку ВТО составляли 775 млн долл., а в 2000 году – увеличатся в два раза по сравнению с 1998 годом. Впрочем, вероятнее всего, затраты на закупку ВТО еще возрастут в результате принятых недавно решений о модернизации дополнительной партии крылатых ракет и форсированной закупке управляемых авиабомб типа JDAM⁶. По

планам США, закупки высокоточных систем вооружения будут интенсивно идти до 2010 года. Анализ возможностей США позволяет сделать вывод, что к этому времени они будут иметь такое количество высокоточных неуправляемых средств поражения, которого будет достаточно для проведения непрерывной стратегической воздушно-космической операции по противнику в течение 30 суток⁷.

ВТО не ограничивается крылатыми ракетами и *умными* снарядами и бомбами. Чтобы понять перспективу и масштаб задач по созданию ВТО, посмотрим на перечень составляющих комплекса ВТО. Основные направления развития комплекса ВТО включают:

- массовое производство (в том числе переоснащение имеющегося) сравнительно недорогого прецизионного дистанционно управляемого и самонаводящегося наступательного вооружения (крылатые ракеты различного класса, баллистические ракеты, авиабомбы, артиллерийские и реактивные снаряды и т.д.);
- развертывание безъядерной системы ПРО, способной поражать как баллистические ракеты, так и значительную часть космических аппаратов;
- создание принципиально новых видов вооружения (лазерное, СВЧ и т.д.);
- формирование глобальной системы разведки и сбора информации на базе нескольких группировок космических аппаратов, дежурных и патрульных самолетов, надводных и подводных кораблей, наземной сети станций слежения и радиоперехвата;
- контроль (в перспективе в реальном времени) всех типов наземных, воздушных, морских и космических объектов с использованием широкого спектра оптического и радиодиапазонов;
- создание автоматической системы сбора и обработки информационных потоков о потенциальных противниках и союзниках, состоянии собственных сил и средств;
- оперативная оценка складывающейся ситуации и выработка рекомендаций для принятия решений;
- создание иерархической системы управления, контроля прохождения команд и выполнения принятых решений на базе объединенного единым замыслом построения и функционирования программно-алгоритмического комплекса;

- развертывание глобальной системы навигации и точного времени;
- создание эшелонированной автоматической системы связи.

Колоссальный военный бюджет делает Соединенные Штаты, похоже, единственной страной в мире, способной не просто производить, но и вооружать ВТО свои вооруженные силы. Научно-техническим потенциалом, позволяющим создать полномасштабный комплекс ВТО, располагают в настоящее время только две страны: США и Россия. Учитывая большую инерционность наращивания научно-технического потенциала, можно полагать, что в ближайшие годы других потенциальных, самостоятельно действующих претендентов на обладание комплексом ВТО не будет. Ввиду того, что Россия переживает экономический кризис и не располагает необходимыми технико-экономическими ресурсами, то монополию на комплекс ВТО имеют США.

Это не означает, что другие страны не будут иметь в своем арсенале отдельные высокоточные наступательные и оборонительные системы вооружения. Одни будут производить их самостоятельно, другие уже приобретают или будут приобретать. Стабильно пользуются спросом на мировом рынке противотанковые комплексы, зенитно-ракетные комплексы (ЗРК), управляемые авиационные ракеты, то есть средства борьбы с военной техникой противника, средства обороны.

Соединенные Штаты собираются продать Израилу технологию для переоснащения 700 обычных бомб в сверхсовременные – со спутниковым наведением на цель. Пока подобным оружием обладают лишь сами США, а технология его изготовления не предоставлялась даже союзникам по НАТО. Именно такого типа бомбы, кстати, попали 7 мая 1999 года в посольство КНР в Белграде. Израильяне станут первыми, но не последними обладателями бомб со спутниковым наведением. Пентагон собирается продать эту систему своим союзникам по НАТО⁸. Этот на первый взгляд ординарный факт знаменует начало процесса с важнейшими последствиями – распространения наступательного ВТО по миру. Сегодняшняя экзотика завтра станет ходовым товаром.

Что такое нападение с использованием ВТО, испытали на себе граждане Югославии.

Развитие ВТО сопровождается информационной поддержкой в средствах массовой информации. На первый план выносятся положения о его гуманном, щадящем характере, обеспечивающем выборочное поражение целей военного назначения. В развитие этого положения проводится мысль о допустимости боевых действий с использованием ВТО. Полицейские и карательные операции вообще могут не затронуть мирное население. Оно может даже не почувствовать, что в один прекрасный момент его избавили от неуютного режима.

Более того, на каком-то этапе ВТО будет в состоянии гарантированно и почти бескровно нейтрализовать ядерный потенциал какого-нибудь совсем расползавшегося государства. И соблазн совершить такое благодеяние для человечества будет очень велик.

Новые формы защиты против новых средств нападения

Для того чтобы обезопасить себя от ВТО, существует одно средство – развивать противовоздушную и противоракетную оборону (ПВО-ПРО), или иными словами создавать для себя тот самый пресловутый *космический зонтик*, который в США получил название Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Как и в случае с самим ВТО, разработать комплексную систему ПВО-ПРО сегодня по силам только США и России.

По расходам на НИОКР в области вооружений США далеко опережают не только Россию, но и всех своих союзников по НАТО: 72% финансирования научных исследований НАТО в этой сфере приходится на их долю. В 1993 году они составили 35,7 млрд долл. Примечательно, что программа СОИ, о которой до последнего времени мало писали, была самой дорогой из программ: с 1984 года на ее реализацию выделяется не менее трех миллиардов долларов ежегодно⁹.

В настоящее время каких-либо данных о проведении в России дальнейших работ по созданию противоспутникового вооружения нет. Кроме того, экономическая ситуация в стране практически исключает возможность их проведения. Напротив, США активизировали свою деятельность, предполагая, что многие страны мира в недалеком будущем будут располагать собственными космическими системами, в первую очередь разведки и связи, которые должны находиться под прицелом США и их союзников.

По данным журнала *Aviation Week and Space Technology* США разрабатывают новые противоспутниковые системы воздушного и наземного базирования. По словам представителей Пентагона, ни один договор между Западом и Востоком не запрещает испытания противоспутникового оружия в космосе. На настоящий момент США не располагают никакими средствами, о которых бы они сообщали открыто, для уничтожения спутников-разведчиков потенциального противника. Но по мнению некоторых экспертов, США, возможно, имеют секретные способы, которые могут быть использованы в случае необходимости.

По мнению военных специалистов, факторы, нарушающие стратегическую стабильность, в ближайшие годы могут получить дальнейшее развитие и существенно отразиться на взаимоотношениях государств. В этих условиях российские политики и военные хотели бы обеспечить совершенствование воздушно-космической обороны для сохранения стратегического равновесия, включая средства борьбы с аэродинамическими и баллистическими целями, совершенствование системы разведки и предупреждения о воздушном, ракетном и космическом нападении, проведение эффективного мониторинга космического пространства.

Однако и в России, и в США понимают, что Россия сегодня не имеет средств для создания комплексной ПВО-ПРО. Это дает США основание надеяться, что обеспечение международного признания создания системы ПРО обойдется малыми политическими усилиями. Мало кому верится, что США ограничатся локальной системой ПРО. Выполнив продекларированную программу защиты от дюжины ракет, выпущенных Ираном, Северной Кореей или другим радикальным режимом, США наверняка пойдут дальше.

Но между тем потенциал российского военно-промышленного комплекса (ВПК) в этой области достаточно высок. Специалисты России, Украины и Белоруссии не ставят под сомнение *техническую возможность* создания противоракетного зонтика не только над отдельными объектами или стратегическими районами, но и над территориями государств.

Экспортный потенциал российского комплекса защиты

Большинство высокоразвитых стран мира и стран с интенсивно развивающейся экономикой, в частности, страны Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, имеют в собственном распоряжении либо стремятся иметь системы космической связи и разведки, главным образом оптической. Другие космические системы либо являются для них недоступными, либо используются на правах союзнических отношений. В первую очередь это относится к космическим навигационным системам, системам обнаружения старта баллистических ракет, многоспектральным системам оптико-электронного и фотографического наблюдения земной поверхности.

Следует отметить, что страны, находящиеся в тесных союзнических отношениях и рассматривающие друг друга в качестве стратегических партнеров, предпочитают, несмотря на значительные затраты, иметь собственные национальные космические системы, которые обеспечивают им значительную самостоятельность в принятии решений различного уровня, вплоть до ведения боевых действий. Примером могут служить США и Израиль.

Израиль, несмотря на ограниченность своих ресурсов и безусловную поддержку со стороны США практически любых своих военно-политических действий, имеет собственный арсенал ракетно-ядерного оружия, средства выведения на орбиту космических аппаратов, космическую систему оптико-электронной разведки наземных объектов, систему космической связи.

Такой состав космических обеспечивающих систем и авиационно-ракетных средств нападения позволяет организовать эффективное нанесение упреждающих ударов по сопредельным странам с использованием средств воздушного и ракетного нападения, а также проведение наступательных и оборонительных операций сухопутными и морскими силами любого масштаба.

При использовании других космических систем, например, навигационной, эффективность отдельных боевых систем и средств возрастет, но общий характер боевых возможностей войск принципиально не изменится.

Тенденции развития вооруженных сил ряда стран региона, прежде всего Израиля и других

союзников США, свидетельствуют о постепенном выравнивании наступательной и оборонительной составляющей, что обеспечит этим странам неоспоримое превосходство в будущих войнах. При этом оборонительная составляющая понимается в широком смысле и предусматривает получение разносторонней информации о противнике как при подготовке к боевым действиям, так и в ходе их проведения.

Так, американская компания *Hughes* подписала в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) контракт на осуществление проекта создания единой системы раннего радиолокационного оповещения Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Бахрейна, Катар, Султаната Оман, входящих в совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Стоимость контракта оценивается в 85 млн долл. К 2000 году должны быть объединены унифицированной системой связи генеральные штабы шести аравийских армий и части их противовоздушной обороны для обмена оперативной информацией и координации действий. Речь, видимо, идет о создании информационно-управляющей системы, объединяющей существующие средства обнаружения и создающие основу для наращивания системы предупреждения. Не исключено, что эта система будет в том или ином виде объединять аналогичную систему Израиля, которая наряду с решением задачи предупреждения обеспечивает стрельбовые комплексы *Patriot* предварительным целеуказанием.

В современных условиях для организации эффективной защиты страны и своевременного принятия мер противодействия необходимо комплексное, взаимоувязанное развитие космических средств, противокосмической, противоракетной и противовоздушной обороны, средств обеспечения боевого применения своей авиации, а также системы управления, связи и передачи данных.

Комплексное развитие оборонительной компоненты (наземно-космической обороны) позволяет минимизировать затраты, сократить сроки создания системы, а также планомерно наращивать ее возможности в зависимости от складывающейся военно-политической обстановки.

В последние годы экспортные контракты стали *палочкой-выручалочкой* для многих российских разработок в военной сфере.

Наиболее удачливые оборонные предприятия буквально поднимались из пепла после выполненной сделки. Зарубежное финансовое вливание позволяет осваивать новые рынки, как правило, подстегивает инженерную мысль и, что важно, — позволяет поддерживать и развивать производственную базу, которая рано или поздно понадобится для выполнения внутренних военных заказов. Так, ОКБ им. Сухого сегодня фактически существует и работает за счет и на благо зарубежных ВВС, но при этом конструкторское бюро создает новые модели, находя новые собственные решения и интегрируя на своих самолетах иностранные авиационные системы. Так, на тендер по закупке современного истребителя для ВВС ОАЭ Россия выставила Су-35, закупки которого военно-воздушными силами РФ вообще пока не рассматриваются по финансовым соображениям. Подписан контракт, предусматривающий продажу Индии 40 многофункциональных истребителей Су-30, которые также пока не поступают на вооружение российской авиации¹⁰.

Иронично, но в этом смысле у России есть преимущество перед США: Россия уже переступила через существовавшее ранее правило не поставлять на экспорт то, чем не обладают собственные Вооруженные силы. Сегодня экспорт стал источником финансирования для разработок военной авиации, противотанковых комплексов. Есть ожидания, что вскоре это может случиться с флотом и ПВО.

Развертывание системы наземно-космической обороны сегодня привлекательно для многих государств, изучивших опыт войны в Ираке и Югославии. У многих из них нет достаточно квалифицированных специалистов, способных оценить ее возможности и понять потребность собственного государства в ней. Ограниченность военного бюджета подталкивает многих зарубежных военачальников к модернизации старых, по сути, отживших систем. Но наиболее развитые в военном отношении страны уже сейчас имеют или создают элементы противовоздушной системы, которые в дальнейшем могут стать кирпичиками в комплексе ПВО-ПРО.

Кто может стать пользователем российской системы военно-космической обороны? Поскольку стоимость цельной комплексной системы оценивается в несколько миллиардов

долларов США, то клиентами России могут стать государства:

- располагающие значительными военными бюджетами;
- серьезно озабоченные внешней угрозой;
- противостоящие высокотехнологичной военной силе.

То есть в число возможных заинтересованных покупателей российских систем можно включить Индию, Китай, Ливию, Египет, Иран, Ирак, Югославию. При разрешении финансовых препятствий пользователем российской наземно-космической системы могла бы стать Сирия. Учитывая традиционное недоверие арабского региона к Соединенным Штатам и желание иметь альтернативный инструмент самообороны, с целым рядом оговорок можно добавить в этот список ОАЭ и Кувейт. Интерес к приобретению элементов российского комплекса ПВО-ПРО могут проявить Судан, Греция.

На примере Индии можно предположить, как может выглядеть индийская наземно-космическая система. Если исходить из необходимости постоянного прикрытия наземными средствами ПВО основных объектов и войск, то система ПВО полного состава должна включать несколько зональных группировок, располагающих средствами управления и контроля воздушной, а также морской обстановкой. Эти средства должны обеспечивать эффективное боевое применение зенитно-ракетных систем (ЗРС) различного типа истребительной авиации, наземных и воздушных систем помехового противодействия. Основными элементами системы ПВО могут являться:

1. Несколько современных радиолокационных станций (РЛС), расположенных по периметру границ, либо в стратегически важных районах страны для ведения непрерывного наблюдения воздушного пространства. Они образуют сплошное радиолокационное поле и позволяют надежно контролировать самолеты типа Е-3, Е-8С, RC-130Y/W, ЕС-130Н, ЕА-6В, F-16СJ в зоне выполнения ими боевых задач, самолеты тактической авиации и крылатые ракеты на маршрутах их полета. Наиболее полно современным требованиям удовлетворяют мобильные РЛС *Противник-ГЕ* и *Гамма-С1Е*, серийный выпуск которых освоен на предприятиях оборонного комплекса России.

2. Несколько ЗРС, обеспечивающихкрытие отдельных районов радиусом 15–20 км и поражение аэродинамических целей на дальности порядка 200 км. В качестве таких ЗРС наиболее предпочтительно использовать комплекс С-300ПМУ и ее последующие модификации. ЗРС обеспечивает поражение всех типов аэродинамических целей, оперативно-тактических баллистических ракет, а также морских целей в прибрежной зоне.
3. Несколько десятков батарей ЗРС малой и средней дальности. Каждая батарея включает в свой состав командный пункт и до шести боевых машин, способных вести самостоятельные боевые действия по защите небольших объектов радиусом до трех километров. Эти ЗРС могут выполнять боевые задачи как в составе территориальных группировок ПВО (совместно с ЗРС С-300ПМУ), так и в боевых порядках войск на театре военных действий. ЗРС способны поражать все типы целей на дальности до 40 км и высотах до 20 км с использованием как радиолокационных, так и оптических, в том числе инфракрасных, средств обнаружения и наведения. Такими ЗРС могут быть комплексы *Бук-М1-2* и *Панцирь*. Наряду с воздушными целями комплексы позволяют поражать наземные и морские средства противника.
4. Несколько зональных комплексов средств автоматизации управления и информационного обеспечения.
5. Объединенную территориальную автоматизированную систему наблюдения за воздушной, морской обстановкой и управления боевыми действиями наземных, воздушных средств ПВО.
6. Около 10 автоматических комплексов пассивной защиты средств ПВО и других важных объектов. В состав комплекса входят средства постановки активных и пассивных помех информационным и огневым средствам противника, отвлекающие устройства. В качестве такого комплекса может рассматриваться система *Газетчик-Е*.
7. Систему связи и передачи данных с высоким уровнем резервирования, дублирования, защиты информации и направлений информационных потоков. Боевые действия последних лет показали

низкую живучесть традиционных систем связи и передачи данных ввиду использования стационарных легко разведываемых объектов. Следствием поражения системы связи и передачи данных явились значительные сбои в системе управления. Основой достижения высокой боевой устойчивости системы связи и передачи данных является наличие закрытого канала связи военного времени, трудно доступного для средств разведки и поражения. В современных условиях таким каналом может быть спутниковая линия связи космических систем, которые не контролируются вероятным противником.

8. Огневые, информационные и управленческие средства ПВО предшествующих поколений, которые находятся на вооружении в стране и которые располагают необходимым ресурсом модернизации в интересах повышения тактико-технических, эксплуатационных характеристик, живучести и мобильности.

Специалисты считают, что развертывание полномасштабной системы наземно-космической обороны возможно в течение двух–трех лет в четыре этапа:

1. Модернизация существующих средств и создание основы для развертывания полномасштабной системы ПВО.
2. Развертывание современных РЛС и создание информационного поля контроля воздушной, ракетно-космической и морской обстановки вдоль границ.
3. Поставка и развертывание ЗРС малой (средней) дальности.
4. Поставка и развертывание ЗРС большой дальности.

Заключение

Развертывание системы наземно-космической обороны одним из государств неизбежно приведет к поиску *асимметричного ответа* со стороны потенциальных противников. Некоторые, как например, Китай, вероятно, сделают упор на модернизацию стратегических ядерных сил. Другие потратятся на разработку современного ракетного оружия либо строительство мощных кораблей, способных наносить неожиданные удары со стороны незащищенного побережья.

В любом случае мир стоит на пороге новой *гонки вооружений*, точнее, война уже ведется – в конструкторских бюро, на испытательных стендах и полигонах. США фактически

владеют монополией на современное ВТО, и это значит, что *гонка вооружений* будет продолжаться. Соединенные Штаты – единственная страна, способная лидировать в ней, не подрывая свое экономическое благополучие.

Шансы России в этом забеге плачевны. Надежды российской национальной обороны можно связывать с ожиданием решительного оздоровления экономики, что в нынешней ситуации маловероятно, либо с развитием масштабного сотрудничества с более состоятельными дружественными государствами, заинтересованными в усилении собственной безопасности и незаинтересованными в американском доминировании во всем мире.

Также можно понадеяться на российскую дипломатию и сделать ставку на ограничение нового витка гонки вооружений путем международных договоренностей. Однако более вероятно, что ВТО и ПВО-ПРО станут объектом международных договоренностей как раз тогда, когда Россия начнет поставлять на экспорт существенные элементы наземно-космической обороны.■

¹Симаков Александр. Государственный посредник и мировой рынок вооружений. *Экспорт Вооружений*, июль–август 1998

²Какое оружие нужно Украине. *Зеркало Недели* (Киев), 6 марта 1999

³Ракетная Европа объединяется. *Красная Звезда*, 30 октября 1999, с.4

⁴Создается француско-корейская фирма по производству военной электроники. *Электронный банк Инфо-Тасс*, база ВЕГА, 1 ноября 1999

⁵India aims to emerge big player in missile exports. *Indian Express*, 15 October 1999

⁶Мясников Евгений. Мифы и факты об умных бомбах и ракетах. *Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ*, 21 июля 1999

⁷Хохлов Алексей. Мир на пороге войны шестого поколения (Интервью с Владимиром Слипченко). *Новые Известия*, 24 марта 1999

⁸Сафронов Рустем. Америка продаст Израилу умные бомбы, *Коммерсант-Daily*, 20 ноября 1999

⁹Ржечицкая Татьяна, Егоров Александр. Сколько тратят на науку в НАТО. *Русское Оружие*, 28 мая 1994, с.4

¹⁰Макиенко Константин. Торговля оружием и мир после окончания холодной войны. *Экспорт Вооружений*, апрель–май 1997

Обзор**К ВОПРОСУ О БУДУЩЕМ ДОГОВОРА ПЕЛИНДАБА****Дмитрий Поликанов****кандидат политических наук, ПИР-Центр**

Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (ЗСЯО), известный также как договор Пелиндаба, был открыт для подписания 11 апреля 1996 года на саммите в Каире. В нем приняли участие представители африканских стран, государств, обладающих ядерным оружием, и других нерегиональных держав, которые в той или иной степени несут ответственность за ряд входящих в зону территорий. К ноябрю 1998 года практически все африканские страны [50 из 53 – Авт.], за исключением Экваториальной Гвинеи, Мадагаскара и Сомали, подписали данное соглашение о ЗСЯО. Однако для вступления договора в силу необходимо, чтобы его ратифицировали 28 государств Африки. Ратифицировали же договор и сдали ратификационные грамоты депозитарию лишь 11 стран: Алжир, Ботсвана, Буркина-Фасо, Гамбия, Зимбабве, Кот-д'Ивуар, Мавритания, Маврикий, Мали, Танзания, ЮАР. Выразившиеся некоторыми экспертами оптимистические надежды на вступление договора в силу уже к концу 1998 года, базировавшиеся на соответствующих заявлениях представителей африканской группы в ООН, не оправдались¹. До сих пор не ратифицировали протоколы к договору и три ядерные державы: Великобритания, Россия и США. Более того, протокол №3, который должен быть подписан и ратифицирован Францией и Испанией, даже не был скреплен подписью последней.

Отсюда возникает закономерный вопрос: насколько нужен был Африке договор Пелиндаба и, следовательно, как скоро можно ожидать его вступления в силу? Являлось ли подписание подобного документа лишь уступкой тенденции создания безъядерных зон или же за этим стоят интересы государств континента? Насколько эффективен договор Пелиндаба? Настоящая статья представляет собой попытку ответить на эти непростые вопросы и оценить шансы ЗСЯО в Африке.

Краткая история создания безъядерной зоны

Как известно, официальная позиция на создание ЗСЯО в Африке была заявлена в первых решениях Организации африканского единства (ОАЕ), поддержанных ООН. В 1964

году Ассамблея глав государств и правительств ОАЕ на своей сессии в Каире приняла Декларацию о превращении Африки в безъядерную зону². В целом это решение было вызвано протестом против проведения Францией ядерных испытаний на территории континента, нежеланием быть вовлеченной в борьбу сверхдержав, стремлением обуздать гонку вооружений. Африканские страны традиционно выступали за разоружение и прекращение ядерного соперничества как в рамках ООН, так и в системе Движения неприсоединения и других международных организаций. Позднее дополнительной мотивацией стала угроза со стороны ЮАР, которая начала разработку собственной ядерной программы. Этот фактор имел двойное значение. *С одной стороны*, он побуждал африканские страны активизировать усилия по созданию ЗСЯО, чтобы поставить ЮАР под надежный международный контроль. *С другой стороны*, было очевидно, что в условиях напряженных отношений ЮАР с остальными государствами континента и ее нежеланием присоединяться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) реализация положений будущего договора о ЗСЯО может быть поставлена под сомнение. Тем более что режим ЮАР и начал разработку этой программы для того, чтобы сдерживать усилия африканских стран (поддерживаемых СССР), направленные на ликвидацию апартеида и поддержку национально-освободительных движений на юге Африки.

Говоря о ядерной стратегии Южной Африки, необходимо отметить ее заявленный четырехступенчатый характер. Она должна была обезопасить правительство ЮАР, предотвратив угрозу внешнего вторжения на территорию страны со стороны государств, поддерживаемых СССР и Организацией Варшавского договора (ОВД). Имелась в виду прежде всего Ангола, которая совместно с Кубой могла осуществить подобную интервенцию для защиты собственной территории от агрессии ЮАР и для оказания помощи движению СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) в Намибии. При этом ЮАР рассчитывала, что, создав угрозу применения ядерного оружия, она заставит вмешаться в дело западные

страны, которые могли бы сдержать вторжение просоветских сил³. Первый этап, по словам высокопоставленных чиновников ЮАР, включал создание атмосферы неопределенности относительно наличия или отсутствия у Претории ядерного оружия. В случае возникновения серьезной угрозы для безопасности страны должен был начаться второй этап, на котором Претория конфиденциально сообщала бы Западу, что ядерное оружие имеется, для того, чтобы вынудить США и их союзников вмешаться и остановить ОВД и ее африканских сателлитов. Если же и это не вызвало бы нужной реакции, то должен был осуществиться переход к третьей фазе, то есть к откровенной демонстрации своих ядерных возможностей через проведение испытаний. Была и четвертая ступень, официально не декларированная, но разрабатывавшаяся. Речь идет о боевом применении ядерного оружия с использованием авиабомб и баллистических ракет против ключевых объектов инфраструктуры (аэродромов, портов и т.п.) и крупных сосредоточений бронированной техники. Вопрос о боевом использовании ядерного оружия носит спорный характер, хотя некоторые косвенные индикаторы свидетельствовали о возможности такого сценария развития событий⁴.

До начала девяностых годов никаких серьезных изменений не происходило. ООН и ОАЕ регулярно принимали резолюции с призывами содействовать созданию ЗСЯО, однако эти резолюции не дали никакого эффекта. В начале девяностых годов ситуация начала меняться.

Во-первых, важным шагом было присоединение ЮАР к ДНЯО в 1991 году и решение руководства этой страны о демонтаже и уничтожении имевшегося ядерного оружия. Заявление об этом было сделано в марте 1993 года президентом ЮАР Фредериком де Клерком (Frederik de Klerk). Подобные изменения в политике ЮАР были связаны не только с ослаблением внешней угрозы и частичной нормализацией отношений с соседями. Руководство страны исходило также из соображений внутренней безопасности, поскольку не было ясно, кто же в результате сменит правительство де Клерка и насколько стабильной будет ситуация в стране. В случае прихода к власти группы белых или черных радикально настроенных политиков, ядерное оружие могло быть использовано ими для достижения экстремистских целей. Кроме того, не

существовало и определенности в отношении намерений АНК [Африканский национальный конгресс, движение социалистического толка – **Авт.**], который мог бы смело передать оружейный уран в счет прежних долгов своим союзникам: Ливии, Кубе, Ирану или Организации освобождения Палестины (ООП)⁵. По различным оценкам, ЮАР произвела почти 800 кг 90-процентного эквивалента высокообогащенного урана (для производства ВОУ могли быть использованы 256 кг урана-235)⁶.

МАГАТЭ, проведя соответствующие инспекции, фактически подтвердило факт уничтожения шести ядерных взрывных устройств и оборудования для их производства, а также полноту данных о количестве ядерных материалов. Последняя точка в ликвидации ядерной программы ЮАР была поставлена в 1997 году, когда Китаю была продана технологическая установка по созданию циркониевых труб, служащих оболочкой для ядерного топлива реакторов, что исключало в дальнейшем для ЮАР возможность производства ядерного топлива⁷. В целом, этот положительный факт в свое время потребовал дополнительной работы над текстом будущего договора о ЗСЯО, чтобы не допустить появления разработки новых ядерных устройств и обеспечить полное уничтожение уже имеющихся зарядов.

Кроме того, по мере демократизации в ЮАР были налажены ее отношения с соседними странами, а после прихода в 1994 году к власти правительства черного большинства во главе с Нельсоном Манделой (Nelson Mandela) это государство стало полноправным участником всех региональных объединений. Снижение угрозы со стороны ЮАР, развитие широкомасштабного сотрудничества оной со странами континента также способствовало общей нормализации обстановки вокруг договора о ЗСЯО, поскольку теперь вопрос о его реализации стал менее острым.

Во-вторых, произошло общее оздоровление международного климата, связанное с окончанием *холодной войны* и ядерного соперничества сверхдержав. В обстановке определенной эйфории можно было отметить стремление к согласованным усилиям по укреплению режима ядерного нераспространения, по прекращению гонки вооружений и сокращению ядерных арсеналов, что выразилось в вполне реальных соглашениях (СНВ-1, СНВ-2, продление ДНЯО, выработка Договора о всеобъемлющем

запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и т.п.). В этих условиях для африканских стран возникала необходимость закрепить юридически имеющиеся достижения в области разоружения в том виде, в каком они касались Африканского континента, в том числе и через подписание договора о ЗСЯО.

Анализ положений договора Пелиндаба

Договор Пелиндаба включает в себя требования об отказе от ядерных взрывных устройств, о предотвращении их размещения и запрещении их испытаний. Как отмечается экспертами, «договор имеет ряд уникальных статей, которые отсутствуют в других договорах о создании ЗСЯО»⁸. Представляется целесообразным последовательно рассмотреть положения договора и дать соответствующие комментарии.

Договор Пелиндаба во многом использует принципы, заложенные в соглашениях о создании безъядерных зон в Латинской Америке (Тлателолко) и южной части Тихого океана (Раротонга). При этом в большей степени он ориентирован именно на достижения, полученные при выработке договора Раротонга, а по некоторым статьям даже превосходит вышеозначенное соглашение.

Статья 1 договора содержит определения используемых терминов и понятий. Так, договор Пелиндаба при трактовке термина *ядерное взрывное устройство* не ограничивается запрещением устройств, используемых для военных целей, а говорит о «любом ядерном оружии или ином взрывном устройстве, способном к выделению ядерной энергии, независимо от целей, для которых оно может быть использовано»⁹. Кроме того, в отличие от договора Раротонга даются понятия *ядерного объекта* и *ядерных материалов*, которые, по нашему мнению, не выходят за рамки традиционных определений, используемых МАГАТЭ. Сходство с договором о ЗСЯО в южной части Тихого океана наблюдается и при определении термина *размещение*, который, впрочем, вызвал определенное расхождение во взглядах при трактовке статьи 4, о чем подробнее будет сказано ниже.

Говоря о терминах, следует упомянуть и использование понятия *государства, обладающего ядерным оружием*. Фактически, нигде в тексте договора нет прямого указания на такие государства, однако в тексте протокола №1, объединяющего негативные

гарантии безопасности, упоминается лишь традиционная ядерная *пятерка*, что дало основания некоторым экспертам полагать, что в данном случае договор последовал тексту ДНЯО¹⁰. При этом в качестве недостатка выделяется неохваченность договором *пороговых государств*, особенно Израиля. Если Индия, Пакистан, Северная Корея, Иран или Ирак вряд ли будут когда-нибудь реально использовать ядерное оружие против участников договора, то угроза со стороны Израиля для стран Северной Африки существует. С этим связан и содержащийся в преамбуле призыв к созданию ЗСЯО на Ближнем Востоке, что упрочило бы безопасность участников договора Пелиндаба.

Статья 2 определяет зону действия договора. Специальным приложением стала карта, где были указаны все территории, входящие в ЗСЯО, которые включают сам Африканский континент и прилежащие к нему острова. При этом в отличие от Тлателолко и Раротонга в африканскую безъядерную зону не включаются прилегающие акватории океанов. Напротив, договор не стремится в какой-то степени ограничить свободу мореплавания и соответствующие права, заложенные в международном праве. Проблема с определением зоны действия заключалась в бескомпромиссной позиции Великобритании, претендующей наряду с Маврикием на контроль над архипелагом Чагос в Индийском океане. В окончательном варианте договора предусмотрено, что архипелаг войдет в ЗСЯО «без нанесения ущерба в отношении суверенитета», то есть эта проблема должна быть решена вне рамок договора. Если бы был признан суверенитет Великобритании, то ее бы попросили подписать протокол №3 к договору наравне с Францией и Испанией. Фактически, ключевой для реализации договора была проблема с островом Диего-Гарсия, входящим в архипелаг, который арендовали США для военных целей, в том числе и для размещения определенных ядерных вооружений (морского самолета Р-3 и глубинных бомб с ядерным зарядом для него)¹¹. Сама Великобритания там ядерного оружия не имеет, а по заявлению Американского агентства по контролю над вооружениями и разоружению вышеуказанная оговорка о суверенитете вполне соответствует американским интересам. США подписали все протоколы к договору.

Статья 3 запрещает проведение исследований, направленных на приобретение ядерных взрывных устройств, а также обращение за

помощью или получение помощи и поощрение такого рода деятельности, что соответствует более полному определению *ядерного взрывного устройства*, рассмотренному выше.

В статье 4 говорится о запрещении размещения ядерных взрывных устройств. Существуют различные точки зрения относительно трактовки данной статьи.

С одной стороны, она начинается со слов «без нанесения ущерба целям и задачам договора», то есть фактически ограничивает суверенные права участников, «связанные с разрешением визитов иностранных кораблей в их порты и самолетов на их аэродромы, транзита иностранных самолетов через их воздушное пространство и захода иностранных кораблей в их территориальные воды»¹².

С другой стороны, в статье говорится о том, что участники договора вправе «свободно принимать решения» по этому поводу и даже предоставлять более широкие права, чем это предусмотрено международным морским правом (то есть принципами транзитного прохода через проливы, прохода через морские пути в зоне архипелагов и беспрепятственного прохода военных судов). На наш взгляд, учитывая традиционную чувствительность африканских государств к вопросам суверенитета, такая обтекаемая формула была выбрана специально, чтобы фактически не ущемлять суверенных прав, но формально зафиксировать добрые намерения участников договора.

Статья 5 запрещает проведение ядерных испытаний в африканской безъядерной зоне, превращая, таким образом, договор в своего рода региональный механизм запрещения ядерных испытаний. Это одно из ключевых достижений в условиях неопределенности со вступлением в силу ДВЗЯИ. Ведь по протоколу №2 к договору подобные обязательства берет на себя на территории Африки и ядерная *пятерка*. Формально и африканские государства берут на себя обязательство не предоставлять свою территорию для проведения испытаний ядерных взрывных устройств. И это, безусловно, положительный факт. Однако нельзя исключать возможности нарушения статьи 3, когда часть территории (в том числе по ряду причин неподконтрольная центральному правительству) может быть использована для проведения исследований,

направленных на получение ядерных взрывных устройств.

Статья 6 договора уникальна, поскольку призывает заявить об имеющихся возможностях создания ядерного оружия, уничтожить их и встать под строгий контроль МАГАТЭ. Во многом она была навеяна опасениями перед ядерной программой ЮАР, поэтому и была включена в договор Пелиндаба, чтобы предотвратить повторение подобного сценария и иметь полную уверенность в ядерном разоружении ЮАР. По мнению некоторых экспертов, подобный опыт мог бы использоваться и при создании ЗСЯО в Южной Азии и на Ближнем Востоке¹³. Статья о ядерном разоружении государств, подозреваемых или заявивших об обладании ядерным оружием, могла бы использоваться как серьезная мера укрепления доверия и способствовала бы заключению договоров о ЗСЯО в этих регионах.

Большое значение имеет и статья 7, запрещающая захоронение радиоактивных отходов на территории ЗСЯО. В принципе, подобное положение уже содержалось в Конвенции о запрещении импорта в Африку и контроля над перемещением через границу и обращением с опасными отходами, подписанной в Бамако. Действительно, решение проблемы ядерных отходов необходимо Африке. Подобные захоронения вызывают серьезные последствия для окружающей среды. Так, в докладе алжирского исследователя д-ра Кадхема Амуди (Dr. Kadhém Amoudi) говорится о вреде, нанесенном фауне пустыни Сахара захоронениями французских ядерных отходов в Алжире и американских отходов на Африканском Роге. Это привело не только к вымиранию некоторых уникальных видов животных пустыни и к увеличению смертности верблюдов в странах Северной Африки, но и к росту числа заболеваний раком – болезни, ранее не свойственной жителям арабо-африканского региона¹⁴.

Проблема радиоактивных отходов упирается еще и в наличие финансовых трудностей африканских государств, а также в наследие времен *холодной войны*. Например, недавно в Мозамбике при содействии итальянского Агентства по энергетике и окружающей среде был разработан проект постройки хранилища для радиоактивных материалов, ранее используемых в медицине и в горнодобывающей промышленности для калибровки геофизического оборудования. Во

время гражданской войны в этой стране в восьмидесятые годы многие шахты и разработки были заброшены, иностранные специалисты покинули эти места, а радиоактивные материалы, поставленные в свое время из СССР и ГДР, остались без присмотра. Когда правительство Мозамбика занялось решением этой проблемы, то выяснилось, что придется рассчитывать только на собственные силы. Лишь к 1998 году удалось с помощью Италии собрать все отходы в шесть контейнеров и переместить их в провинцию Тете (Tete) во временное хранилище, пока обеспечивающее защиту от радиации¹⁵.

В этой связи возникает вопрос, насколько подобные действия будут соответствовать договору Пелиндаба. Договор в состоянии предотвратить ввоз опасных отходов на территорию Африканского континента. Однако, скорее всего, практически невозможно будет ограничить деятельность государств, использующих мирный атом, по захоронению собственных радиоактивных отходов.

В статье 8 поощряется мирное использование ядерных технологий и достижений науки в этой области. Стороны призываются к расширению сотрудничества в данной сфере и обращению за техническим содействием к МАГАТЭ, что не отражено в других договорах о ЗСЯО. На момент подписания договора такая ежегодная помощь составляла около 20 млн долл. и концентрировалась в области сельского хозяйства и здравоохранения¹⁶. Программа помощи направлена на повышение производительности в сельском хозяйстве, создание генетически улучшенных сортов зерновых и овощей, оптимальное использование земельных и водных ресурсов, удобрений, повышение рождаемости у скота. В области здравоохранения речь идет о медицинской диагностике и лечении рака. Кроме того, изотопные технологии применяются при оценке подземных водных ресурсов в зонах пустынь и полупустынь, а также для уничтожения таких насекомых-паразитов, как муха-цеце и средиземноморская фруктовая муха, наносящих серьезный ущерб экономике ряда африканских государств.

Участникам договора также предлагается пользоваться программами помощи в рамках Африканского регионального совместного соглашения по исследованию, подготовке и развитию в области ядерной науки и

технологии (AFRA). Это соглашение действует с 1990 года и направлено на координацию усилий африканских стран по развитию ядерной технологии. В рамках его программ организованы курсы подготовки специалистов в области растениеводства и животноводства, медицины, различных отраслей промышленности, осуществляется активный научный и образовательный обмен. В то же время отмечается, что, несмотря на все усилия, уровень радиационной безопасности в большинстве стран Африки остается низким, что затрудняет развитие соответствующих программ. Участники соглашения стремятся и к выработке комплексной стратегии обращения с радиоактивными отходами. Более того, для обеспечения надежности и безопасности сложного оборудования и инструментов, используемых в деятельности, связанной с мирным атомом, была начата инициатива по региональной кооперации в этой области, которая позволит решить проблемы нехватки персонала, запчастей и технического обслуживания подобного оборудования¹⁷.

Согласно статье 9, страны-участницы договора обязаны применять полномасштабные гарантии при поставках ядерного сырья в государства, не обладающие ядерным оружием. Поставщиками урана сегодня являются Габон, Намибия, Нигер и ЮАР. ЮАР является членом Группы ядерных поставщиков (*Nuclear Suppliers Group*), Габон и Намибия представляют собой страны с достаточно стабильными режимами, поэтому от них особых нарушений ожидать не приходится. Нельзя того же сказать о Нигере – государстве, не отличающемся особой политической стабильностью и приверженностью демократическим ценностям, тем более с учетом военного переворота весной 1999 года. В этой связи трудно переоценить важность данной статьи договора, устанавливающей дополнительный контроль над соблюдением *правил игры*.

Статья 10 договора предусматривает высокие стандарты физической защиты ядерных материалов в соответствии с Венской конвенцией о физической защите ядерных материалов. Это создает хороший прецедент для включения подобного положения в другие договоры о ЗСЯО.

Уникальным является содержание статьи 11 договора Пелиндаба, которая обязывает стороны не предпринимать, а также не оказывать помощь и не поощрять любые

действия, направленные на вооруженное нападение при помощи обычных или других средств против ядерных объектов, находящихся в пределах зоны. Это положение также может стать мерой укрепления доверия при создании безъядерных зон в других регионах, в частности, на Ближнем Востоке. Однако следует рассмотреть возможность его практического выполнения.

Есть опасения, что оно разделит ту же участь, что и резолюция Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ, принятая в 1992 году в Дакаре. В ней говорилось об уважении принципа добрососедства и запрещении поддержки антиправительственных группировок, располагающихся на территории других государств¹⁸. Однако, разумеется, подобная поддержка не прекратилась только оттого, что был принят соответствующий нормативный акт. Что же касается вооруженного нападения, то ни один ядерный объект не может быть от него застрахован. Причем, учитывая активное военное участие африканских государств в вооруженных конфликтах в соседних государствах, а также степень интенсивности данных конфликтов, трудно застраховаться и от непреднамеренного повреждения ядерных объектов в ходе боевых действий. Сегодня в Африке под гарантиями МАГАТЭ находятся ядерные объекты шести государств: Алжира, Демократической Республики Конго (бывшего Заира), Ганы, Египта, Ливии и ЮАР. При этом каждое государство, за исключением, пожалуй, Ганы, на наш взгляд, в той или иной степени подвержено угрозе удара по своим атомным реакторам и соответствующим установкам. В Алжире и Египте эта угроза исходит со стороны исламских террористов, ведущих войну с правительством, которые уже доказали, что человеческие жертвы для них не преграда на пути к власти. Периодические вспышки насилия в ЮАР также свидетельствуют об определенной опасности в этой области. Демократическая Республика Конго вообще с 1996 года находится в состоянии перманентной гражданской войны и хаоса. Даже если предположить, что при очередном штурме Киншасы повстанцы не повредят ядерного реактора, то кто может обещать, что этого не произойдет в результате гражданских беспорядков в столице страны. Наконец, нельзя исключать возможность случайного перелета снаряда или ракеты из соседнего Конго (Браззавиль). Так, в 1997 году в результате боев в Браззавиле между сторонниками правительства и мятежниками от артиллерийского обстрела пострадали

некоторые районы Киншасы, которую разделяет со столицей Конго лишь река.

Что же касается Ливии, то она в свое время испытала на себе угрозу ядерного удара со стороны США, даже после подписания ими договора Пелиндаба. Ливия подозревается в разработке химического оружия, один из центров которого расположен в горном туннеле, являющемся составной частью грандиозного ирригационного проекта «Великая река, сделанная человеческими руками»¹⁹. На брифинге в Пентангоне американский представитель заявил, что США не исключают возможности нанесения ядерного удара по этому объекту, что позднее было подтверждено тогдашним министром обороны США Уильямом Перри (William Perry)²⁰. Даже если предположить, что подобные заявления носят чисто декларативный характер, учитывая недавнее легкое потепление отношений между США и Ливией в связи с подвижками в деле Локкерби, возможность развития такого сценария полностью исключать нельзя. Примером тому являются авиационные удары НАТО по Югославии, несмотря на наличие там объектов мирного атома.

Наконец, особый интерес вызывают статьи, связанные со вступлением договора в силу, в частности статья 18. Согласно ей, как уже говорилось выше, договор Пелиндаба вступит в силу только после его ратификации 28 государствами-участниками. Пока же их только 11, и с конца 1998 года появилось лишь три новых ратификанта. Причем из тройки активных сторонников договора (Зимбабве, Нигерия, ЮАР) ратифицировали его только Зимбабве и ЮАР, которые могут способствовать процессу ратификации на юге континента, используя свое дипломатическое и политическое влияние. Нигерия же является региональным центром силы в Западной Африке, к мнению которого, безусловно, прислушиваются как англоговорящие, так и франкофонные государства, особенно входящие в состав Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС). Поэтому затягивание ей процесса ратификации не способствует, в целом, скорейшему вступлению в силу договора Пелиндаба. Здесь следует учитывать внутренние трудности Нигерии, связанные со сменой правительства в середине 1998 года и переходом от военного режима к демократическому правлению. Однако подобного рода препятствия не мешают Нигерии осуществлять интенсивную

миротворческую деятельность и решать целый ряд региональных проблем различного характера. Так почему же затягивается тогда процесс ратификации столь важного для Африки договора?

Многие африканские страны вынуждены решать гораздо более неотложные проблемы, связанные с экономическим развитием и безопасностью, нежели ратификация договора Пелиндаба. Фактически, сегодня в той или иной степени в вооруженные конфликты (межгосударственные, внутренние и внутренние интернационализированные) вовлечены около половины государств Африки. Во многих странах за период 1996–1999 годов прошли выборы в различные органы власти, а новым избранникам, как известно, требуется определенный срок для адаптации. Все это также не способствует быстрому вступлению договора в силу.

Что касается арабских государств, расположенных в Северной Африке, то из них наиболее ярым сторонником подписания договора о ЗСЯО был Египет. При этом делалась попытка как-то повлиять на процесс создания ЗСЯО на Ближнем Востоке, снять озабоченности Израиля и заставить его свернуть ядерную программу. Израиль и не входит в состав ряда государств, которые должны предоставить негативные гарантии безопасности, о чем уже говорилось выше, что создает дополнительные трудности для реализации договора даже при условии его вступления в силу. Однако Израиль гораздо больше озабочен иранскими разработками, чем безъядерным статусом Северной Африки²¹. В то же время арабские государства могут тормозить процесс ратификации договора до тех пор, пока не появится ясности относительно аналогичной зоны на Ближнем Востоке, что фактически и происходит, поскольку договор ратифицировали только Алжир и Мавритания. Последний факт может свидетельствовать также и о том, что существует некоторое расхождение в позициях государств арабского мира относительно процесса ратификации. Это, в свою очередь, способно до некоторой степени нивелировать давление в отношении ратификации, если такое давление на государства Тропической Африки действительно оказывается странами арабского мира, и прежде всего Египтом.

Трудно обстоит дело и с ратификацией протоколов к договору. Пока из великих держав его ратифицировали лишь Франция и

Китай. Оба государства традиционно поддерживают тесные отношения с Африканским континентом, имеют свои зоны влияния и заинтересованы в дальнейшем углублении политических контактов и расширении этих зон через дружбу с Африкой. Франция сокращает свое военное присутствие в Африке, совсем прекратила программу ядерных испытаний (и не намерена продолжать их, тем более в Африке), заинтересована в поставках топлива для своих атомных электростанций. Китай также лишь закупает ядерное сырье и некоторые технологии (у ЮАР), уделяя гораздо больше внимания сотрудничеству в области обычных вооружений и торгово-экономическим связям.

Россия подписала протоколы к договору Пелиндаба 5 ноября 1996 года. От имени Российской Федерации это сделал посол в Эфиопии, где находится штаб-квартира ОАЕ. При этом была сделана оговорка, что на часть территорий, включая архипелаг Чагос, Россия не может распространить применение протоколов из-за присутствия там ядерной державы, однако Россия не намерена применять ядерное оружие против участников ЗСЯО в Африке²². Протоколы для ратификации в Государственную Думу еще не представлены. Не исключено, что про эти документы просто на какое-то время как бы *забыли*, что, в свою очередь, связано с особенностями внешней и внутренней политики России, в число приоритетов которой Африка не входит.

США также подписали протоколы к договору Пелиндаба, но пока не ратифицировали их. Неизвестно, вносил ли президент эти документы на рассмотрение Сената, однако можно с уверенностью сказать, что в повестке дня Сената этот вопрос не стоит, слушаний по нему не проводилось. В то же время США пытаются повлиять на африканские страны и заставить их ускорить процесс вступления договора в силу, представляя как акт доброй воли сам факт подписания Соединенными Штатами этого договора²³. Очевидно, США ожидают вступления договора в силу, прежде чем ратифицировать протоколы к нему. Однако следует отметить, что интенсификации усилий по вступлению в силу договора Пелиндаба послужила бы скорее ратификация США протоколов, чем затягивание этого процесса и выжидательная позиция.

Великобритания занимает жесткую позицию в связи с ситуацией вокруг архипелага Чагос,

что уже отмечалось выше. В свою очередь, британская позиция может определенным образом блокировать ратификационный процесс в африканских государствах.

Испания, которой принадлежат Канарские острова, а также Сеута и Мелилья, тоже не спешит ни с подписанием, ни с ратификацией. Все вышеназванные территории являются туристическими зонами, ни на одной из них Испания, не обладающая ядерным оружием и не планирующая им обладать, испытаний производить, вероятно, не будет, применять ядерные вооружения тоже, поэтому и процесс подписания и ратификации, не имея приоритетного внешнеполитического значения, откладывается.

Заключение

Договор о ЗСЯО в Африке – это важный шаг с точки зрения укрепления международного режима ядерного нераспространения. Договор содержит множество новых прогрессивных правовых моментов, которые могут быть использованы при создании подобных зон. Однако для самой Африки договор Пелиндаба носит скорее декларативный, нежели практический характер. Затянувшийся процесс вступления договора в силу ставит под вопрос саму идею создания ЗСЯО на Африканском континенте. Вряд ли можно ожидать, что африканские государства в обозримом будущем завершат процесс ратификации договора. ■

¹Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружения, международная безопасность. М., Наука, 1999, с.434

²Первая очередная сессия Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ, июль 1964 года, AHG/Res. 11/I. См.: Организация африканского единства: сборник документов. М., Наука, 1970, с. 228, 229

³Pabian Frank V. South Africa's Nuclear Weapon Program: Lessons for US Nonproliferation Policy. *Nonproliferation Review*, Fall 1995, p.7

⁴Albright David. South Africa's Secret Nuclear Weapons. *ISIS Report*, Washington D.C., Institute for Science and International Security, May 1994, pp.13–16

⁵Pabian Frank V. Op. cit., p.10

⁶Cochran Thomas B. Highly Enriched Uranium Production for South African Nuclear Weapons. *Science and Global Security*, 1993, No.2, Vol.4, p.33

⁷Panafrican News Agency (PANA), 14 December 1997

⁸Ежегодник СИПРИ 1998, с.436

⁹Здесь и далее см. текст Договора о создании ЗСЯО в Африке (<http://www.acda.gov> или *Arms Control Today*, December 1995/January 1996, pp.15–20)

¹⁰Ежегодник СИПРИ 1998, с.436

¹¹Fischer David. The Pelindaba Treaty: Africa Joins the Nuclear-Free World. *Arms Control Today*, December 1995/January 1996, p.10

¹²Ежегодник СИПРИ 1998, с.436.

¹³Fischer David. Op. cit., p.11

¹⁴PANA, 22 June 1998

¹⁵PANA, 18 January 1999

¹⁶Blix Hans, Director General of the International Atomic Energy Agency. Speech to the Conference for the Signing of the African NWFZ Treaty. 11 April 1996, <http://www.iaea.org>

¹⁷Boussaha Ali, Maksoudi Mokdad. Nuclear Cooperation in Africa: Developing Expertise and Resources. <http://www.iaea.org>

¹⁸Поликанов Дмитрий. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. М., ИА РАН, 1998, с.142

¹⁹Xinhua, 4 September 1996

²⁰Washington Post, 23 April 1996

²¹Орлов Владимир. О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения: заметки с конференции. *Ядерный Контроль*, №6, ноябрь-декабрь 1998, с.50

²²См. *Дипломатический Вестник*, №12, декабрь 1996

²³См., напр.: Rice Susan E., Assistant Secretary for African Affairs. U.S.-Africa Relations. Remarks at the Agostinho Neto University School of Architecture. Luanda, Angola, 29 October 1998, <http://www.state.gov>

Полемика**ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: ПОВЕСТКА ДНЯ НА БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ**

Ниже мы публикуем фрагменты из стенограммы международной конференции «Перспективы политики нераспространения: повестка дня на ближайшее будущее», которая прошла с 29 по 31 октября в Москве и была организована совместно ПИР-Центром и Международным институтом стратегических исследований (Лондон).

Большой объем выступлений и докладов, прозвучавших в ходе конференции, а также последовавшей дискуссии, конечно, не позволяет нам передать полную картину той полемики, которая имела место, – ни широту затронутых проблем, ни накал споров. Редакция Ядерного Контроля по собственному усмотрению отобрала нижеследующие фрагменты стенограммы и решила обратить внимание читателей лишь на отдельные прозвучавшие на конференции проблемы. Стенограмма подверглась редакционной обработке.

Все участники конференции выступали в личном качестве, их точки зрения не обязательно отражают позицию организаций, которые они представляют.

Россия и Запад: партнеры или соперники в формировании новой повестки дня политики нераспространения?

Владимир ОРЛОВ, ПИР-Центр: Открывая нашу конференцию, я хотел бы констатировать, что международный режим нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) в настоящее время переживает кризис. Это вызвано, *во-первых*, отсутствием адекватного ответа международного сообщества на фактическое присоединение Индии к *ядерному клубу*; *во-вторых*, отказом Сената США ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); *в-третьих*, зависанием процесса ратификации договора СНВ-2; *в-четвертых*, попытками расшатать Договор о противоракетной обороне (ПРО); *в-пятых*, неэффективностью международных усилий по предотвращению распространения ракетных технологий. В ходе нашей дискуссии я предлагаю участникам высказаться по следующему вопросу: просматриваются ли сегодня пути выхода из этого кризисного состояния.

Дмитрий ЕВСТАФЬЕВ, ПИР-Центр: Россию часто упрекают в политизации проблем нераспространения ОМУ. Но хотел бы сказать, что это не Россия внесла политизацию в эти вопросы. *Большая политизация* наступила в конце семидесятых годов, когда администрацией США был разработан и выдвинут тезис о существовании *ответственных* и *безответственных* пролиферантов (государств-распространителей ОМУ). Согласно этому тезису, *ответственным* пролиферантам (таким, как прежде всего Израиль) можно

было иметь ядерное оружие, а *безответственным* пролиферантам ядерное оружие и другие виды ОМУ иметь было *нельзя*. Сейчас, конечно, мало кто вспоминает об этой концепции, но все равно де-факто дифференцированная политика на региональном уровне к различным пролиферантам продолжает Западом, прежде всего Соединенными Штатами, проводиться.

Другой стороной политизации проблемы (которая гораздо более интересна для нас сейчас, и которая определяет суть очень многих процессов нераспространения ОМУ) является то, что именно на политическом – а не на техническом и тем более юридическом – базисе зиждется большинство действий мирового сообщества в отношении нераспространения ОМУ, которые были предприняты за последние годы. Политически, я бы даже сказал протоколно, был продлен ДНЯО, но при этом ни одна из задач, которая ставилась изначально накануне конференции 1995 года, кроме собственно продления, не была решена. Опасно, что возникла иллюзия относительно того, что в процессе обсуждения проблем нераспространения с региональными державами можно *додавить* кого угодно до чего угодно. Именно *выкручивание рук* ряду арабских стран позволило бессрочно продлить ДНЯО. Прецедент очень нехороший. *Выкручивание рук* не может заменить серьезные переговорные процессы, создание системы коллективной безопасности и т. д.

Наконец, проблемы нераспространения, особенно на региональном уровне, становятся элементом внешнеполитической риторики. Это самое обидное и самое неприятное из того, что произошло за последние годы с

нераспространением. Как пример я могу привести деятельность Ричарда Батлера, главы ныне бездействующей, де-факто ликвидированной Спецкомиссии ООН по Ираку (ЮНСКОМ). Г-н Батлер позволил себе выступить совершенно с чудовищными обвинениями в адрес России, с обвинениями, которые выходят за рамки дозволенного в международных отношениях, и никто из наших западных партнеров г-на Батлера не одернул. Напротив, им восхищались, заявления его тиражировали и относились к ним как к хорошему пропагандистскому ходу. Так что нашим западным партнерам обижаться на возросшую политизацию проблем нераспространения не стоит. Они получили именно то, что хотели.

Теперь я хочу задать *еретический* вопрос, который наверняка восстановит против меня большую часть аудитории (но я все-таки думаю, что этот вопрос будет полезен для дискуссии): а зачем России совместно с Западом осуществлять политику в области нераспространения? Разговоры о том, что обязательно *нужно международное сотрудничество*, что Россия и Запад *крайне заинтересованы в совместных действиях*... — все это является не более чем общим местом.

У нас в России сегодня практически любое официальное лицо, выступающее на международные темы, всегда заявляет о том, что отношения между Россией и Западом испорчены по всем сферам, по всем азимутам, но есть одна проблема, одна сфера, где сотрудничество развивается очень поступательно и имеет колоссальные перспективы, и обе стороны крайне заинтересованы в том, чтобы это так и было — это сфера нераспространения. Ничего подобного! Если мы посмотрим на конкретную практику *нераспространенческого* взаимодействия России и Запада в конкретных региональных ситуациях, то я должен сказать, что конфронтационность в этой сфере возникла гораздо раньше, чем в других областях.

Сейчас все больше и больше экспертов в России задается вопросом: нужно ли России сотрудничество с Западом в данной области? Но правомерен и другой вопрос: а зачем *Западу* нужно взаимодействие с Россией в решении проблем нераспространения? Потому как на протяжении последних лет было несколько эпизодов, когда Запад самостоятельно справлялся (в том виде, как он считал нужным) с решением проблем

нераспространения. Это и ситуация в Ираке, и *смешная* ситуация на Корейском полуострове...

Мировое сообщество упустило время для развития позитивного импульса в области нераспространения. Эффект продления ДНЯО в 1995 году был, безусловно, позитивным и мог быть *раскручен*. Однако результат был практически полностью *смазан*. Все занялись краткосрочным политическим маневрированием с региональными державами, что закончилось ядерными испытаниями Индии и Пакистана. Есть определенное ощущение, что чем-то очень нехорошим могут закончиться сегодняшние попытки разыграть управляемый конфликт на Корейском полуострове.

Еще одна опасная тенденция — попытки американской администрации или ее части увязывать вопросы внутренней политики России (такие, как Чечня) с вопросами развития процесса сокращения стратегических вооружений. По счастью, пока эта тенденция не возобладавала, во время октябрьской поездки заместителя госсекретаря Струба Тэлбота в Москву такие увязки, судя по всему, озвучены не были. Если б это произошло, то я думаю, о процессе сокращения вооружений лет на десять можно было бы просто забыть.

Борьба за нераспространение ОМУ должна превратиться из теоретической *борьбы за нераспространение*, вообще, в борьбу за нераспространение, в частности. На мой взгляд, начинать надо с двух шагов. *Первый* — вопросы экспортного контроля. *Второй* — возобновление диалога о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке.

Что касается экспортного контроля, то нельзя не признать: прогресс в биотехнологии, технологии двойного применения, в других сферах, связанных с ОМУ, начинает играть достаточно серьезную роль в определении направлений развития промышленности. Очевидно, что некоторые государства развивающегося мира стоят на пороге серьезного промышленного, технологического рывка. И уже сегодня нам следует задуматься о том, что же такое «экспортный контроль XXI века». Как будет в дальнейшем осуществляться регулирование в международной торговле и, соответственно, ограничение технологического прогресса ряда государств? Возможно ли это? Каковы альтернативы?

О ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Почему именно на Ближнем Востоке? *Во-первых*, в деятельности ЮНСКОМ были не только отрицательные стороны, но было и очень много позитивного. В частности, это технологии мониторинга, технологии выявления скрытых программ и т.д. *Во-вторых*, на Ближнем Востоке так или иначе идет мирный процесс, и возникновение откровенной военной конфронтации не то чтобы совсем невозможно, но во всяком случае менее вероятно, чем возникновение конфликта средней степени интенсивности в Южной Азии. Наконец, по системам контроля ядерных вооружений и мониторинга военно-политической обстановки на Ближнем Востоке существует достаточное количество научных разработок, которые по своему качеству и глубине проработки вопроса превышают то, что было наработано по Восточной или по Южной Азии.

России будет сложно претендовать на то, чтобы играть равную или хотя бы сравнимую роль с США, Великобританией или со странами ЕС в *нераспространенческом* процессе на Ближнем Востоке, если он начнется. Но, во всяком случае, мы видим, что предметный диалог на темы нераспространения ядерного оружия и других видов ОМУ на Ближнем Востоке возможен, в том числе и на многосторонней основе.

Майкл ДЭВЕНПОРТ, посольство Великобритании в России: Я бы хотел прежде всего поблагодарить организаторов данной конференции за их инициативу собрать вместе всех интересующихся вопросами нераспространения в России, Великобритании и других странах мира. Я бы также желал воспользоваться предоставленной возможностью и отметить ту важную роль, которую играет ПИР-Центр в укреплении понимания по проблемам нераспространения в России.

В ходе конференции, когда говорилось о международном режиме нераспространения, звучали слова о его *кризисе*, или как говорили другие выступавшие, *эрозии*. Меня попросили сказать несколько слов от имени главы департамента по вопросам нераспространения МИД Великобритании и отразить официальный британский взгляд на приоритеты в этой области.

Вследствие текущих проблем, многие из которых уже назывались, становится трудно сохранять оптимизм по поводу перспектив,

которые готовит нам следующее десятилетие. Многие вещи идут не так, как нам бы сегодня хотелось.

Три государства, имеющих существенное значение для режима нераспространения, — Израиль, Индия и Пакистан — не являются участниками ДНЯО. К сожалению, маловероятно, что они присоединятся к договору в ближайшем будущем в качестве государств, не обладающих ядерным оружием (НЯОГ). Напротив, есть серьезная опасность нового витка гонки вооружений в регионе после прошлогодних ядерных испытаний Индии и Пакистана. Некоторые НЯОГ, являющиеся участниками ДНЯО, продолжают представлять угрозу: я имею в виду Ирак и Северную Корею.

В то же время процесс сокращения ядерных вооружений, осуществляемый двумя основными ядерными державами, не идет так гладко, как это ожидалось в сентябре 1997 года, когда в Нью-Йорке были достигнуты соглашения, имевшие целью обеспечить ратификацию СНВ-2 и урегулировать неразрешенные проблемы, связанные с договором по ПРО.

Помимо всего прочего, мы сегодня сталкиваемся с отказом сената США ратифицировать ДВЗЯИ, нежеланием Индии и Пакистана подписать ДВЗЯИ и неспособностью начать переговоры по запрещению производства расщепляющихся материалов для оружейных целей (ЗПРМ) в рамках Конференции по разоружению в Женеве.

В Соединенных Штатах на неофициальном, экспертном уровне, прозвучало предложение о внесении поправок в ДВЗЯИ, которые сделали бы его более приемлемым для Сената США. Великобритания ратифицировала договор. Мы приветствуем сохраняющуюся приверженность администрации США делу обеспечения ратификации договора в той форме, в которой он был одобрен Великобританией, Францией и другими государствами.

Кроме того, гораздо труднее, чем мы надеялись, движется процесс заключения протокола о контроле над соблюдением Конвенции по биологическому и токсинному оружию. Некоторым значимым государствам Ближнего Востока еще предстоит ратифицировать Конвенцию по запрещению химического оружия (КХО).

На этом фоне существует еще большая необходимость для совместной работы по выработке повестки дня на следующие десять лет, которая позволила бы вернуть события на более обнадеживающую стезю.

Хорошим началом стало бы успешное завершение в 2000 году переговоров по выработке уже упоминавшегося протокола к Конвенции по биологическому и токсинному оружию. Мы бы хотели видеть и постоянный прогресс в выполнении КХО, включая оживление усилий по уничтожению химического оружия (ХО) и по конверсии бывших предприятий по его производству.

Начало переговоров по ЗПРМ стало бы еще одним шагом вперед наряду с активизацией процесса выполнения условий ДВЗЯИ, касающихся вступления договора в силу. В этой связи мы приветствуем заявление России о намерении ускорить ратификацию ДВЗЯИ.

И, конечно же, было бы важно, чтобы Россия и США нашли и согласовали пути движения вперед в области ПРО–СНВ, которые позволили бы сохранить всю систему контроля над стратегическими ядерными вооружениями и обеспечить продвижение в верном направлении. Мы очень надеемся, что серьезный российско-американский диалог по этому сложному комплексу вопросов сможет привести к взаимоприемлемому равновесию между беспокойством по поводу обеспечения стратегической стабильности, с одной стороны, и законной озабоченностью по поводу угроз, появляющихся вследствие распространения ракет и технологий (многие из которых возникли за четверть века, прошедшие с момента подписания договора по ПРО), с другой стороны.

Важно, чтобы США и Россия продолжали этот процесс для оказания давления на Индию и Пакистан с целью заставить их ограничить свои ядерные программы. Это также позволило бы убедить костяк добросовестных участников ДНЯО из числа НЯОГ, что их настойчивое *самоограничение* в ядерной области способствует достижению целей ДНЯО, а не просто открывает путь для его нарушителей.

Это, в свою очередь, укрепило бы международную поддержку усилий по сдерживанию небольшого числа НЯОГ, чье поведение чревато несоблюдением положений ДНЯО и вызывает озабоченность. В этой связи необходимо подчеркнуть важность укрепления существующих международных

режимов экспортного контроля, особенно механизмов Группы ядерных поставщиков и режима по контролю над ракетными технологиями. Мы приветствуем внимание, уделяемое российской стороной вопросам совершенствования юридической базы национальной системы экспортного контроля, включая принятие нового федерального закона. Главное теперь – это добиться его эффективного выполнения, особенно в области принятия мер к нарушителям и обеспечения соблюдения правовых норм. Великобритания участвует в программе сотрудничества, направленной на поддержку этих усилий.

Даже в самые худшие годы *холодной войны* Советский Союз и западные страны находили достаточно точек соприкосновения для того, чтобы содействовать выработке и действенной реализации повестки дня в области нераспространения и контроля над вооружениями. Сегодня больше, чем ранее, необходимо проявить политическую дальновидность, которая дала бы возможность добиться прогресса в решении этих жизненно важных проблем не только в следующем десятилетии, но и в следующем столетии.

Павел ЗОЛОТАРЕВ, Межрегиональный общественный фонд поддержки военной реформы: Если разобраться в сути дела и ответить на вопрос, соперники мы – Россия и Запад – или союзники, то ответ будет такой: там, где речь идет о решении задач нераспространения – мы союзники; там, где речь идет о том, что нераспространение используется как инструмент внешней политики – мы чаще соперники или, по крайней мере, точно не союзники.

Что же мешает в решении задач нераспространения? Я бы выделил три фактора.

Первый – общее снижение сдерживающего фактора ядерного оружия (это связано в том числе с тем, что на горизонте появляется высокоточное оружие, позволяющее решать задачи с эффективностью, близкой к эффективности ядерного оружия, а также оружие, основанное на новых физических принципах). Для государств небогатых стоит проблема такого рода: приобрести и сделать такое высокотехнологичное оружие они не могут, их больше прельщает дешевое ядерное оружие. Этот фактор способствует их стремлению обладать ядерным оружием.

Второй – проявившиеся агрессивные действия со стороны НАТО, вопреки нормам международного права, что тоже подталкивает государства к обладанию ядерным оружием. Если агрессия против Югославии была ошибочным решением НАТО – это одно, если же это воплощение в жизнь новой стратегической концепции НАТО – то совсем другое. Тогда это фактор, который будет воздействовать длительное время, и мы еще столкнемся с его последствиями, в том числе и в сфере нераспространения.

Наконец, *третий* – политика двойных стандартов, что особенно проявляется в отношении Ближнего Востока.

Олег ГРИНЕВСКИЙ, Монтерейский институт международных исследований (США): Давайте себе только представим, что Югославия имела бы ядерное оружие. Осмелилось бы когда-нибудь НАТО начать бомбардировки на Балканах? Ни НАТО не осмелилось бы, ни страны-соседи никогда не дали бы согласие на это. Какой сигнал был послан мировому сообществу натовскими бомбардировками Югославии? А вот какой: если у тебя есть ядерная бомба, то такие акции невозможны. Если мы действительно считаем, что одна из главных мировых угроз сегодня – это угроза распространения ядерного оружия и другого ОМУ, то трудно не признать: НАТО послало совершенно неправильный сигнал пороговым государствам. И в результате этого уже происходит эрозия режима нераспространения ОМУ.

Теперь по поводу ЗСОМУ на Ближнем Востоке да и других зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО). Создание ЗСЯО не решает ключевых проблем, связанных с принятием решения тем или иным государством об обладании ядерным оружием. А не устарел ли вообще традиционно позитивный подход к ЗСЯО как к некой панацее?

Михаил ШЕЛЕПИН, Дипломатическая академия МИД России: Не согласен, что концепция ЗСЯО устарела. Вот уже 32 года как существует договор Тлателолко, 14 года работает договор Раротонга. Есть Бангкокский договор (Юго-Восточная Азия), договор Пелиндаба (Африка). С различными трудностями, но продвигается формирование ЗСЯО в Центральной Азии. Наконец, я бы не стал забывать и об инициативе Александра Лукашенко – белорусской инициативе о создании, так называемого, *безъядерного*

пространства в Центральной и Восточной Европе. Другое дело, что в силу того, что эта инициатива выдвинута г-ном Лукашенко, она вызвала аллергию у целого ряда государств. Но ведь, по своей сути, эта идея имеет под собой и историческое основание. Считаю, что ее логическое завершение в современных условиях вполне осуществимо. Больше того, после *холодной войны*, в новых условиях в Европе мы могли бы говорить о ЗСЯО на территории ОБСЕ в рамках *большой Европы*: за исключением трех ядерных государств (ЯОГ) (России, Великобритании и Франции), все 52 ныне НЯОГ могли бы взять на себя обязательство не размещать ядерное оружие на своих территориях. Конечно, здесь придется поступиться Соединенным Штатам и не иметь ядерного оружия на территории европейских государств-членов НАТО.

Пол ШУЛТ, министерство обороны Великобритании: По поводу ЗСЯО в Европе. Реальность такова, что в Европе существует альянс, держащийся на ядерном оружии, который противостоит ядерным арсеналам России. Дело даже не в том, где расположено американское ядерное оружие в Европе и не в том, какова его дальность. Дело в том, что американское присутствие в Европе воспринимается в европейских государствах НАТО как гарантия их безопасности.

По поводу заинтересованности России в диалоге с Западом по вопросам нераспространения. Возьмем, к примеру, Иран. Иногда сложно входить в детали, потому что они основаны на разведывательной информации, а мы не можем подвергать угрозе наши источники. Но мы изложили России проблему достаточно детально. И я хотел бы задать вопрос: в чем все-таки заключается интерес России, когда она развивает инфраструктуру в Иране, передает ему свои технологии и экспертизу? Говорят, что Иран – член ДНЯО. Да, Иран не подписал Дополнительный протокол МАГАТЭ. Если бы он его подписал, тогда другое дело... А пока мы вынуждены опасаться ядерных амбиций и намерений Тегерана.

Когда я задаю свой вопрос, то, конечно, не хочу показаться слишком наивным. Я понимаю, что под двусторонним сотрудничеством России и Ирана существует серьезная финансовая основа. Я не пытаюсь преуменьшить важность финансовой составляющей, однако, мы не должны недооценивать важность задач нераспространения. Иран – сосед России и,

сотрудничая с Ираном, Россия, по-моему, подвергает риску свою же национальную безопасность.

Андрей ЗОБОВ, Московский Центр Карнеги: Передо мной сегодняшнее высказывание по Ирану одного из крупнейших востоковедов нашей страны, предшественника другого востоковеда, г-на Примакова на посту директора внешней разведки, – генерала Шебаршина, опубликованное одной из газет. На вопрос о том, каково его отношение к угрозе того, что Иран будет иметь ОМУ, он сказал, цитирую: «Руководство Ирана, ничуть не менее ответственно и благоразумно, чем руководство Соединенных Штатов». Вот в этом самом вопросе, в вопросе о нераспространении.

Поскольку практически все британские представители, присутствующие на нашей конференции, упоминают *иранский фактор* в качестве препятствия режиму нераспространения, то, наверное, у британских представителей есть какие-то данные об оружейной ядерной программе Ирана. Дело в том, что и министр по атомной энергии России Евгений Адамов, и другие российские представители неоднократно спрашивали у официальных американских представителей: какими данными вы обладаете? Те данные, которые американцы представляли, были расценены российскими официальными лицами как совершенно недостаточные или даже просто неправдоподобные. Ну, может быть, у британской стороны есть свои убедительные данные? Или же британская сторона полагается на разведданные Израиля, которыми пользуется, в первую очередь, американская сторона? Может быть, по каким-то причинам британская сторона не хочет их раскрывать? Тогда вопрос – почему? Почему бы не сделать эти данные публичными, с тем чтобы помочь российской политической, *нераспространенческой* элите лучше оценить ситуацию? Вдруг действительно в Иране идут серьезные приготовления к созданию ядерного оружия? Но на один вопрос г-ну Адамову, почему американцы не раскрывают, не публикуют этих данных, ответ нашего министра был таков: просто у них этих данных нет, иначе они давно бы их опубликовали. Вот г-н Шулт выдвинул аргумент, что, раскрыв эти данные, тем самым могут быть *засвечены* источники. Такой подход не выдерживает критики. Источники сейчас можно легко и не засвечивать, просто опубликовать, что были такие-то события, что такие-то материалы

передавались Россией (официально или нет) Ирану. По моему мнению, в российском *нераспространенческом* сообществе есть если не консенсус, то почти консенсус в том, что правительство России сейчас придерживается правильной позиции, идя на выполнение своих обязательств по статье IV ДНЯО по оказанию помощи развивающимся странам в мирном использовании атомной энергии. В этой связи хотел бы заметить, что на предстоящей в апреле–мае 2000 года Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (КРДНЯО) вопрос о соблюдении статьи IV договора будет стоять остро, дискуссия по этому вопросу будет серьезной, и инициироваться она будет как со стороны Ирана, так и со стороны тех государств, которые поддерживают позицию Кубы, также имеющей право на мирное использование атомной энергии.

Олег ГРИНЕВСКИЙ: Мне приходилось заниматься Ираном, когда я работал в МИД. Да, там были ядерные амбиции, в частности, и во время правления шаха (стать ведущей державой региона, которая бы противостояла советской экспансии). Но правильно ли валить все подозрения в одну кучу? Скорее, к каждому государству нужен индивидуальный подход. Сейчас в Иране рождается новый средний класс, это люди, которые хотят торговать. Им дела нет до *иранской бомбы*, *исламской бомбы* или чего-то в этом роде, им просто нужно торговать. И главные потенциальные торговые контакты Ирана – это, конечно, контакты не с Россией, а с Западом. Давайте попробуем проанализировать, учитывает ли нынешняя политика Запада (прежде всего США) в отношении Ирана это новое явление, принимает ли во внимание, что сейчас нужно взаимной торговлей поддержать иранский средний класс, который будет являться лучшим гарантом против любого ядерного оружия? Какое-то движение по налаживанию отношений с Ираном в Европе, особенно во Франции, наметилось. Политика США противоположная. До сих пор это политика эмбарго. Соединенным Штатам следует сейчас задуматься о выработке новой политики в отношении Ирана.

Арзамат КУЛЬМУХАМЕТОВ, МИД России: Дискуссия в ходе конференции является весьма актуальной в плане прояснения перспектив выживания режима нераспространения ОМУ. Полезный материал для соответствующего анализа и обобщений в этом смысле может дать опыт взаимодействия

России и стран Запада в обеспечении режима нераспространения применительно к Ираку. Естественно, речь не идет о глубокой научной проработке данного вопроса, а скорее – о том, как видится с нашего, российского, *угла* сложившаяся ситуация.

Прежде всего есть смысл подвергнуть сомнению применимость к данному случаю дихотомии *Россия–Запад*. Ни в процессе выработки параметров посткризисного урегулирования в районе Персидского залива, конкретно – при обсуждении и принятии резолюции 687 Совета Безопасности ООН, ни при последующем ее претворении в жизнь ни Россия, ни другие, причастные к этому стороны, как известно, не подвергали сомнению главную задачу – обеспечить ликвидацию и невозобновление иракского потенциала ОМУ. Разногласия возникали и сохраняются в том или ином виде и по сей день лишь в оценке того, как продвигаться, и в какой мере удалось приблизиться к реализации этой задачи.

Но даже и в этом вопросе водораздел, насколько известно, проходил и проходит не по линии Россия–Запад, а несколько в иной форме.

В ходе консультаций, продолжающихся в Совете Безопасности ООН, прежде всего в формате *пятерки*, удалось добиться сближения позиций сторон по некоторым аспектам этих двух принципиальных вопросов.

В частности, можно говорить о достигнутом общем понимании необходимости идти к восстановлению международного контроля за запрещенным военным потенциалом Ирака через создание там усиленной системы международного мониторинга и последующую приостановку экономических санкций. Соответственно, возникает необходимость в учреждении нового контрольного органа вместо действовавшей ранее ЮНСКОМ, привлечении возможностей международных контрольных механизмов, существующих или создаваемых в сфере ОМУ.

Наряду с этим сохраняются существенные различия в подходах к условиям приостановки санкций. В некоторых предложениях, в частности, содержатся такие формулировки, которые допускают возможность увязки приостановки санкций с решением так называемых *непроясненных* разоруженческих

задач. Мы же исходим из того, что такая увязка была бы неправомерна, так как полное прояснение нерешенных вопросов в соответствии с резолюцией 687 Совета Безопасности ООН предполагает снятие, а не приостановку санкций.

Поэтому мы высказываемся за прояснение данного круга вопросов уже в процессе действующего режима мониторинга, а не в качестве условия для приостановки санкций. При этом сам перечень *непроясненных вопросов*, на наш взгляд, должен быть кратким, конкретным и выполнимым. Важно также, чтобы оценку степени продвижения Багдада в прояснении данных вопросов давал сам Совет Безопасности ООН.

Понятно, что предлагаемая приостановка санкций распространялась бы на импорт продукции из Ирака и на поставки в Ирак гражданской продукции, а также связанные с этим финансовые операции и использование воздушного и морского транспорта. Очевидно, что на данном этапе оставались бы в силе запреты на военное сотрудничество и в соответствии с резолюцией 1051 Совета Безопасности ООН осуществлялся бы контроль за поставками в Ирак товаров двойного назначения.

Мы считаем существующие разногласия вполне преодолимыми, если все стороны будут на деле руководствоваться задачами восстановления международного контроля за иракским потенциалом ОМУ. В своей практической работе, в том числе в Совете Безопасности ООН, мы исходим именно из этого. Другое дело, когда предпринимаются действия, которые не только не имеют никакого отношения к задаче подключения Ирака к глобальному режиму нераспространения ОМУ, но даже никак не согласуются с существующими нормами и принципами международного права, а также соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН.

Международное сообщество должно в полной мере осознать тот факт, что путь к укреплению глобального режима нераспространения ОМУ проходит, прежде всего, через последовательное укрепление международной законности.

Наталья КАЛИНИНА, аппарат правительства России: Мы пока здесь говорим о традиционных угрозах нераспространения. Но следом уже идут

новые угрозы – это терроризм с использованием компонентов ОМУ. Если до сих пор в рамках проблемы нераспространения мы на первое место ставили ядерное оружие, потом химическое и затем биологическое, то, с точки зрения противодействия терроризму, все наоборот. В качестве самой серьезной угрозы рассматриваются вопросы, связанные с биологией, затем идет химия, и только потом ядерные дела. Зеркальная перестановка этих угроз совершенно очевидна и связана с возможностью контроля за развитием этих угроз: чем легче контролировать, тем легче предотвратить угрозу. Если по ядерным делам, как бы там не было, механизмы контроля достаточно отработаны, то по биологии они практически отсутствуют, по химии – находятся в таком состоянии, что предотвратить возможность развития химического терроризма тоже нереально: нет чувствительных приборов, нет способов для оценки малых доз, малых концентраций.

Владимир ДВОРКИН, министерство обороны России: Надо структурировать угрозы, разделить их и видеть разницу между терроризмом и боевыми действиями, которые ведутся с применением ОМУ. Это принципиально разные вещи.

С точки зрения ведения боевых действий с применением ОМУ, безусловно, приоритет еще долгое время останется за ядерным оружием вследствие того, что оно значительно эффективнее, поэтому Индия и Пакистан стремились в первую очередь приобрести ядерное оружие не для терроризма, а для ведения боевых действий, для сдерживания.

А если все смешать в одну кучу, то получится, как в нашем разговоре с Владимиром Жириновским. Он приезжал к нам в Ракетные войска, осмотрел наши макеты, узнал примерные мощности наших зарядов и сказал: «А почему вы только ядерное оружие держите на своих ракетах? Почему бы вам туда сразу и химическое не добавить, и биологическое, всяких там насекомых?». Мне пришлось ему сказать, что есть определенные трудности...

Если же говорить об ОМУ-терроризме, то, как бы плохи ни были наши отношения с США и Западом в стратегической области, борьба с терроризмом может объединить нас в этой области, безусловно. Реальные угрозы есть. Не нужно ждать повторения *токийского метро*.

Иван САФРАНЧУК, ПИР-Центр: Мне кажется странным то, что Россия и Запад все больше втягиваются в бесперспективную дискуссию о том, кому больше нужен режим нераспространения ОМУ. Для меня это удивительно, потому что такой спор более всего бесперспективен для западной стороны. Вполне понятны аргументы, которые выдвигают наши западные партнеры и коллеги о том, что большинство пролиферантов расположены вблизи территории России, однако, совершенно очевиден и тот факт, что большинство этих пролиферантов, находясь ближе к Российской Федерации, тем не менее создают свои арсеналы с оглядкой не на Россию, а на более отдаленные страны, в которых и живут наши коллеги, выдвигающие данные аргументы. Пожалуй, лучше уж отказаться вообще от этого спора, потому что он, к сожалению, может закончиться тем, что Россия просто выйдет когда-нибудь из этого режима, и спор решится не на теоретическом, а на практическом уровне, что будет самой неприятной вещью.

Надо понимать, что российской стороной оспариваются не ценности нераспространения, а та методика, которой эти ценности отстаиваются, и та цена, которую надо заплатить нашей стране за ценности нераспространения. Очевидно, что если ценой защиты ценностей нераспространения является наложение санкций на российские предприятия, то ни одно ответственное правительство в России на такую цену не согласится. По-моему, этот аргумент настолько очевиден, что мне не понятно, почему наши западные партнеры его не замечают (либо делают вид, что не замечают).

Сейчас надо переходить к новой дискуссии. Мы очень часто спорили о том, как укрепить режим нераспространения и принимали во внимание аргумент третьих стран о том, что пока не будет серьезного прогресса в деле разоружения, нельзя говорить о том, что гарантирован режим нераспространения. Сейчас уже настало время представлять это по-другому: пока не будет восстановлен режим нераспространения, пока он не заработает в полную силу, трудно говорить о дальнейшем сокращении ядерных вооружений ядерными державами. По-моему, эта обратная связь становится более и более важной. В частности, потому что те приемы укрепления или поддержания режима нераспространения, которые используются Западом, с моей точки зрения, провоцируют, с одной стороны, распространение ОМУ, а с другой стороны, –

гонку вооружений как на региональном, так и, возможно, на глобальном уровне.

Вот что я имею в виду: режим контроля над вооружениями и режим нераспространения ОМУ создавались в годы *холодной войны* под вполне конкретные условия. В девяностые годы главные игроки на этом поле притворились, что никаких больших изменений в мире не произошло, режимы не пересматривались, не менялись, страны продолжали следовать той логике, которая была заложена в годы *холодной войны*. Очевидно, что в таких условиях произошла та самая эрозия режима нераспространения, о которой уже несколько раз упоминалось на нашей конференции. И эта эрозия привела к тому, что теперь опасно, что ли, быть не столько пролиферантом, сколько опасно быть *медленным* пролиферантом. Надо как можно быстрее ОМУ или уж на худой конец средства его доставки создать, и тогда Запад вам будет предлагать не кнут, а пряник. Так, в случае с Северной Кореей предоставление ей атомных электростанций является методом изъятия у Северной Кореи ядерных программ. Но к чему же мы тогда толкаем страны *третьего мира*? К тому, чтобы они побыстрее и потише провели свою ядерную программу, не попали под санкции и под какие-то меры контрраспространения, а после этого они могут рассчитывать на пряник.

Роланд ТИМЕРБАЕВ, ПИР-Центр: У меня складывается впечатление, что механизм консультаций внутри *ядерной пятерки*, в частности, в период Подготовительных комитетов по проведению конференций по рассмотрению ДНЯО, стал очень формальным и малопродуктивным. Вы знаете, что в последней такой встрече Китай не участвовал (из-за бомбежки американцами китайского посольства в Белграде). Затем, правда, последовала встреча министров иностранных дел пяти ЯОГ, и они выпустили заявление по целому ряду вопросов, в том числе и по вопросу, связанному с КРДНЯО 2000 года. Но, на мой взгляд, это заявление малосодержательно и ничего не дает с точки зрения согласования продуктивных действий ядерных держав по подготовке конференции 2000 года. Поэтому я хочу призвать всех присутствующих здесь представителей правительств ЯОГ, чтобы они содействовали более активной работе по подготовке КРДНЯО 2000 года.

Обязательство ядерных государств по сокращению ядерных вооружений и жизнеспособность договора по ПРО

Владимир ДВОРКИН: Еще никогда с момента объявления в 1983 году Рональдом Рейганом о программе *звездных войн* вся система стратегической стабильности, основанная на выработанном процессе сокращения стратегических наступательных вооружений, – еще никогда вся эта система не находилась в такой, мягко говоря, неопределенности, в которой она находится сейчас.

Прежде всего хотел бы обратить ваше внимание на связь между договоренностями по сокращению ядерных вооружений и теми шагами, которые уже сейчас определены в области контроля за распространением ОМУ, в частности, прежде всего его носителей, – распространением ракет и ракетных технологий. В этом направлении я считаю существенным шагом взаимную договоренность президентов России и США о создании Центра обмена данными за пусками ракет. При этом рассматриваются такие варианты, как уведомления на многосторонней основе. Позиция России здесь такова, что система должна быть многосторонней и к ней на добровольной основе могли бы присоединиться все страны.

Основные параметры, задачи такого Центра обмена данными согласованы. Они заключаются в том, чтобы в полной мере использовать системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) США и России для глобального контроля. Здесь есть целый ряд технических проблем, так как эти системы создавались в основном для обнаружения запусков межконтинентальных ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), которые имеют повышенные энергетические характеристики и значительно легче контролируются и выделяются этими системами предупреждения. И для того чтобы эти системы предупреждения контролировали пуски оперативно-тактических ракет, нужны еще дополнительные усилия, но на решение таких технических проблем уйдет не больше двух–четырёх лет. США, которые в качестве основной угрозы рассматривают распространение ракетных технологий, ракет-носителей ОМУ, в большей степени заинтересованы в участии российских (особенно южных) станций предупреждения о ракетном нападении. Именно здесь можно

(продолжение см. с.55)

Ядерному Контролю – журналу по международной безопасности, контролю над вооружениями и нераспространению – исполнилось пять лет!

Этот праздник сотрудники и друзья журнала отметили... на подводной лодке. А точнее – собравшись на дружеское застолье в московском клубе *Желтая Субмарина*.

Главный редактор *Ядерного Контроля* Владимир Орлов, сотрудники редакции и ПИР-Центра (*на снимке внизу*) принимают многочисленные поздравления.

Сотрудники ИМЭМО РАН поздравили нас с *совершеннолетием*. «Пять лет – это уже солидный возраст, ибо ребенок рос не по дням, а по часам. К тому же, в таком *вредном* производстве, как предотвращение распространения ОМУ, год засчитывается за несколько», говорится в поздравлении.

«Поздравляем с пятой годовщиной *Ядерного Контроля*. Трудно поверить, что вы уже перешагнули этот рубеж. Это исключительно важное издание, и вы должны гордиться своими достижениями», говорится в поздравительной телеграмме Центра изучения вопросов нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Редакцию *Ядерного Контроля* поздравили представители администрации президента, Государственной Думы, министерства иностранных дел, министерства по атомной энергии, министерства обороны, Совета безопасности, Российского института стратегических исследований, Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии МФТИ, Национального института прессы, Центра *Основа*, Комитета ученых за глобальную безопасность, МГИМО, Центра Карнеги, Фонда Макартуров, МИФИ, Международного института политических исследований Белоруссии, Банка *Петрокоммерц*, сотрудники посольств Польши, США, Италии, Нидерландов, Израиля, российских СМИ, таких, как *Общая Газета*, *Сельская Жизнь*, газета *Время-МН*, еженедельник *Интерфакс-Время*, журнал *Эксперт*. К поздравлениям российских коллег присоединились также и зарубежные партнеры: Университет Св. Эндрюса (Великобритания), Франкфуртский институт исследования проблем мира (Германия), Центр международной торговли и безопасности университета Джорджии (США), Международное инженерное агентство (Германия), министерство энергетики США, Греческий фонд европейской внешней политики, Стэнфордский университет и др.

Мы отмечаем пятилетие журнала и встречаем новый год делами – то есть новыми публикациями и новыми научными проектами. О наиболее значимых проектах 2000 года мы рассказываем на следующих страницах.

Ядерный Контроль. № 1. Январь – Февраль 2000

ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

ПИР – Центр политических исследований в России – автономная некоммерческая организация, основанная в апреле 1994 года и имеющая штаб-квартиру в Москве. ПИР-Центр является независимой, неправительственной и внепартийной организацией и осуществляет научно-исследовательскую, образовательную, информационную, издательскую и консультационную деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

С момента основания и по настоящее время приоритетными областями научных исследований ПИР-Центра остаются международная безопасность, контроль над вооружениями (прежде всего ядерными) и распространением оружия массового уничтожения, а также военно-гражданские отношения. ПИР-Центр исследует данную проблематику преимущественно в контексте того, как она связана с Россией, ее

национальными интересами, ее безопасностью и местом в международном сообществе.

ПИР-Центр, являясь ведущим российским центром в области нераспространения, привлекает к своей работе крупнейших отечественных и зарубежных экспертов; в своей повседневной деятельности он тесно контактирует с представителями исполнительной и законодательной ветвей власти. Научные исследования и публикации, подготавливаемые Центром, предназначаются прежде всего для военно-политического руководства России и государств СНГ, а также для законодательного корпуса. Большинство исследований выходит на русском языке.

ПИР-Центр представляет собой небольшой, компактный и гибкий частный институт, в своих исследованиях оперативно откликающийся на наиболее острые проблемы и вызовы внешнеполитического, военного и стратегического характера.

ПРОЕКТЫ ПИР-ЦЕНТРА В 2000 ГОДУ

Научно-исследовательские и издательские

Программа «Нераспространение и Россия»

- Проект «Ядерное оружие и его будущее» (действует)
- Проект «Критический экспорт и экспортный контроль в России» (действует)
- Проект «Оценка и перспективы программы Нанна-Лугара» (действует)
- Социологическое исследование «Россияне о ядерном оружии» (действует)
- Монография «Россия и нераспространение. 1995-1999» (будет осуществлен, начиная со второй половины 2000 года)
- Проект «Российский ядерный регионализм» (действует)
- Проект «Изучение программ политических партий и кандидатов в президенты России в области контроля над вооружениями» (действует)
- Проект «Россия накануне конференции 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО» (действует)
- Проект «Российско-китайский ядерный диалог» (будет осуществлен, начиная со второй половины 2000 года)

- Проект «Журналистские расследования в области нераспространения и контроля над вооружениями» (действует)
- Издание журнала «Ядерный контроль» (действует)
- Издание журнала «Ядерный контроль дайджест» (действует)
- Издание бюллетеня «Arms Control Letters» (действует)
- Издание журнала «Научные Записки ПИР-Центра» (действует)
- Издание научной серии «Доклады ПИР-Центра» (действует)

Программа «Внутренняя политика и безопасность России»

- Издание бюллетеня для руководителей «Вопросы Безопасности» (действует)
- Проект «ПолиКон» – аналитические записки» (действует)

Информационные

- Создание базы данных «ЯДРО» (Ядерная Россия) (будет осуществлено, начиная с апреля 2000 года)
- Развитие библиотеки ПИР-Центра по контролю над вооружениями (действует)

Ядерный Контроль. № 1. Январь – Февраль 2000

- Распространение пресс-релизов и заявлений ПИР-Центра (действует)
- Проект «Неправительственный реестр экспорта обычных вооружений из России и СНГ» (действует)

Образовательные

- Разработка и осуществление лекционного курса по ядерному нераспространению в МИФИ (действует)
- Выпуск учебника «Ядерное нераспространение» (действует)
- Образовательная программа для законодательной власти (проект)

приостановлен и будет продолжен, начиная с февраля 2000 года)

- Подготовка и повышение квалификации молодых специалистов в области нераспространения оружия массового уничтожения (будет осуществлен, начиная со второй половины 2000 года)

Прочие

- Встречи Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра (действует)

СОСТАВ ПИР-ЦЕНТРА

Орлов Владимир Андреевич, канд. полит. наук – директор Центра, главный редактор журнала *Ядерный Контроль*, директор программы «Нераспространение и Россия»

Зайцев Вячеслав Алексеевич – заместитель директора по финансовым вопросам, главный бухгалтер

Верникова Мария Яковлевна – помощник директора

Маслин Евгений Петрович, генерал-полковник (в отставке) – старший советник

Тимербаев Роланд Махматович, Чрезвычайный и полномочный посол в отставке – старший советник

Лата Василий Филиппович, генерал-лейтенант запаса – советник

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, канд. полит. наук – старший научный сотрудник, директор программы «Внутренняя политика и безопасность России», редактор-консультант журнала *Ядерный Контроль*, редактор журнала *Научные Записки ПИР-Центра*

Сафранчук Иван Алексеевич – научный сотрудник, директор проекта «Будущее ядерного оружия»

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, канд. ист. наук – научный сотрудник

Козюлин Вадим Борисович – научный сотрудник

Поликанов Дмитрий Валерьевич, канд. полит. наук – редактор периодических изданий

Литовкин Дмитрий Викторович, капитан-лейтенант – специальный корреспондент периодических изданий

Фуралева Карина Ивановна – помощник главного редактора журнала *Ядерный Контроль*, технический редактор, зав. библиотекой

Шаманова Ольга Анатольевна – секретарь-референт

Поликанова Дина Валерьевна – переводчик

Трофимова Елена Николаевна – специалист по информационным системам

Меримсон Виктор Гиршевич – специалист по производству периодических изданий

Абрамова Татьяна Владимировна, канд. филос. наук – корректор периодических изданий

Харченко Наталья Николаевна – специалист по распространению периодических изданий

Сириков Константин Анатольевич – водитель-экспедитор

Ковчегин Дмитрий Алексеевич – стажер

Самнер Дэниэл – стажер

БУДУЩЕЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ РОССИИ

Исследовательский проект ПИР-Центра. Осуществляется в рамках Программы «Нераспространение и Россия».

Первая стадия данного проекта проходила с января 1998 года по март 1999 года. Основным итогом первого этапа стала подготовка научным сотрудником Иваном Сафранчуком докладов «Тактическое ядерное оружие в новом мире и нестратегические ядерные силы

России» и «Будущее ядерных сил России». Доклад «Будущее ядерных сил России» с предисловием бывшего начальника 12-го ГУМО РФ, генерал-полковника Евгения Маслина был опубликован в 1999 году под редакцией старшего научного сотрудника Дмитрия Евстафьева.

В рамках данного проекта ПИР-Центр провел серию пресс-конференций для российских и

иностранных журналистов: «Полное ядерное разоружение в XXI веке: мифы и реальность» (18 февраля 1998 года, Национальный институт прессы); «Будет ли ратифицирован договор СНВ-2?» (15 октября 1998 года, Национальный институт прессы); «Ядерная политика России: испытание балканским кризисом» (3 июня 1999 года, Национальный институт прессы).

Для продолжения проекта сформирована рабочая группа из сотрудников ПИР-Центра, в которую входят: директор проекта, научный сотрудник Иван Сафранчук, старший советник Евгений Маслин, старший советник Роланд Тимербаев, старший научный сотрудник Дмитрий Евстафьев.

На второй стадии проекта рабочая группа ПИР-Центра планирует подробно остановиться на проблемах классификации ядерного оружия на тактическое и стратегическое, проанализировать модели поддержания глобальной стабильности в безъядерном мире, изучить перспективы процесса ядерного разоружения, а также рассмотреть многие другие вопросы. Особое внимание при этом будет уделено проблемам российской ядерной политики и соотношению стратегических наступательных и оборонительных вооружений в новых условиях: поддержание

стратегической стабильности при модификации договора по ПРО от 1972 года, первый и ответный удар в российской ядерной политике, расширение функций ядерного сдерживания – ядерное сдерживание на региональном и локальном уровнях: миф или реальность?

Основные результаты работы в рамках исследовательского проекта «Будущее ядерного оружия и ядерные силы России» будут доступны российским и зарубежным ученым, экспертам и политикам. Промежуточные результаты проекта формулируются в аналитических записках и докладах. В период проведения проекта планируется выпустить среди прочего доклад, посвященный проблемам классификации ядерного оружия на стратегическое и тактическое; доклад по ядерной политике России; доклад по проблемам поддержания переговорного процесса в области ядерного разоружения – после президентских выборов в России.

Для получения более подробной информации о проекте следует обращаться к директору проекта, научному сотруднику ПИР-Центра Ивану Алексеевичу Сафранчуку по тел. (095) 335-1955 или по электронной почте subscription@pircenter.org

КРИТИЧЕСКИЙ ЭКСПОРТ И ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ

Научно-исследовательский проект осуществляется в ПИР-Центре в рамках Программы «Нераспространение и Россия», начиная с 1997 года.

Изучение проблем экспортного контроля является одним из ключевых направлений деятельности ПИР-Центра. Здесь накоплен уже значительный опыт. Рассматриваются правовые, политические, экономические составляющие проблемы, отслеживаются случаи нарушений национального законодательства в области экспортного контроля, вырабатываются рекомендации.

В рамках проекта издаются научные доклады на русском и английском языках, в частности:

- «Критический экспорт и экспортный контроль в России: законодательство и практика» (на английском языке). Июль 1999.
- Алексей Рей. «Критический экспорт и экспортный контроль в России» (на

русском языке). Под ред. Дмитрия Евстафьева. Декабрь 1998, 32 с.

- Иван Сафранчук. «Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества» (на русском и английском языках). Под ред. Дмитрия Евстафьева. Октябрь 1998, 36 с.
- Алексей Рей. «Критический экспорт и экспортный контроль: аэрокосмическая промышленность России» (на русском языке, цветные вкладки). Январь 1998, 25 с.
- Анна Откина. «Анализ законодательства в системе экспортного контроля Российской Федерации» (на русском языке). Ноябрь 1997, 38 с.

В рамках проекта проводятся научные конференции и семинары, в том числе:

- «Экспортный контроль в России: законодательство и практика» (25 февраля 1999 года). Докладчики: начальник управления международных

отношений аппарата Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и полномочный посол Николай Успенский, руководитель департамента Службы внешней разведки России генерал-лейтенант Геннадий Евстафьев, заместитель руководителя пресс-службы Государственной Думы Федерального Собрания РФ Владимир Мисюченко.

- **«Контроль над критическим экспортом в России: правовой, политический и практический аспекты»** (13 ноября 1997 года). Докладчики: ведущий специалист отдела международных организаций и нераспространения Минатома РФ Марина Беляева, сотрудник Центра международной торговли и безопасности (США) Ричард Кьюпит.
- **«Российский ядерный экспорт и контроль над экспортом на современном этапе: взгляд из США»** (17 мая 1997 года). Докладчик: сотрудник Центра изучения проблем ядерного нераспространения Монтерейского

института международных исследований д-р Джон Лепингвелл.

В настоящее время ведется работа над подготовкой сборника статей, в котором будут детально освещены вопросы теории и практики экспортного контроля в целях нераспространения в России за последние годы. Будет проведен анализ российского законодательства в данной области и его соблюдения. Отдельно будут рассмотрены вопросы внедрения экспортного контроля в авиакосмической промышленности, при экспорте технологий двойного применения. В сборник войдут статьи по сотрудничеству России в чувствительных сферах с такими государствами, как Китай, Иран, Индия и Ирак, будут оценены пределы такого сотрудничества. Редакторы сборника – к.п.н. Дмитрий Евстафьев и к.п.н. Владимир Орлов.

По вопросам, связанным с осуществлением проекта, следует обращаться к директору ПИР-Центра Владимиру Орлову по телефону (095) 335-1955, факсу (503) 234-9558 или по электронной почте orlov@pircenter.org

ПРОГРАММА СОВМЕСТНОГО УМЕНЬШЕНИЯ УГРОЗЫ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Исследовательский проект осуществляется ПИР-Центром, начиная с 1995 года, в рамках Программы «Нераспространение и Россия».

Программа совместного уменьшения угрозы (СУУ), известная также как план Нанна-Лугара, ставит целью оказание помощи государствам бывшего Советского Союза, в первую очередь России, в выполнении международных обязательств по сокращению носителей ядерных вооружений, улучшению ядерной безопасности, совершенствованию системы учета, контроля и физической защиты ядерного материала, созданию действенной системы экспортного контроля и т.д.

ПИР-Центр изучает эффективность осуществления программы СУУ применительно к России, а также готовит политические рекомендации по возможным путям совершенствования и корректировки программы в будущем.

В ходе проекта исследователи предполагают осуществить сбор и анализ информации по нынешнему состоянию различных направлений программы СУУ в России. При этом акцент делается на следующие аспекты:

- уничтожение носителей ядерного оружия;
- создание систем физической защиты, учета и контроля;
- утилизация атомных подводных лодок (АПЛ);
- мероприятия по предотвращению несанкционированного доступа к ядерным боеприпасам и делящимся материалам и по пресечению незаконного оборота ядерных материалов (НОЯМ).

Исследователи предполагают получить ответы, среди прочих, на следующие вопросы:

- Отвечает ли программа СУУ национальным интересам России?
- Как строятся отношения между российскими и американскими участниками программы? В чем основные трудности?
- Помогает ли программа предотвратить риск распространения ядерного оружия и его компонентов из России?
- В чем сильные и слабые стороны программы на момент проведения исследования?

- Что следует изменить в параметрах и практике осуществления программы, чтобы повысить ее эффективность?
- Сможет ли российская сторона в дальнейшем самостоятельно, без финансовой помощи США поддерживать то оборудование и использовать те технологии, которые были получены в рамках программы?
- Какова должна быть роль других развитых государств, помимо США, в оказании помощи России по снижению ядерной угрозы (так называемая идея *Нанн-Лугар плюс*)?

В рамках проекта регулярно готовятся аналитические записки, проходят встречи с заинтересованными представителями российских структур исполнительной власти, специалистами из министерств энергетики и обороны США, сотрудниками аппарата Сената США и с сенаторами (в частности, с Ричардом Лугаром и Питом Доминичи).

Значительный объем материала в рамках проекта передается в российские и зарубежные средства массовой информации.

Проводятся ежемесячные заседания рабочей группы ПИР-Центра, которую возглавляет старший советник Евгений Маслин, а в ее состав входят: Владимир Орлов, Василий Лата, Иван Сафранчук и другие.

В рамках проекта также проходят семинары. 1 июля в Москве ПИР-Центр провел семинар «Программа совместного уменьшения угрозы: перспективы развития», а 11–12 ноября в Москве в отеле *Даниловский* прошел семинар для российских специалистов «Устойчивое развитие Программы помощи российским институтам и предприятиям со стороны США по укреплению систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и проблемы нераспространения», организованный ПИР-Центром и Центром исследования проблем нераспространения (Монтерей, США).

За дополнительной информацией следует обращаться к директору ПИР-Центра Владимиру Орлову по телефону (095) 335–1955 или по электронной почте orlov@pircenter.org

ПРОГРАММЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИИ В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Исследовательский проект ПИР-Центра, осуществляется в рамках Программы «Нераспространение и Россия», при координации с Программой ПИР-Центра «Внутренняя политика и безопасность России». Начат 1 июля 1999 года. Продлится по 30 июня 2000 года.

В рамках проекта собираются и анализируются все значимые материалы (программы, официальные заявления, пресс-конференции, интервью и т.д.), в которых содержатся высказывания наиболее вероятных потенциальных кандидатов в президенты России на период 2000–2004 годов по вопросам оборонной политики, международной безопасности, контроля над вооружениями (прежде всего ядерными) и нераспространения оружия массового уничтожения. При этом список рассматриваемых кандидатов включает в себя только тех, кто, с точки зрения ПИР-Центра, имеет реальный шанс стать президентом России на президентских выборах 2000 года.

В рамках проекта также собираются и анализируются материалы (программы,

платформы, официальные заявления и др.), которые отражают позиции крупнейших политических партий и движений России по вопросам оборонной политики, международной безопасности, контроля над вооружениями (прежде всего ядерными) и нераспространения оружия массового уничтожения.

Промежуточные результаты проекта формулируются в аналитических записках и докладах. В рамках проекта планируется выпустить также два итоговых доклада: *первый* – накануне парламентских выборов, *второй* – накануне президентских выборов.

Для осуществления проекта сформирована рабочая группа из сотрудников ПИР-Центра, в которую входят директор ПИР-Центра Владимир Орлов, старший научный сотрудник Дмитрий Евстафьев, научный сотрудник Иван Сафранчук, стажер Дмитрий Ковчегин.

Для получения более подробной информации о проекте следует обращаться к директору ПИР-Центра Владимиру Орлову по тел. (095) 335–1955 или по электронной почте orlov@pircenter.org

«ЯДРО» (БАЗА ДАННЫХ «ЯДЕРНАЯ РОССИЯ»)

База данных «ЯДРО» («Ядерная Россия») формируется как часть информационных проектов ПИР-Центра с целью обеспечения сотрудников ПИР-Центра необходимыми информационными ресурсами и совершенной системой поиска, а также с целью предоставления части этих информационных ресурсов заинтересованным организациям в России и за рубежом.

База данных формируется на русском языке, с незначительными элементами на английском языке. В базе данных концентрируется информация, а также материалы аналитического характера из российских центральных и региональных средств массовой информации, из открытых источников Государственной Думы и Совета Федерации, открытых источников ряда министерств и ведомств и т.д.

Тематика материалов, размещаемых в базе данных, точно отражена в ее названии: это только материалы, прямо или косвенно связанные с Россией, и только материалы, связанные с ядерными вопросами, прежде

всего (но не только) с вопросами ядерных вооружений, ядерной политики, ядерной безопасности, ядерных материалов и их физической защиты учета и контроля, отработанного ядерного топлива, ядерного экспорта, экспортного контроля, несанкционированного доступа к ядерным материалам, ядерного терроризма ядерных технологий и технологий двойного применения. В базе данных будут представлены материалы о закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) Минатома, о деятельности РВСН, о ситуации на атомном флоте. В базе данных также будут представлены вопросы, связанные со средствами доставки ядерного оружия.

Доступ к базе данных «ЯДРО» будет предоставляться, начиная с апреля 2000 года.

За дополнительной информацией следует обращаться к помощнику директора ПИР-Центра Марии Яковлевне Верниковой по телефону (095) 335-1955 или электронной почте info@pircenter.org

БИБЛИОТЕКА ПИР-ЦЕНТРА ПО КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Библиотека ПИР-Центра по контролю над вооружениями была создана в июле 1998 года при поддержке Фонда Форда и министерства иностранных дел Великобритании, а также на собственные средства ПИР-Центра, полученные от продажи периодических изданий за рубежом.

Библиотека в основном состоит из материалов на русском и английском языках. Имеется также некоторое количество материалов на немецком, французском и испанском языках.

Библиотека ПИР-Центра включает:

- **Книжную библиотеку** (научные монографии, справочная литература, диссертации, доклады, официальные документы международных организаций) по шестидесяти пяти тематическим разделам в общем количестве 670 единиц.
- **Журнальную библиотеку** – 42 наименований журналов (бюллетеней) на русском языке, 56 наименований журналов на иностранных языках, в общем количестве 1600 единиц. Здесь же можно найти все периодические и непериодические издания ПИР-Центра,

начиная с момента создания Центра в апреле 1994 года.

- **Архив** (архивированные документы, материалы из российских газет, начиная с 1994 года, системно – с 1997 года) по 45 тематическим разделам в общем количестве 295 единиц хранения (архивных файлов).
- **Электронный архив** по шестидесяти пяти тематическим разделам (начиная с 1994 года, системно – с 1997 года).
- **Аудиотеку** (аудиокассеты, прежде всего записи конференций и семинаров ПИР-Центра, начиная с 1997 года) – в общем количестве 37 единиц.
- **Видеотеку** (находится в стадии формирования).
- **CD-теку** (информация на CD-ROM, находится в стадии формирования).

Посетителями библиотеки ПИР-Центра по контролю над вооружениями являются как сотрудники Центра, так и члены его Экспертно-консультативного совета, основные научные партнеры. Хотя помещение не позволяет открыть доступ в библиотеку всем желающим исследователям, ПИР-Центр

старается использовать любую возможность для предоставления такого доступа, прежде всего для начинающих специалистов, а также для журналистов. Поэтому в библиотеке всегда можно встретить студентов старших курсов московских вузов (прежде всего МГИМО и МИФИ), корреспондентов и обозревателей по внешнеполитическим и военным вопросам ведущих российских СМИ, сотрудников ИМЭМО РАН, ИСКРАН, РИСИ, других московских научных институтов и центров; в библиотеке часто работают специалисты, приезжающие из Челябинска, Красноярска, Томска, закрытых ядерных городов.

Для быстрого поиска необходимых книг и журналов внедрена база данных «ПИР-Библиотека» с современной поисковой системой.

Заведующая библиотекой ПИР-Центра – Карина Фуралева.

Для получения более подробной информации следует обращаться к Фуралевой Карине Ивановне по телефону 335–1955 или направить запрос по электронной почте library@pircenter.org

ЭКСПОРТ ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕНИЙ ИЗ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ СНГ: НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РЕЕСТР

Информационный проект ПИР-Центра, начатый в 1996 году с целью обобщения и систематизации информации о военно-техническом сотрудничестве России и об экспорте вооружений и военной техники из России и ряда других государств СНГ (прежде всего Украины и Белоруссии, а также Казахстана).

осуществляется ПИР-Центром самостоятельно.

В рамках проекта в ноябре 1997 года был проведен семинар «Перспективы экспорта обычных вооружений из России». В 1996–1997 годах издавался научный журнал *Экспорт Обычных Вооружений*.

Работа ведется с различными источниками открытого характера. В результате в реестр включаются как официально подтвержденные поставки, так и поставки, по поводу которых официальное подтверждение отсутствует. В рамках проекта также осуществляется сбор и обработка информации о *сером* экспорте.

Неправительственный Реестр экспорта обычных вооружений из России ведется в ПИР-Центре с 1996 года и публикуется ежегодно, в январе–феврале, по итогам предыдущего года. Он не ставит задачу подменить собой информацию, официально публикуемую в Реестре (регистре) ООН, и является источником неофициальной информации, отобранной в результате исследований, проводимых в ПИР-Центре и партнерских негосударственных организациях. В рамках проекта также ведется работа над созданием Неправительственных Реестров экспорта обычных вооружений из Украины и Белоруссии.

На начальном этапе проекта (1996–1997 годы) он осуществлялся совместно с Международным институтом политических исследований (Минск, Белоруссия). В рамках проекта было налажено сотрудничество с Центром международной торговли и безопасности Университета штата Джорджия (США), прежде всего в части, касающейся военно-технического сотрудничества России с Индией и КНР. В настоящее время проект

Директор проекта – научный сотрудник ПИР-Центра Вадим Козюлин.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ

ПИР-Центр осуществляет Образовательную программу по контролю над вооружениями для российских законодателей, начиная с 1996 года.

Федерации Федерального собрания РФ готовятся информационные, справочные и аналитические материалы по наиболее актуальным вопросам повестки дня. Так, сотрудники ПИР-Центра принимали деятельное участие в обсуждении законодательным корпусом России вопроса о ратификации Конвенции о запрещении

В рамках Образовательной программы для депутатов и сотрудников аппарата Государственной Думы и членов Совета

химического оружия (1996–1997 годы), принятии Закона об экспортном контроле (1998–1999 годы), дискуссии о ратификации российско-американского договора СНВ-2 и о законопроекте о ратификации этого договора и др.

Одновременно сотрудники ПИР-Центра внимательно следят за информацией, поступающей из Государственной Думы и Совета Федерации, в том числе знакомятся со стенограммами заседаний Думы и ее комитетов, посещают слушания, изучают расстановку сил накануне голосования и результаты голосования. Выводы публикуются в форме аналитических записок, статей и докладов.

Под эгидой ПИР-Центра проходят образовательные конференции и семинары для представителей законодательной власти. Их темы:

- **«Экспортный контроль в России: законодательство и практика»** (25 февраля 1999 года). Докладчики: начальник управления международных отношений аппарата Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и полномочный посол Николай Успенский, руководитель департамента Службы внешней разведки России генерал-лейтенант Геннадий Евстафьев, заместитель руководителя пресс-службы Государственной Думы Федерального Собрания РФ Владимир Мисюченко.
- **«Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ): вопросы ратификации и вступления в силу в изменившихся условиях»** (14 декабря 1998 года). Докладчики: сотрудник департамента по безопасности и разоружению МИД РФ Сергей Решетников, генерал-полковник в отставке, бывший руководитель 12-го Главного управления министерства обороны, старший советник ПИР-Центра Евгений Маслин.
- **«Ратификация договора СНВ-2 и перспективы выработки и заключения договора СНВ-3»** (8 октября 1998 года). Докладчики: начальник 4-го Центрального НИИ министерства обороны России генерал-майор Владимир Дворкин, представитель отдела программ сотрудничества в оборонной области посольства США в Москве полковник Роберт Будроу, директор Центра

разоружения, энергетики и экологии при МФТИ профессор Анатолий Дьяков.

- **«Конвенции по химическому и биологическому оружию: практические вопросы выполнения на территории России»** (19 февраля 1998 года). Докладчики: первый заместитель председателя комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при президенте РФ Александр Иванов, старший эксперт правительства РФ, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, д.м.н Наталья Калинина, ведущий специалист Исследовательского отдела по проблемам контроля над вооружениями и разоружению министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании д-р Джон Уолкер.
- **«Контроль над критическим экспортом в России: правовой, политический и практический аспекты»** (13 ноября 1997 года). Докладчики: ведущий специалист отдела международных организаций и нераспространения Минатома РФ Марина Беляева, сотрудник Центра международной торговли и безопасности (США) Ричард Кьюпит.
- **«Проблемы запрещения противопехотных мин»** (10 апреля 1997 года). Докладчики: сотрудник департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ посол Борис Щиборин, начальник отдела Минобороны Геннадий Хромов.
- **«Проблемы ядерного разоружения и вклад в них пяти ядерных держав, включая российско-американские договоренности в Хельсинки»** (29 мая 1997 года). Докладчики: директор департамента по вопросам разоружения и контроля над вооружениями МИД РФ Сергей Кисляк, старший научный сотрудник Центра по проблемам нераспространения Монтерейского института международных исследований (США) Джон Лепингвелл.
- **«Проблемы договора по ПРО»** (30 января 1997 года). Докладчики: консультант Совета обороны Сергей Коротунов, генеральный конструктор МАК *Вымпел* Александр Меньшиков.
- **«Конвенция по химическому оружию и Россия»** (22 ноября 1996 года). Докладчики: исполнительный секретарь Временного технического секретариата Организации по запрещению химического оружия Иан Кеннион; профессор Академии

военных наук, генерал-майор (в отставке), заведующий сектором военной политики Центра научных исследований Комитета ученых за глобальную безопасность Владимир Белоус.

Депутат Государственной Думы (1996–1999 годы) Алексей **Арбатов** (фракция Яблоко) отмечает, что ПИР-Центр «участием в парламентских слушаниях и посредством консультаций регулярно знакомит депутатов – членов Комитета по международным делам и других комитетов Думы с актуальными проблемами ограничения вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения, представляющими интерес для работы Государственной Думы. **Деятельность ПИР-Центра приносит несомненную пользу депутатам в их законотворческой работе, она заслуживает внимания и поддержки**».

Заместитель председателя комитета по международным делам Государственной Думы (1996–1999 годы) Александр **Козырев** (фракция ЛДПР) считает, что Программа ПИР-Центра «**гарантирует обеспечение неискаженной информации и предлагает независимый анализ в области контроля над вооружениями, [...] заметно отличается от программ многих других неправительственных организаций независимым подходом, глубиной анализа и, что особенно важно, сопоставлением различных точек зрения и подходов к насущным вопросам международных отношений...**».

Заместитель председателя комитета по экономической политике (1996–1999 годы) Светлана **Гвоздева** (фракция НДР) убеждена, что «**деятельность ПИР-Центра по анализу вопросов экспортного контроля и прояснению его для депутатского корпуса оказалась чрезвычайно важной, своевременной и профессиональной**».

Член комитета по международным делам (1996–1999 годы) Александр **Пономарев** (фракция КПрФ) считает образовательные материалы ПИР-Центра, «**прежде всего по ядерной безопасности, необходимыми для работы в комитете**».

С 1996 по 1998 годы директором Образовательной программы был Чрезвычайный и полномочный посол Роланд Тимербаев. С 1998 года ее возглавляет директор ПИР-Центра Владимир Орлов. Координатор по вопросам ратификации договора СНВ-2 – научный сотрудник Иван Сафранчук.

Конференции и семинары планируется возобновить в феврале 2000 года, после избрания нового состава Государственной Думы.

За более подробной информацией следует обращаться к директору ПИР-Центра Владимиру Орлову по телефону (095) 335–1955 или электронной почте orlov@pircenter.org

«ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ» – УЧЕБНИК ДЛЯ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Образовательный проект, осуществляется ПИР-Центром, начиная с июня 1999 года, и рассчитан до декабря 2000 года.

Главная цель проекта – подготовка и издание, впервые на русском языке, учебника по ядерному нераспространению для отечественных высших учебных заведений (МГИМО, МИФИ, МФТИ, МВТУ им. Баумана, Дипломатической академии МИД РФ, Томского политехнического института и др.), а также для всех заинтересованных молодых специалистов и представителей средств массовой информации, пишущих по проблемам контроля над вооружениями и нераспространения.

В процессе подготовки учебника используется методология, разработанная сотрудниками ПИР-Центра при создании и внедрении Образовательной программы по нераспространению (международно-правовые, политические и экономические аспекты) в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ) на протяжении 1997–1999 годов.

Учебник по ядерному нераспространению является самостоятельным научным трудом, избегающим копирования учебников по нераспространению, вышедших в свое время в США. Он учитывает специфику российских студентов, проходящих подготовку по данной

проблематике, подробно затрагивает вопросы, интересующие отечественную аудиторию.

Над учебником работает авторский коллектив в составе: кандидат политических наук Владимир Орлов (редактор), доктор исторических наук Николай Соков (редактор), профессор, доктор исторических наук Роланд Тимербаев, кандидат исторических наук Ильдар Ахтамзян и кандидат политических наук Дмитрий Евстафьев.

Учебник, как предполагается, будет состоять из двух томов: первый – собственно учебник, второй – документы по нераспространению.

В настоящее время ведется работа над первым томом. Он выйдет в свет в июне 2000 года.

За дополнительной информацией следует обращаться к директору ПИР-Центра Владимиру Орлову по телефону (095) 335-1955 либо по электронной почте orlov@pircenter.org

ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС ПО ЯДЕРНОМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ В МИФИ

Образовательный проект ПИР-Центра, осуществляется с 1997 года.

В рамках сотрудничества между Госатомнадзором РФ и министерством энергетики США при финансовой поддержке министерства энергетики США в Московском государственном инженерно-физическом институте (техническом университете, МИФИ) разработана и реализуется образовательная программа подготовки специалистов по проблемам нераспространения и системам физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (ФЗУиК ЯМ) на уровне магистра наук. Разработка и реализация этой программы осуществляется в тесном сотрудничестве с национальными лабораториями США и с ведущими научными центрами России.

Целью образовательной программы является подготовка специалистов по проблемам нераспространения, включая конкретные технологии и оборудование систем ФЗУиК ЯМ на уровне магистра наук, а также распространение опыта подготовки специалистов в регионах России и странах СНГ. Предпосылкой для такого уровня образования в технических университетах России является восьмисеместровая подготовка по физическим, математическим и техническим дисциплинам, связанным с ядерно-энергетическими технологиями. Единая методологическая база программы сформулирована в виде лекционных курсов, лабораторных практикумов и компьютерных программ.

Учебная программа «Проблемы нераспространения и системы защиты, учета и контроля ядерных материалов» реализуется в рамках магистратуры «Физико-технические

проблемы атомной энергетики» (направление «Техническая физика»). Эта программа предполагает подготовку специалистов в течение четырех семестров. Учебные курсы двух первых семестров концентрируются на фундаментальном изучении принципов ядерного нераспространения и систем ФЗУиК ЯМ. В течение этих семестров изучаются специальные дисциплины, обеспечивающие базовую подготовку на магистерском уровне по нераспространению и системам ФЗУиК ЯМ. В рамках курсов специальных дисциплин первого семестра студенты изучают пути решения проблемы нераспространения ядерного оружия на правовом и политическом уровнях; изучают технологические процессы, происходящие с ЯМ; получают фундаментальную подготовку по системам измерения и контроля ЯМ на протяжении всего ядерного топливного цикла; знакомятся с проблемами системного подхода и составляющими системы ФЗУиК ЯМ. На знания, приобретенные студентами в ходе изучения этих базовых курсов, опираются профилирующие курсы второго семестра, которые посвящены детальному изучению подсистем защиты, учета и контроля ЯМ. Заключительный семестр включает обзор основных концепций, используемых для решения проблем нераспространения, проектирования и оценки эффективности систем ФЗУиК ЯМ, преддипломную практику в ведущих научных центрах России, завершение и защиту дипломного проекта.

ПИР-Центр разработал и в сотрудничестве с МИФИ и Монтерейским институтом международных исследований внедрил, впервые в России, лекционный курс **«Ядерное нераспространение: международно-правовые, политические и экономические**

аспекты». В настоящее время структура курса следующая:

- **Лекция 1.** Вводная лекция. Проблемы ядерного нераспространения.
- **Лекция 2.** История складывания режима нераспространения ядерного оружия. Договор о нераспространении ядерного оружия.
- **Лекция 3.** МАГАТЭ и гарантии нераспространения ядерного оружия.
- **Лекция 4.** Структура режима контроля над вооружениями.
- **Лекция 5.** Программа Совместного уменьшения угрозы (Нанна-Лугара).
- **Семинар 1.** МАГАТЭ и режим нераспространения ядерного оружия.
- **Лекция 6.** Сокращение ядерного оружия и новые опасности распространения ядерного оружия.
- **Лекция 7.** Продление Договора о нераспространении ядерного оружия.
- **Лекция 8.** Рынок ядерных материалов и конъюнктура цен на экспорт урановых материалов из России.
- **Лекция 9.** Региональные аспекты нераспространения ядерного оружия. Пороговые государства.
- **Семинар 2.** Будущее ядерного оружия и режима нераспространения ядерного оружия. Региональные аспекты.
- **Лекция 10.** Проблемы, связанные с высвобождением ядерных материалов из оружия, их контролем и последующей утилизацией.
- **Лекция 11.** Нетрадиционные вызовы ядерному распространению.
- **Семинар 3.** Незаконный оборот ядерных материалов.
- **Лекция 12.** Политика экспортного контроля в целях нераспространения оружия массового уничтожения.
- **Лекция 13.** Нераспространение в СНГ.
- **Семинар 4.** Нераспространение в СНГ.
- **Лекция 14.** Безъядерные зоны.
- **Лекция 15.** Контроль за ядерным экспортом и продукцией двойного назначения, применяемой в ядерных целях.
- **Семинар 5.** Контроль за ядерным экспортом и продукцией двойного назначения, применяемой в ядерных целях.

В рамках курса читают лекции и ведут семинары директор ПИР-Центра кандидат политических наук Владимир **Орлов**, старший советник ПИР-Центра профессор, Чрезвычайный и полномочный посол в

отставке Роланд **Тимербаев**, старший научный сотрудник ПИР-Центра кандидат политических наук Дмитрий **Евстафьев**, научный сотрудник ПИР-Центра доцент МГИМО Ильдар **Ахтамзян**, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра кандидат экономических наук Элина **Кириченко**, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра сотрудник Минатома Марина **Беляева**, директор департамента стратегического анализа и маркетинга АО *Техснабэкспорт* Алексей **Гвоздев**, советник департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ кандидат технических наук Владимир **Рыбаченков**.

По итогам курса, рассчитанного на один семестр (в настоящее время 40 академических часов), студенты пишут реферат и сдают экзамен. В дальнейшем наиболее отличившиеся студенты проходят стажировку в ПИР-Центре в Москве, а также в Центре изучения проблем нераспространения в Монтерее, затем защищают дипломные работы по проблематике курса.

Диапазон знаний, полученных при прохождении образовательной магистерской программы, включает детальное понимание проблем нераспространения и ФЗУиК ЯМ. Эти знания позволяют выпускникам работать в организациях, занимающихся нераспространением, физической защитой, учетом и контролем ядерных материалов. Следующие типы российских организаций являются потенциальными потребителями для выпускаемых специалистов: государственные регулирующие органы; научные и проектные организации, занимающиеся проектированием и эксплуатацией систем ФЗУиК ЯМ; государственные и неправительственные организации, занимающиеся отдельными аспектами нераспространения и ФЗУиК ЯМ.

Уровень проработки образовательной программы, ее апробация на двух выпусках магистров, постоянное совершенствование и модернизация как учебных курсов, так и лабораторной базы создают уникальные возможности для распространения ее в региональных отраслевых научных центрах.

Для получения подробной информации по проекту следует обращаться в ПИР-Центр к администратору проекта, помощнику директора Марии Яковлевне Верниковой по телефону (095) 335–1955.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

Экспертно-консультативный совет (ЭКС-ПИР) сформирован при ПИР-Центре в феврале 1998 года с целью совершенствования уровня научных исследований, проводимых в Центре, и повышения качества экспертизы публикуемых материалов, для проведения коллективных обсуждений наиболее острых проблем международной безопасности и уточнения научных позиций.

В состав ЭКС-ПИР входит около пятидесяти ведущих отечественных и зарубежных ученых и государственных служащих, которые профессионально заняты в сфере исследований, проводимых Центром, прежде всего, в области международной безопасности, контроля над вооружениями, а также внутренней политики.

ЭКС-ПИР имеет следующие виды членства: индивидуальное, ассоциированное (для государственных служащих по их желанию) и коллективное (для научных институтов и организаций). Среди коллективных членов ЭКС-ПИР: Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Забабахина (ВНИИТФ), Московский инженерно-физический институт, Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский научный центр Курчатовский институт, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) и др.

Так, в письме директора РФЯЦ-ВНИИТФ Георгия **Рыкованова** на имя директора ПИР-Центра Владимира Орлова с просьбой о приеме РФЯЦ в члены ЭКС-ПИР, в частности, отмечается, что *«весь круг вопросов, связанных с нераспространением ядерного оружия, экспортным контролем, инспекциями на местах и другими вопросами, относящимися к проблемам ядерного оружия [...] обсуждается Вашим Центром на высоком профессиональном уровне. Это, безусловно, вызывает большой интерес к нему со стороны многих специалистов нашего института. Мы полагаем, что в нынешних условиях наше сотрудничество должно стать более тесным...»*.

Члены ЭКС-ПИР в ходе заседаний ЭКС или в составе рабочих групп проводят экспертную оценку научных исследований Центра и его публикаций; консультируют сотрудников Центра в пределах своей компетенции;

рецензируют НИР, осуществляемые в Центре, и поступающие рукописи.

Темы заседаний Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра:

- **«Безопасность хранения ядерных боеприпасов в России и проблемы разоружения»** (5 октября 1999 года). Докладчик: научный сотрудник Центра по изучению проблем энергетики и экологии при Принстонском университете Джошуа Хэндлер.
- **«Программа совместного уменьшения угрозы: перспективы развития»** (1 июля 1999 года). Докладчики: директор программы Совместного уменьшения угрозы бригадный генерал в отставке Томас Е. Кеннинг, главный советник департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ Валерий Семин, старший советник ПИР-Центра бывший руководитель 12-го главного управления министерства обороны РФ генерал-полковник в отставке Евгений Маслин.
- **«Будущее ядерных сил России»** (28 мая 1999 года). Докладчики: старший советник ПИР-Центра бывший руководитель 12-го главного управления министерства обороны РФ генерал-полковник в отставке Евгений Маслин, научный сотрудник ПИР-Центра Иван Сафранчук.
- **«Взгляд из Израиля на некоторые аспекты ближневосточной безопасности»** (18 февраля 1999 года). Докладчик: Чрезвычайный и полномочный посол Израиля в Москве Цви Маген.
- **«Пакистан, Южная Азия и проблемы региональной и глобальной безопасности»** (15 декабря 1998 года). Докладчик: Чрезвычайный и полномочный посол Пакистана в Москве Мансур Алам.
- **«Безопасность в Южной Азии и роль России в регионе»** (25 сентября 1998 года). Докладчик: Чрезвычайный и полномочный посол Индии в Москве Ранендра Сен.
- **«Будущее ядерного оружия в России»** (18 февраля 1998 года). Докладчик: первый заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ Сергей Кортюнов.
- **«Экспорт обычных вооружений из России: сегодняшнее состояние и перспективы»** (14 ноября 1997 года). Докладчики: старший эксперт Главкосмоса Геннадий Хромов, корреспондент журнала *Эксперт* Петр Власов, заместитель

директора Центра международной торговли и безопасности при Университете Джорджии (США) Игорь Хрипунов.

- **«Перспективы внедрения культуры гарантий ядерного нераспространения в России»** (29 октября 1997 года). Докладчик: член Экспертно-консультативного Совета ПИР-Центра директор Центра проблем нераспространения ядерного оружия

Монтерейского института международных исследований профессор Уильям Поттер.

- **«Российский ядерный экспорт и контроль над экспортом на современном этапе: взгляд из США»** (17 мая 1997 года). Докладчик: сотрудник Центра изучения проблем ядерного нераспространения Монтерейского института международных исследований д-р Джон Лепингвелл.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИР-ЦЕНТРА

Журналы ПИР-Центра

- *Ядерный Контроль* – научный журнал по проблемам международной безопасности, контроля над вооружениями и нераспространения. Выходит 6 раз в год на русском языке. Издается в Москве с 1994 года. Тираж – 2000 экз. Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 года.
- *Digest of Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol* (Дайджест журнала Ядерный Контроль) – научный журнал по проблемам международной безопасности, контроля над вооружениями и нераспространения. Выходит 4 раза в год на английском языке. Издается в Москве с 1996 года. Тираж – 800 экз.
- *Научные Записки ПИР-Центра* – научный журнал. Выходит 3 раза в год на русском языке. Издается в Москве с 1996 года. Тираж – 900 экз. Свидетельство о регистрации № 017536 от 30 апреля 1998 года.

Бюллетени и научные доклады ПИР-Центра

- *Вопросы Безопасности* – бюллетень для руководителей. Выходит 24 раза в год на русском и английском языках. Издается в Москве с 1997 года. Распространяется в печатной и электронной версиях.

- *Arms Control Letters* – бюллетень. Выходит 12 раз в год на английском языке. Распространяется с 1998 года в электронной версии.
- *Доклады ПИР-Центра* – серия издается в Москве с 1997 года на русском и английском языках.
- *ПолиКон* – аналитические записки. Издаются в Москве на русском языке.
- *Вестник ПИР-Центра* – издается в Москве с 1999 года. Выходит четыре раза в год на русском и английском языках.

Граждане России, работающие на ее территории в государственных учреждениях или в научных институтах и центрах в сфере, связанной с проблематикой изданий ПИР-Центра, либо в средствах массовой информации, могут направить заявку для получения льгот или для бесплатного получения некоторых периодических изданий ПИР-Центра, в частности, журнала Ядерный Контроль (заявки следует направлять на бланке организации по почте).

По вопросам получения и доставки периодических изданий и подписки на них следует обращаться к помощнику директора ПИР-Центра Марии Яковлевне Верниковой по телефону (095) 335–1955, факсу (503) 234–9558 или по электронной почте info@pircenter.org

Arms Control Letters (Информационное письмо по контролю над вооружениями)

Письма по контролю над вооружениями (Arms Control Letters) выходят в ПИР-Центре, с 1998 года. Каждое письмо содержит короткий комментарий на актуальную тему, связанную с только что произошедшим событием в области контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения. Авторы комментариев – штатные сотрудники ПИР-Центра. Письма рассылаются на английском языке, как правило, один раз в месяц (иногда – в случае

особой насыщенности событиями – и чаще) по электронной почте крупнейшим специалистам по контролю над вооружениями по всему миру, а также ведущим мировым средствам массовой информации.

Редактор Arms Control Letters – кандидат политических наук Дмитрий Валерьевич Поликанов. Контактный факс в Москве: (503) 234–9558, электронная почта divalen@glasnet.ru

Ядерный Контроль. № 1. Январь – Февраль 2000

Научные Записки ПИР-Центра

Периодическое издание, выпускаемое ПИР-Центром 3 раза в год на русском языке, с 1996 года. Зарегистрировано в качестве средства массовой информации. Тираж Научных Записок – от 300 до 2000 экземпляров. В журнале публикуются промежуточные и окончательные результаты научных проектов, проводимых ПИР-Центром.

- Научные Записки №13. Под редакцией Ивана Сафранчука, ПИР-Центр. «Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспектива развития». Январь 2000. 64 с.
- Научные Записки №12. Роланд Тимербаев, ПИР-Центр. «Россия и конференция 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия». Декабрь 1999. 36 с.
- Научные Записки №11. Владимир Орлов, ПИР-Центр. «Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки». Октябрь 1999. 56 с.
- Научные Записки №10. Иван Сафранчук, ПИР-Центр. «Будущее ядерных сил России». Под ред. Дмитрия Евстафьева. Предисловие Евгения Маслина. Апрель 1999. 80 с.
- Научные Записки №9. Алексей Рей, ПИР-Центр. «Критический экспорт и экспортный контроль в России». Под ред. Дмитрия Евстафьева. Декабрь 1998. 32 с.
- Научные Записки №8. Иван Сафранчук, ПИР-Центр. «Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества». Под ред. Дмитрия Евстафьева. Октябрь 1998. 36 с.
- Научные Записки №7. Юрий Федоров, рабочая группа ПИР-Центра по военно-гражданским отношениям. «Военная реформа и гражданский контроль над Вооруженными силами в России». Под ред. Дмитрия Евстафьева. Март 1998. 48 с.
- Научные Записки №6. Константин Макиенко, ПИР-Центр. «Серый рынок оружия и военной техники в государствах СНГ: тенденции и перспективы развития». Под ред. Дмитрия Евстафьева. Предисловие Николая Перникова. Ноябрь 1997. 20 с.
- Научные Записки №5. Игорь Николайчук, Виктор Ткачев, рабочая группа ПИР-Центра по военно-гражданским отношениям. «Проблемы парламентского и политического контроля за военным бюджетом: дилеммы открытости и безопасности». Под ред. Дмитрия Евстафьева. Комментарии Юрия Федорова. Апрель 1997. 28 с.
- Научные Записки №4. Леонид Ивлев, рабочая группа ПИР-Центра по военно-гражданским отношениям. «Вопросы взаимодействия законодательной власти РФ с министерством обороны России». Январь 1997. 24 с.
- Научные Записки №3. «Договор по ПРО на современном этапе и перспективы сохранения его жизнеспособности». Под ред. Анатолия Шевцова. Декабрь 1996. 24 с.
- Научные Записки №2. Дмитрий Евстафьев, ПИР-Центр. «Ограниченные вооруженные конфликты и проблемы безопасности России». Май 1996. 20 с.
- Научные Записки №1. Роланд Тимербаев, ПИР-Центр, Джордж Банн, Стэнфордский университет. «Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам». Под ред. Владимира Орлова. Январь 1996. 24 с.

Серия Доклады ПИР-Центра

Доклады выпускаются ПИР-Центром на русском или английском языках, в зависимости от проблематики. Не имеют жесткого графика выхода. Представляют собой обобщение промежуточных или окончательных результатов научных проектов, проводимых ПИР-Центром.

- Доклад №10. Иван Сафранчук. «Будущее ядерных сил России» (на английском языке). Декабрь 1999. 62 с.
- Доклад №9. Андрей Синцов. «Проблемы контроля над экспортом материалов и технологий двойного назначения в России» (на русском языке). Июль 1999. 82 с.
- Доклад №8. «Политика в области экспортного контроля в России и

- практика» (на английском языке). Под ред. Владимира Орлова. Июль 1999. 23 с.
- Доклад №7. Инна Мельникова. «Политико-экономические аспекты Программы Совместного уменьшения угрозы (Программа Нанна-Лугара)» (на русском языке). Июль 1999. 57 с.
 - Доклад №6. Александр Панфилов. «Контрольные механизмы Конгресса США в области военного бюджета» (на русском языке). Июль 1999. 17 с.
 - Доклад №5. Иван Сафранчук. «Тактическое ядерное оружие в новом мире и нестратегические ядерные силы России» (на русском языке). Июнь 1999. 63 с.
 - Доклад №4. Иван Сафранчук, ПИР-Центр. «Российская позиция по вопросу создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии» (на русском языке). Январь 1999. 16 с.
 - Доклад №3. Алексей Рей, ПИР-Центр. «Критический экспорт и экспортный контроль: аэрокосмическая промышленность России» (на русском языке, цветные вкладки). Январь 1998. 25 с.
 - Доклад №2. Анна Откина, ПИР-Центр. «Анализ законодательства в системе экспортного контроля Российской Федерации» (на русском языке). Ноябрь 1997. 38 с.
 - Доклад №1. «Особенности российского экспорта обычных вооружений в Индию и Китай» (на русском языке). Ноябрь 1997. 25 с.

Для получения более подробной информации и прайс-листа следует обращаться к помощнику директора ПИР-Центра Марии Яковлевне Верниковой по телефону (095) 335–1955 или по электронной почте info@pircenter.org

Вышли в свет в октябре 1999 – январе 2000 года

- *Ядерный Контроль.* № 6. Ноябрь–Декабрь 1999. В номере: Владимир Яковлев: «РВСН – это, прежде всего, щит государства», Виктор Ерастов: «Ядерные злоумышленники в Челябинской области могли нанести серьезный вред государству», Вадим Козюлин «По поводу возможной активизации реэкспорта российских вооружений», Наталья Калинина «Нормативная правовая база Российской Федерации в области химического разоружения», Федор Ладыгин «О характере современных внешних вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России», Роланд Тимербаев «А.А. Громыко и проблема ядерного нераспространения». Цена 1350 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control).* № 13. Winter 2000. В номере: «Мировое сообщество должно сформировать единый фронт борьбы с терроризмом», Иван Сафранчук «75% россиян разделяют ценности нераспространения», Владимир Яковлев: «РВСН – щит государства», Виктор Ерастов: «Минатом имеет все возможности для обеспечения безопасности ядерных материалов», Евгений Маслин «Программа СУУ и национальные интересы России», Роланд Тимербаев «Россия и КРДНАО 2000 года», Майкл Дейвенпорт «Нераспространение: выработка повестки дня на ближайшее будущее», Андрей Гордиенко «Проект военной доктрины: ядерный фактор». Цена 1350 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Научные Записки ПИР-Центра,* №11. Владимир Орлов, ПИР-Центр. «Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки». Октябрь 1999. 56 с. Цена 270 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Научные Записки ПИР-Центра,* №12. Роланд Тимербаев, ПИР-Центр. «Россия и конференция 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия». Декабрь 1999. 36 с. Цена 270 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Научные Записки ПИР-Центра,* №13. Под редакцией Ивана Сафранчука, ПИР-Центр. «Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспектива развития». Январь 2000. 64 с. Цена 270 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Серия «Доклады ПИР-Центра».* Доклад №10. Иван Сафранчук. «Будущее ядерных сил России» (на английском языке). Декабрь 1999. Цена 2700 руб.

(См. также с.84)

Ядерный Контроль. № 1. Январь – Февраль 2000

(начало см. с.30–38)

было бы отрегулировать технологию взаимодействия.

Переговоры трудно, но идут. В то же время, это именно такой вопрос, который может в любой момент повиснуть в воздухе из-за неопределенности в стратегических отношениях между Россией и США в целом.

Так, я думаю, понимает большинство собравшихся здесь экспертов и представителей правительств, на сегодняшний день основное препятствие, которое может завести в тупик все соглашения о стратегических наступательных вооружениях, – разрушение договора по ПРО. И вопрос значительно шире, чем собственно этот договор, поскольку все последние события показывают поразительную легкость, с которой можно отходить от предыдущих официальных договоренностей. Вспомните договоренности хельсинские, договоренности нью-йоркские... Там же недвусмысленно, за подписями президентов США и России, указано на незыблемость договора по ПРО 1972 года. А что мы имеем в результате событий последних месяцев? Имеем то, что решение США о развертывании ограниченной национальной ПРО, по существу, уже рассматривается почти как неизбежное, как такое решение, которое невозможно отменить.

Мы в России это рассматриваем еще и в контексте имевшего место расширения НАТО (вопреки неформальному обязательству Запада), и в контексте событий в Югославии, связанных с нарушением Устава ООН. В таких условиях подрыв договоренностей в области ПРО создает значительную неопределенность в характере будущих стратегических взаимоотношений в целом.

Неопределенность с соглашениями в области стратегических наступательных вооружений или их срыв будут только лишним стимулом для того, чтобы значительно затруднить процессы противодействия распространению ракетных технологий, распространению ОМУ.

Решение Сената США, который отказался ратифицировать ДВЗЯИ, вне всяких сомнений, еще больше ставит под угрозу весь хрупкий и взаимосвязанный процесс сокращения стратегических вооружений и удержания международного режима нераспространения ОМУ от эрозии.

Тем не менее капитулировать перед этими трудностями нельзя. Наоборот, можно

утверждать, что остаются средства для сохранения процесса сокращения СНВ и контроля над распространением.

Многое можно сделать общими усилиями ЯОГ (таких, как Россия, США, Великобритания) в области совместных работ по анализу и оценке угроз. Передо мной последние материалы, которые я получил из Международного института стратегических исследований, где приведены данные по состоянию и перспективам развития ракет в странах *третьего мира*. Эти данные исключительно интересны. Они во многом совпадают с теми оценками, которые есть у нас (они получены по большой совокупности данных, в том числе и разведывательных данных). Из имеющихся данных следует, что потенциальную угрозу процесс распространения ракетных технологий представляет в первую очередь для России и союзников США в азиатско-тихоокеанском регионе, но ни в коем случае не для самих США. Поэтому наши совместные исследования и согласованные результаты в направлении прогнозов развития ракетных технологий могли бы, безусловно, повлиять на сроки развертывания национальной системы ПРО США. Я бы хотел сказать: «и на само решение о развертывании», но, к сожалению, многие наши аналитики считают, что этот процесс уже не остановить. Если так, то об этом можно только глубоко сожалеть.

Отдельно хотелось бы сказать о санкциях. Понятно, что США, вводя санкции, исходят из интересов собственной безопасности. Наверное, вместо односторонних шагов правильнее было бы думать о коллективных санкциях. Нельзя полностью исключать сценария коллективных санкций силового характера против тех стран, которые могут быть признаны странами с иррациональными режимами, с которыми невозможно договариваться и по отношению к которым можно применять силовые санкции, вплоть до уничтожения в зародыше тех объектов, которые могут представлять угрозу для создания систем, включающих и МБР, и баллистические ракеты средней дальности, и оперативно-тактические ракеты, способные нести ядерное и иное ОМУ.

Я начал с пессимистических заявлений. Затем обозначил политику *малых шагов*, которая, возможно, предотвратит дальнейшее скатывание и в какой-то мере поможет вывести стратегические отношения России и Запада (прежде всего России и США) из тупика. Но предложение этой политики *малых*

дел и определенный расчет на ее успех не означает, что я чувствую большой оптимизм. Оснований для него сегодня не просматривается. Свое выступление вынужден закончить на пессимистической ноте.

Павел ПОДВИГ, Московский физико-технический институт: Приходится признать, что шансы СНВ-2 на вступление в законную силу равны нулю. Даже если Государственная Дума ратифицирует договор (а представить это крайне сложно; по крайней мере, нынешний ее состав, уходящий в декабре, этого уже не сделает), то практически невозможно, чтобы Сенат США ратифицировал нью-йоркские соглашения 1997 года, которые, помимо всего прочего, требуют ратификации Сенатом мер, относящихся к договору по ПРО.

В результате, я полагаю, мы придем к июню 2000 года (то есть ко времени, когда США должны будут определиться с развертыванием системы ПРО) с такой ситуацией, когда СНВ-2 не вступит в силу и не будет ратифицирован. Решение же будет направлено на создание системы ПРО полностью или частично. После этого легко представить, что СНВ-2 будет вряд ли когда-либо ратифицирован.

Есть и другой аспект данной проблемы, который опять же приводит нас к вопросу о судьбе СНВ-2. Если мы посмотрим на эволюцию ситуации с начала восьмидесятых годов и до сегодняшнего дня, то переговоры по договору по ПРО возобновились в последние годы и достигли своего пика в январе 1999 года. Тогда администрация США объявила, что предложит России обсудить поправки к договору по ПРО, которые позволили бы развернуть национальную систему ПРО. И практически в то же время министр обороны США заявил, что если Россия не сможет согласиться с поправками, то США могут воспользоваться своим правом прекратить договор или выйти из него в одностороннем порядке. И ясно, что уже тогда США понимали, что Россия никогда не согласится на поправки.

Российская позиция по ПРО очень четкая, легко объяснимая и, на мой взгляд, совершенно правильная. США говорят только о поправках. На первый взгляд, эти поправки кажутся вполне невинными, как, например, размещение какого-то оборудования на Аляске. Но я уверен, что специалисты, которые знают суть договора по ПРО, понимают, что любые изменения,

позволяющие развертывать национальную ПРО, любые изменения подобного рода будут означать отбрасывание всех основных принципов договора. И в этом смысле, как я уже сказал, российская позиция хорошо обоснована и понятна. И в последние годы мы все чаще слышим, как наши политики говорят о том, что размывание договора по ПРО, являющегося краеугольным камнем стратегической стабильности, несомненно, разрушит всю систему договоров, обеспечивающих стратегическую стабильность.

Утверждение о том, что договор по ПРО – это краеугольный камень всей системы отношений, не совсем верно. Договор по ПРО как таковой (и все последующие соглашения по ОСВ и СНВ) имели в своей основе совершенно другой краеугольный камень, а именно: примерное равенство, примерный паритет Советского Союза и США в области разработки и создания ядерных вооружений и средств доставки. Переговоры, которые привели к заключению договора по ПРО начались в 1969 году, как раз вскоре после того, как Советский Союз за счет массированного развертывания баллистических ракет наземного базирования и массовой программы создания стратегических подводных лодок достиг количественно паритета с США. Можно спорить о том, насколько этот паритет был адекватен по возможностям, но тем не менее Советский Союз продемонстрировал в тот момент – совершенно недвусмысленно – свою готовность, свое желание и свою возможность достичь реального стратегического паритета с США.

Как результат мы получили договор по ПРО, договор по ОСВ-1, а в дальнейшем договор ОСВ-2 и затем СНВ-1 (я не стал бы относить СНВ-2 к этому ряду).

После распада Советского Союза, а, точнее, еще до распада Советского Союза, этот краеугольный камень начал рушиться, и совершенно неудивительно, что сегодня мы наблюдаем последние этапы разрушения этого паритета, который являлся реальной основой процесса сокращения и ограничения СНВ. То, что мы видим сегодня, – и те проблемы, которые возникают с договором по ПРО, и с договором СНВ-1 (ведь существуют вопросы, связанные с выполнением договора СНВ-1 в США), – все эти проблемы являются следствием того самого, если хотите, основополагающего момента: а именно

возможности России по созданию, поддержанию и развитию своих стратегических сил, не идут ни в какое сравнение с аналогичными возможностями США.

Некоторое время назад (примерно до 1995–1996 годов) существовала вероятность, что несмотря на такое неравенство возможностей, США и Россия сохранят процесс стратегического разоружения, поскольку он юридически оформлен в документах: договоры по ПРО, СНВ-1 – это юридические международные договоры. Но события последнего года или последних двух–трех лет показывают, что этого сделать не удалось.

Сегодня мы имеем высокую вероятность того, что тот процесс сокращения вооружений, который был начат Советским Союзом и США, закончится после выполнения договора СНВ-1, а, возможно, и раньше.

Соответственно, перед Россией сегодня стоит очень сложная проблема выбора, а именно: либо продолжать настаивать на формальном сохранении основных положений договора по ПРО, основных положений договора СНВ-1, то есть придерживаться рамок уже согласованных, уже существующих договоренностей, либо направить усилия не на сохранение формальной оболочки былого паритета, а на сохранение паритета в области стратегических вооружений как таковых.

Похоже, официальная политика руководства России следует в русле первого сценария, по которому Россия настаивает на соблюдении всех позиций всех заключенных договоров, включая договор по ПРО. В этом случае, с очень большой вероятностью, США все равно так или иначе выйдут из договора по ПРО, а Россия в этом случае будет иметь возможность возложить всю ответственность за срыв разоруженческого процесса на США. Я лично считаю, что по политическим причинам эта стратегия не реализуема, то есть я не могу себе представить российское руководство любого толка, которое сможет решиться на выход из договора СНВ-1 в ответ на выход США из договора по ПРО.

Второй названный мной сценарий, несомненно, будет означать уступки США в договоре по ПРО, однако США должны будут проявить понимание и согласиться на достаточно сильный пересмотр параметров соглашений о сокращении вооружений (в частности, один из шагов – это полный отказ от продолжения усилий по ратификации

СНВ-2). Следовало бы договориться о начале новых переговоров, которые бы устраивали как Россию, так и США.

Какое бы отношение не было к этим двум сценариям, совершенно очевидно, что продолжение той политики, которую США и Россия ведут сегодня, а именно: продолжение попыток вести дела *как обычно*, не принесет результатов, и мы будем вынуждены вернуться далеко назад, чтобы снова восстанавливать доверие и снова строить механизм сокращения и контроля за вооружениями, который в настоящее время еще существует, но находится на грани краха.

Евгений МАСЛИН, ПИР-Центр: Сегодня, когда эйфория в отношениях между Россией и НАТО уступила место *холодному миру*, былой романтизм не уместен. Повестка переговорного процесса размыта, и нам особенно важно нащупать те *островки*, которые позволят перепрыгивать по трясине, без риска быть в нее затянутыми. Как бы ни усиливались голоса политиков в Москве, Вашингтоне и Брюсселе, нащепывающие правительствам советы игнорировать интересы другой стороны, наличие ядерных потенциалов делает продолжение диалога неизбежным. В отсутствие *больших прорывов*, в условиях неясности судьбы переговоров о дальнейшем сокращении стратегических вооружений и договора по ПРО именно *политика малых дел* должна стать основой для восстановления полномасштабного диалога между странами.

Олег ГРИНЕВСКИЙ: Вопрос о заключении договора по ПРО был поставлен не нами, а американцами. Мы ни в коем случае не хотели идти на заключение договора по ПРО: зачем он нам нужен? Но, в конце концов, в обмен на паритет по ОСВ-1 мы дали добро на договор по ПРО.

В 1983 году после заявления г-на Рейгана возникла новая ситуация. Тогда нас вызвал Юрий Андропов и поставил задачу. Можно ли создать систему ПРО. В то время голоса были разные, во всяком случае однозначно никто не мог утверждать, что это невозможно. Но Юрий Андропов поставил вопрос еще и по-другому: дело не в паритете, а можем ли мы обеспечить, даже в случае создания американцами системы ПРО, гарантированный неприемлемый ущерб? И вот на этой основе строить паритет. Начались обсуждения в межведомственной комиссии, которая потом получила название *большая*

пятерка. Мы пришли к выводу, что для выполнения задачи Юрия Андропова (обеспечить гарантированный неприемлемый ущерб США при любых ситуациях) нужны две вещи. *Во-первых*, любая система ПРО рассчитана на определенное количество ракет, например, две тысячи. Вы сделаете три тысячи – и система ПРО не работает. При тех условиях, которые тогда были у СССР, видимо, это выполнялось без труда. *Во-вторых*, любая система ПРО рассчитана на удар, идущий как бы сверху вниз. А если вы нанесете удар *снизу*, то есть из-под воды? Таким образом, можно создать любую систему ПРО, но можно создать системы по ее прорыву. И такие разработки были.

Очевидно, что на сегодняшний день вся затея с созданием системы национальной ПРО – это иррациональная политика США. И все больше американских специалистов (я неоднократно в США обсуждал эту проблему в последнее время) приходят к выводу, что она иррациональна.

Наконец, что такое *неприемлемый ущерб*? В мае 1989 года, когда мы готовили СНВ-1, то пришли к выводу, что это может быть уничтожение 200 объектов на территории США. И что наши ядерные силы, при 50% сокращении СНВ, это гарантируют. И вот я обсуждаю тот же самый вопрос с американцами в 1999 году, в Стэнфордском университете. И американцы говорят, что в нынешних условиях, после окончания *холодной войны* (или, как они говорят, после победы Америки в *холодной войне*) даже один ядерный взрыв является неприемлемым ущербом для США. Вот реальная ситуация, из которой надо исходить и Америке, и России.

Владимир ДВОРКИН: И России, и США баланс и по количеству и по боевым возможностям крайне необходим, потому что разрушение такого баланса (мы предлагаем держать его на минимальном уровне) приведет к неустойчивости двух ядерных сверхдержав. Прогнозировать действия и решения более слабого в критических ситуациях бывает более трудно. Эту мысль я хотел бы подчеркнуть.

Я хотел бы привлечь внимание наших британских коллег к тем шагам, которые они могли бы сделать в области присоединения, пока частичного, к процессу сокращения СНВ, в области открытости и транспарентности, которая достигнута в договоре СНВ-1. Эта открытость между Россией и США беспрецедентна, между США и их

союзниками таких отношений не существует. Я понимаю, что Великобритании и США нет надобности обмениваться всеми данными о стратегическом оружии, поскольку на вооружении стоит система *Трайидент*, но там есть очень много других вопросов, связанных с уведомлением, обменом данными, техническими характеристиками, которые не ведут сейчас к сокращению, но могут быть этапом вовлечения ядерных держав в процесс открытости и транспарентности.

Теперь о неприемлемом ущербе. Я всегда считал дискуссии о нем химерой, потому что я знаю о всех работах, которые проходили у нас по решению военно-промышленной комиссии, которая должна была установить, что такое неприемлемый ущерб. Мы знали все: что в Америке, Англии надо было поразить, какой процент промышленного потенциала, каким количеством ядерных зарядов и какие будут людские потери. Но остановиться ни на чем не могли. Тут не только экономика, тут и история, культура, социально-психологические обстоятельства – все это не позволяло определить этот неприемлемый ущерб. Он, действительно, постоянно снижался.

О сдерживании. Сегодня американцы говорят: «Да вы что! Договор по ПРО, 1972 год, подумайте, сколько лет прошло, что вы за него цепляетесь!». Мир изменился, *холодная война* кончилась, но ядерное сдерживание осталось у всех, – у США, России, Великобритании, Франции, Китая. Можно по-разному трактовать модели, но в политике всех ядерных государств модель ядерного сдерживания сохраняется, а между Россией и США она имеет формальное выражение в моделях взаимных обменов, как бы чудовищно это ни казалось сегодня. Все это остается. Вот почему договор по ПРО так просто разрушать нельзя.

Жиль АНДРЕАНИ, Международный институт стратегических исследований: Мой взгляд контрастирует с общим чувством безнадежности, которое звучит на этой конференции. У нас по-прежнему остаются пути для будущего прогресса в вопросах сокращения СНВ.

Характеризуя отношения между Россией и США в настоящее время, я бы сказал, что не следует искать ни у одной из сторон злого умысла. Просто отношения и договоры, заложенные в период *холодной войны*, не могут автоматически быть перенесены в

сегодняшний день, на сегодняшнюю почву. Хотя США и Россия сейчас и не партнеры, но они и не противники, поэтому нужно найти и выстроить другие взаимоотношения, которые бы отражали существующий тип отношений между бывшими противниками. Я считал бы необходимым подвергнуть ревизии всю концепцию отношений по вопросам стратегической стабильности и контроля над вооружениями, и именно эту обновленную концепцию положить в основу отношений. Эта концепция исключала бы такие понятия, как нанесение первых ударов, неприемлемый ущерб и т.д., тем более что допущение, что один ядерный удар нанесет уже неприемлемый ущерб, кажется слишком неприемлемым допущением.

Джон ЧИПМАН, Международный институт стратегических исследований: Верно, что договор по ПРО является продуктом *холодной войны*. Верно, что времена изменились. Но правильно ли думать, что «сдерживания больше нет»? Это можно объявить указом, но от указа ничего не изменится. Мы не можем просто отбросить сдерживание в сторону. Мы не можем просто согласиться на то, что начиная с этого числа мы не строим наши отношения на принципе сдерживания. Хотя и согласен с тем, что мы должны работать над тем, чтобы постепенно вывести фактор сдерживания из наших отношений. Но это не может произойти за один день. Мне кажется, что нам очень важно наращивать уровень доверия, продвигать процессы сокращения СНВ и продолжать диалог вокруг договора по ПРО, не игнорируя мнений друг друга по разным вопросам.

Роланд ТИМЕРБАЕВ: Хотя международный режим ядерного нераспространения еще пока не достиг кризисной точки, его эрозия налицо, и нужно сделать все для того, чтобы не допустить скатывания режима в пропасть. Для этого есть возможности, которые было бы желательно реализовать еще до начала КРДНЯО 2000 года. Было бы важно ввести в действие договор СНВ-2, а также договориться, хотя бы в принципиальном плане, о сохранении существующего по договору по ПРО запрета на развертывание территориальной системы обороны и создания основы для такой обороны, при этом в то же время можно было бы пойти на некоторые уточнения, например, в форме протокола к договору, которые позволяли бы сторонам иметь, скажем, по два района размещения ограниченной ПРО по их выбору. Однако одновременно должна быть достигнута

договоренность о таких условиях будущего договора СНВ-3, которая в полной мере учитывала бы пожелания российской стороны. Так, было бы желательно предусмотреть сокращение стратегических ядерных вооружений до 1500 единиц для каждой стороны с уничтожением на условиях взаимоприемлемой транспарентности ядерных боезарядов, дабы избежать использования возвратного потенциала. При этом будет допускаться возможность установки многозарядных головных частей индивидуального наведения на существующих (то есть остающихся по договору СНВ-2) стационарных и мобильных ракетах (но не более трех блоков на каждой).

Николай ВОЛОШИН, министерство по атомной энергии России: Мы обсуждаем сегодня провалы в области ДВЗЯИ, СНВ-2, договора по ПРО... Создается впечатление, что мы предлагаем лечить метастазы, в то время как надо ликвидировать саму опухоль.

Я понимаю, что это амбициозное предложение. Но, действительно, зачем нам говорить о запрете ядерных испытаний, это же частность, давайте говорить о запрете ядерного оружия.

Понятно, что это будет длительный процесс, но зато по ходу его решения снимается целый ряд вопросов (секретность, возвратный потенциал, ПРО), которые появились в период самого существования ядерного оружия.

Если берешь эту *гидру* за горло и рубишь, то тогда и частные вопросы отсекаются. Я не призываю заниматься этим сегодня, завтра, но давайте думать, чтобы к концу первого десятилетия XXI века поставить такую задачу. ХО – под запретом. Биологическое – тоже. Может быть, все-таки пора и за ядерное браться? Я не претендую на новшество, я знаю, что это предложение уже неоднократно высказывалось, я понимаю, какие существуют трудности. Но именно и только такой стратегический подход показал бы всему миру, что ядерные державы стремятся стать неядерными. Пока же отсутствие такого стремления дает *обратный импульс* некоторым неядерным государствам.

Расширенное сотрудничество по снижению ядерной угрозы: теперь между Россией и Европой

Владимир ФРОЛОВ, министерство обороны России: Имеется немало областей, где взаимодействие военных ведомств (в

частности, военных ведомств России и Великобритании) может способствовать укреплению безопасности и взаимного доверия. Укрепление мер доверия привело к тому, что между Россией и рядом европейских государств были подписаны различные соглашения, направленные на повышение безопасности ядерного оружия.

Так, Англией и Францией были разработаны, а затем изготовлены суперконтейнеры для перевозки оружия, что позволило повысить его защищенность. Италия, Германия и Франция поставили различное оборудование для мониторинга окружающей среды и для ликвидации последствий аварий с ядерным оружием.

В развитие рамочного соглашения, подписанного президентами США и России в 1992 году, уже непосредственно между министерствами обороны России и США были подписаны два дополнительных соглашения о сотрудничестве в области успешного выполнения программ сотрудничества между вооруженными силами двух стран. В рамках реализации этих соглашений российской и американской сторонами были разработаны и реализуются различные программы сотрудничества. В результате Минобороны РФ получило: суперконтейнеры для перевозки ядерного оружия; модули с аварийным оборудованием для ликвидации последствий аварий с ядерным оружием; компьютерное оборудование для совершенствования контроля и учета ядерного оружия; оборудование по определению надежности персонала; оборудование для создания информационно-аналитической системы по принятию решений при ликвидации последствий аварий с ядерным оружием; компьютерное оборудование по оценке защищенности объектов хранения ядерного оружия; дозиметрические системы по индивидуальному контролю личного состава.

Эти программы в основном уже выполнены и их реализация внесла существенный вклад в повышение безопасности ядерного оружия при его хранении и транспортировке.

Идет сотрудничество по следующим направлениям: создание учебно-тренировочной базы по моделированию современных средств физзащиты объектов хранения ядерного оружия; поставка оборудования по имитации стрелкового вооружения для совершенствования навыков у личного состава подразделений охраны

ядерного оружия; поставка дополнительного оборудования для монтажа периметровых средств охраны объектов хранения ядерного оружия.

Одной из важнейших проблем на современном этапе для Российской Федерации является проблема обращения с расщепляющимися материалами, высвобождаемыми в процессе ядерного разоружения.

С целью решения указанной проблемы Российская Федерация участвует в реализации ряда двусторонних и многосторонних соглашений, направленных, в частности, на обеспечение безопасного и надежного хранения и утилизации оружейного плутония. К таким соглашениям можно отнести: соглашение между правительствами России, Германии и Франции о сотрудничестве в области использования в мирных целях плутония, высвобождаемого в результате демонтажа сокращаемого российского ядерного оружия; соглашение между правительствами России и США о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятый из ядерных военных программ. Основными целями указанных соглашений являются разработка принципов обращения и утилизация оружейного плутония, разработка оборудования и технологий производства смешанного (МОКС) уран-плутониевого топлива для мирной атомной энергетики, проведение маломасштабных опытов по производству МОКС-топлива, обмен научно-технической информацией и защита интеллектуальной собственности стран-участниц соглашений.

В настоящее время министерство обороны России принимает заинтересованное участие в подготовке МИД России предложений по расширению сотрудничества по снижению ядерной угрозы с государствами Европы. Более активное подключение европейских государств к международным усилиям по оказанию помощи России и развитию совместных программ в деле снижения ядерных угроз явилось бы важным вкладом в укрепление международной безопасности и стабильности.

Наталья КАЛИНИНА: Я хочу поблагодарить ПИР-Центр за великолепно организованную конференцию и за ту атмосферу содержательной критики, которая наблюдается здесь при рассмотрении проблем нераспространения.

Остановлюсь на проблеме, связанной с уничтожением ХО. Россия ратифицировала КХО 5 ноября 1997 года. За прошедшие два года существенных претензий к России, с точки зрения выполнения обязательств по КХО, со стороны мирового сообщества не предъявляется. Пока России удалось выполнить первичные обязательства по конвенции, то есть Россия своевременно представила все необходимые документы, связанные с вступлением в конвенцию, приняла на своей территории, все первичные инспекции по всем объектам, по базам хранения и по бывшим объектам по производству, сделала объявление по всем трем спискам химикатов и готовится к приему инспекции по промышленности.

Но когда подойдет следующий отчетный этап перед мировым сообществом, с точки зрения уничтожения, мы подходим к критической черте, когда скорее всего заявим о том, что первый этап, контрольный, по выполнению КХО Россия выполнить в установленные сроки не сможет. Я напомним, что в соответствии с требованиями КХО государство-участник до 29 апреля 2000 года должно уничтожить один процент от своих запасов ХО первой категории (первая категория – это основной список химикатов, которые и составляют основу химических боеприпасов). Для России это должно было бы означать уничтожение до 29 апреля 2000 года 400 т ХО, что сделать практически нереально.

Финансирование программ по уничтожению ХО ничтожное. В России пока не построен ни один объект по уничтожению ХО, а их должно быть построено семь. И только один объект начал строиться (при самом оптимистическом прогнозе, если финансирование в 2000 году будет лучше, чем в предыдущие годы, то может быть запущена первая очередь первого объекта для уничтожения ХО, и Россия реально приступит к уничтожению).

КХО предусматривает возможность пролонгирования или отсрочки от выполнения обязательств, если государство сообщит об этом за 180 дней до окончания срока и если конференция государств-участников разрешит ей это сделать. Сейчас как раз и должны произойти официальные процедуры по внесению в Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО) специального уведомления о том, что Россия просит отсрочку по выполнению ее обязательств по первому этапу уничтожения ХО.

Следующий контрольный срок по конвенции – 29 апреля 2002 года, когда страна-участница должна уничтожить 20% своих запасов первой категории. Трудно предсказывать, как будет развиваться экономическая ситуация в России, но с учетом того, что происходит сегодня, вряд ли удастся России запустить или построить к этому сроку несколько объектов для того, чтобы уничтожить за два года 20% своих запасов.

Надо сказать, что мы оказались в этой ситуации и прогнозируемо, и не прогнозируемо. Когда мы подписывали конвенцию в 1993 году, и когда, собственно, было уже ясно, что экономические проблемы вряд ли позволят нам уложиться в десятилетний срок по уничтожению ХО, на Россию было оказано серьезное политическое давление со стороны других государств, с тем, чтобы Россия подписала конвенцию, поскольку без ее участия конвенция бы не состоялась: ведь только два государства-участника КХО, если разобраться, обладают запасами ХО (Россия – 40 тыс. т и США – 32 тыс. т), а все остальные либо раньше производили, либо где-то что-то захоронили, но больше 99% стран-участниц никогда не имели, не имеют и будем надеяться не собираются иметь ХО. Так вот, на Россию давили, и России обещали оказать помощь по уничтожению ХО. Это сыграло не последнюю роль в решении России присоединиться к КХО.

Далее, процесс ратификации КХО в России затянулся почти на четыре года. Становилось очевидно, что помощь практически не идет, и намерения государств оказывать помощь в основном носили если не рекламный, то политический характер. И все-таки ратификация состоялась, во многом в силу того, что обещания о помощи звучали решительно и убедительно.

После ратификации прошло два года, а существенного увеличения международной помощи Россия не получила. Более того, со стороны США, которые до этого момента оказывали определенную помощь, начался откат, и на 2000 год конгресс США не утвердил ассигнования на химическое разоружение для России, тем самым заморозив перспективный проект по строительству одного из объектов, который американцы обещали построить за счет собственных средств.

Использовать механизм инвестирования не получается и не получится. Ни о какой прибыли от утилизации ХО ни по одному виду технологии говорить не приходится. Инвесторам эта проблема не интересна – ни зарубежным, ни отечественным.

Как дальше будут развиваться события, говорить рано. Но совершенно очевидно, что за счет собственных средств Россия выполнить программу по уничтожению не может.

Пока что Россия один на один остается со своими проблемами по уничтожению ХО. Не хотелось бы предвидеть неприятности, с точки зрения выхода России из КХО, но уходящий состав Государственной Думы вопрос уже именно так ставит. Уходящий состав Думы, уже занявшей предвыборной гонкой, не успеет всерьез довести эту проблему до голосования. Но она на слуху. Какова будет преемственность этой проблемы в новом составе Думы, пока говорить преждевременно, но опасения того, что российский парламент поставит вопрос о выходе России из КХО, исключить нельзя.

Валерий СЕМИН, МИД России: После своего обращения к нации в январе 1999 года, где Инициатива по расширенной программе уменьшения угрозы (*Extended Threat Reduction Initiative*, ETRI) была впервые формально представлена администрацией США, президент Клинтон направил письма всем руководителям государств *восьмерки* и г-ну Сантеру, который в то время возглавлял Евросоюз, однако пока ни одна их стран, кроме Японии, не объявила о решении выделить дополнительные средства на выполнение задач программы ETRI.

Предполагалось, что на саммите *восьмерки* в Кельне в 1999 году в этом вопросе будет открыта новая страница и будет объявлено о намерении ведущих индустриальных стран присоединиться к программе расширенного содействия. Мы думали, что там будет заявлено о конкретных суммах и сроках их выделения, но этого не случилось.

В июне 1999 года в Брюсселе состоялась первая рабочая встреча с участием 27 государств. Встреча эта прошла в посольстве США в Брюсселе, где обсуждались направления программы расширенного содействия и, в частности, американская сторона давала пояснения к своей новой инициативе. На этой встрече присутствовали и потенциальные реципиенты, включая Россию,

Украину, Грузию, Молдавию, Казахстан. Эта встреча была интересна тем, что ряд стран, которые приняли в ней участие, рассказали об опыте сотрудничества в этой области, о содействии новым независимым государствам, в том числе России, и организаторы этой встречи предполагали, что там будет сделан шаг вперед. Я понимаю, что США надеялись на Великобританию, на Францию и ряд других стран. Надеялись, что эта инициатива получит практическое развитие. Как я сказал, этого не произошло, то есть это была хорошая информационная встреча, где все рассказали о том, что было, и с оптимизмом говорили о том, что будет.

Мы, тем не менее, рассчитываем на перспективность ETRI. Мы ожидаем, что расширенное сотрудничество по программе ETRI будет развиваться в четырех приоритетных направлениях. *Первое* – программы ядерной безопасности. *Второе* – программы, связанные с неядерными видами ОМУ. *Третье* – программы по нераспространению в области науки и технологий. *Четвертое* – программы сотрудничества по передислокации вооруженных сил и утилизации военного снаряжения (в частности, подобная помощь могла бы способствовать ликвидации боеприпасов в Приднестровье и выводу российских войск из Молдавии и Грузии).

Эти области распадаются на более мелкие, но не менее ресурсоемкие отдельные направления, такие, как, например, утилизация отработавшего ядерного топлива подводных лодок. Это огромная проблема.

Интересная дискуссия ведется в рамках «Многосторонней ядерной экологической программы» с участием 15 государств (в основном это европейские государства, многие из которых члены ЕС). Соглашение разрабатывается в развитие декларации, которая была подписана 5 марта 1999 года в норвежском городе Буде, где проходило очередное заседание Совета Баренцева и Евроарктического региона на уровне министров иностранных дел. Цель программы – оказание содействия России на северо-западе, в районе Северодвинска, Архангельска, Мурманска, в обращении с радиоактивными отходами и отработавшем ядерным топливом подводных лодок и кораблей надводного флота. Есть список 24 первоочередных проектов. Ориентировочная стоимость всех этих проектов составляет порядка 2,2 млрд долл. из расчета на

ближайшие пять лет. Переговоры с потенциальными донорами (Норвегией, Швецией, Финляндией, Великобританией, Францией, Еврокомиссией, США) идут трудно.

В ходе этих и подобных переговоров приходится решать ряд проблем, прежде всего юридического свойства. Так, государства-доноры предъявляют жесткие требования, чтобы они были освобождены от какой-либо ответственности за какой-либо ущерб. Это противоречит нашему законодательству. Если кратко говорить, то по Гражданскому кодексу РФ может освобождаться от ущерба организация или государство, оказывающее содействие. Но за исключением преднамеренного ущерба.

Государства-доноры хотят, чтобы персонал, который будет участвовать в оказании такого рода содействия, получил дипломатические иммунитеты и привилегии, эквивалентные Венской конвенции о дипломатических сношениях. Не встречаются понимания наши попытки убедить их в том, что Венская конвенция относится к персоналу посольств и приравненных к ним организаций и никоим образом не покрывает программы помощи, участия официальных представителей государств-доноров и представителей их подрядчиков, субподрядчиков.

Еще одна проблема связана с допуском на наши режимные предприятия с предоставлением конфиденциальной информации по нашему ядерному комплексу. Здесь у нас действуют определенные законы и ведомственные положения, которые регулируют эти вопросы. Иногда доноры чуть ли не в ультимативной форме ставят вопрос так: если вы хотите получать помощь, то вы должны открывать все калитки, то есть не будет полного доступа – не будет помощи.

И мы, и наши партнеры за последние годы набрали значительный опыт и при этом столкнулись с некоторыми проблемами, которые не способствовали быстрой реализации задач, которые мы ставили в начале программы. Одна из проблем, которая до сих пор является предметом дискуссии при обсуждении новых программ сотрудничества, – это наша неповоротливость или забюрократизированность процесса освобождения иностранной помощи от

налогообложения и таможенных пошлин. Должен сказать, что российское правительство предпринимает активные усилия, чтобы решить вопросы, которые, по мнению наших партнеров, сдерживают развитие сотрудничества. Так в мае 1999 года был принят новый Федеральный закон «О безвозмездной помощи Российской Федерации», который предусматривает исчерпывающий объем льгот, предоставляемых государствам-донорам. Этот закон предусматривал разработку в трехмесячный срок порядка реализации этого закона и всей схемы механизма реализации. 17 сентября постановление правительства было принято и порядок этот был определен. Ответственным ведомством за выдачу сертификатов об иностранной помощи является министерство экономики, там создана специальная комиссия под председательством министра. Мы думаем, что механизм реализации закона четко формулирует путь, который должна проходить иностранная помощь для того, чтобы проблем с налогообложением и таможенными процедурами не возникало.

Особенно трудно продвигаются переговоры, когда речь идет о многостороннем соглашении. У каждого государства свои правила, в том числе и в области делопроизводства. А между тем проблема обращения с радиоактивными отходами и отработавшем топливом атомных подводных лодок и кораблей флота – проблема экологически очень чувствительная и опасная. Чем дольше мы будем вести дискуссию, тем выше риск того, что потенциальные угрозы, о которых мы говорим, станут угрозами реальными.

Ну и наконец, о каких объемах содействия мы говорим? Это пока неясно. Нам говорят: дайте сначала все льготы и привилегии, потом уже зайдет речь о суммах. Такой подход не представляется конструктивным.

В завершение я хотел бы сказать, что российская сторона поддерживает инициативу расширенного содействия (ETRI), надеется на расширение содействия европейских государств-доноров в решении задач укрепления глобальной безопасности, представляющих большую значимость для всего международного сообщества.

Страницы истории**МЕХАНИЗМ ВЫРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ
КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В СССР****Николай Дётинов****генерал-лейтенант (в отставке)****Александр Савельев****старший научный сотрудник, ИМЭМО РАН**

До последнего времени в российских публикациях практически отсутствовала достаточно полная информация о механизме выработки и принятия решений в области контроля над вооружениями в СССР. Только в некоторых работах можно найти несистематизированные сведения по этому вопросу. Тем не менее при серьезном рассмотрении проблем ограничения и сокращения вооружений нельзя пройти мимо вопроса о том, как вырабатывались конкретные решения в столь важной сфере обеспечения безопасности страны. Настоящая публикация имеет своей целью в определенной мере заполнить тот пробел, который до последнего времени присутствует в исследованиях проблем безопасности в России.

Совершенно очевидно, что любые переговоры по ограничению и сокращению вооружений (если только они не ведутся в чисто политических целях и не имеют в виду выработку реальной договоренности) в той или иной степени затрагивают не только интересы безопасности государства в целом, но и конкретные интересы многих ведомств, отвечающих за состояние дел в этой области. В СССР к числу таких ключевых ведомств относились ЦК КПСС, Минобороны СССР, МИД СССР, КГБ СССР и Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам (ВПК). Именно эти ведомства играли ключевую роль в выработке и принятии соответствующих решений, которые реализовывались за столом переговоров на протяжении более 20 лет интенсивных контактов с США в рассматриваемой сфере.

Сложившийся за годы проведения советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений механизм выработки и принятия решений по проблемам контроля над вооружениями начал формироваться в СССР непосредственно после начала переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1) в 1969

году. До этого подготовка всех необходимых документов по этим вопросам проводилась МИД и Минобороны и согласовывалась, как правило, в рабочем порядке. Эта работа осуществлялась обычно по поручению Политбюро ЦК КПСС, которое требовало внесения предложений по тому или иному вопросу к определенному сроку.

В МИД СССР вопросами переговоров по ограничению стратегических вооружений на первых этапах занимался Отдел международных организаций, который возглавлял Кирилл Новиков. Но уже вскоре после начала переговоров работа по этой проблеме была поручена Отделу США и Канады, заведующим которым в то время был Георгий Корниенко.

В Минобороны СССР подготовка и непосредственное проведение переговоров были поручены Главному оперативному управлению (ГОУ) Генерального Штаба Вооруженных сил СССР. Николай Огарков был фигурой номер один в этом процессе в качестве первого заместителя начальника Генерального Штаба. Вместе с ним активно работали первый заместитель начальника ГОУ Ефим Бойчук и офицеры одного из сводных управлений ГОУ.

Следует отметить, что отношение к названным переговорам с США у советского руководства того времени было неоднозначным. В частности, наиболее скептическую позицию по этому поводу занимал министр обороны СССР маршал Андрей Гречко, считавший переговоры *обманом* со стороны США и попыткой добиться односторонних преимуществ. Тем не менее ему пришлось проголосовать за вступление СССР в эти переговоры, поскольку он, *с одной стороны*, не мог противостоять общему мнению остальных членов Политбюро, *а с другой*, надеялся получить в результате этих переговоров определенные преимущества перед США, в том числе и военного плана, чего СССР не мог добиться, как все более и

более становилось очевидным, продолжением интенсивной гонки вооружений.

Первоначальная позиция СССР для переговоров по ОСВ-1 разрабатывалась, как уже отмечалось выше, совместно МИД СССР и Минобороны СССР. В основе этой позиции находилось предложение ограничить число пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР) каждой из сторон уровнем 1000 единиц. Но после того, как документы по этому вопросу прошли обсуждение в ЦК КПСС, а затем снова в Минобороны СССР и МИД СССР, в советскую позицию было внесено положение о необходимости учета ядерных средств *передового* базирования США и ядерных вооружений Великобритании и Франции. При этом указание о конкретном уровне пусковых установок МБР, которое стороны имели бы в случае достижения соглашения, было снято.

Такое решение было принято в связи с тем, что в то время у США, как известно, было несколько сотен бомбардировщиков – носителей ядерного оружия, развернутых вблизи границ СССР, а также значительное количество авианосных соединений с самолетами, способными достигать территории Советского Союза. Кроме того, в Европе имелись базы американских подводных лодок (в Испании и Шотландии), которые обеспечивали возможность более эффективного использования подводных ракетноносцев США. С учетом этих обстоятельств советская делегация на переговорах по ОСВ должна была настаивать на получении какой-то компенсации для СССР по количеству стратегических наступательных вооружений за наличие у США названных средств передового базирования. Кроме того, считалось справедливым учитывать на американской стороне и соответствующие ядерные вооружения союзников США по НАТО – Великобритании и Франции, то есть получить на переговорах с США и какую-то компенсацию за наличие этих сил, как однозначно дополняющих американские ядерные силы.

После того, как делегация СССР прибыла в Хельсинки, в конце 1969 года, и приступила к переговорам, она начала докладывать в Москву весьма подробные отчеты об их ходе. Эти отчеты рассылались в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД СССР, Минобороны СССР и КГБ СССР. В этих ведомствах их анализировали, в результате чего в ряде случаев складывались различные мнения по

обсуждаемым на переговорах вопросам. При этом руководству страны стало ясно, что точки зрения всех этих *заинтересованных* ведомств требуют согласования и сведения их воедино для выработки общей позиции СССР по конкретным вопросам переговоров.

С этой целью в конце 1969 года было принято постановление Политбюро ЦК КПСС об образовании Комиссии Политбюро по наблюдению за переговорами по ограничению стратегических вооружений в Хельсинки. Первоначально Комиссия состояла из шести человек. Председателем ее был назначен секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Дмитрий Устинов. В ее состав также вошли: министр обороны СССР Андрей Гречко, министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, председатель КГБ СССР Юрий Андропов, председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам Леонид Смирнов и президент Академии наук СССР Мстислав Келдыш.

В названном постановлении Политбюро просто давался перечень конкретных лиц, тем не менее подразумевалось, что каждый из членов Комиссии представляет конкретное ведомство. Так, Дмитрий Устинов, как секретарь ЦК КПСС, формально представлял ЦК. Но, кроме того, он был фактически представителем и оборонного комплекса. При принятии решений Дмитрий Устинов исходил как из партийных, так и из интересов оборонной промышленности, что обуславливало единство его взглядов с официальным представителем ВПК в этом органе Леонидом Смирновым. МИД СССР отвечал за то, чтобы принимаемые решения обеспечивали бы внешнеполитические интересы страны. Минобороны СССР видело свою основную задачу в том, чтобы обеспечить на переговорах сохранение и укрепление военной мощи СССР, в том числе и за счет максимально возможного ослабления потенциального противника. КГБ СССР же главным образом обеспечивал свою долю контроля в столь важной сфере государственной деятельности, тем более что комитет всегда принимал самое непосредственное участие в формировании внешней политики страны.

Если присутствие в Комиссии по наблюдению за переговорами руководителей вышеперечисленных пяти ведомств бывшего СССР было вполне объяснимым, то включение в нее президента АН СССР можно

объяснить исключительно личными качествами академика, имевшего большой авторитет в политических и военно-промышленных кругах СССР. Вместе с тем сама Академия не была задействована ни на переговорах, ни в механизме выработки решений в данной области. АН СССР не была включена и в список рассылки материалов переговоров и не получала каких-либо конкретных заданий, связанных с формированием советской позиции по проблемам разоружения. Сам Мстислав Келдыш состоял в комиссии в течение непродолжительного времени. Он несколько раз присутствовал на заседаниях, но активного участия в них не принимал.

Комиссия в ходе переговоров ОСВ-1 несколько раз переутверждалась (например, когда переговоры переместились из Хельсинки в Вену в 1970 году), но ее состав длительное время оставался прежним лишь за одним исключением: на каком-то этапе в перечень членов *забыли* включить фамилию Мстислава Келдыша. Большого резонанса этот факт не вызвал. Не вызвал он и возражений или протеста со стороны академика. Так что с этого момента в комиссии было установлено представительство пяти ведомств бывшего СССР – ЦК КПСС, МИД СССР, Минобороны СССР, КГБ СССР и ВПК. *Большая пятерка*, как ее стали впоследствии называть, окончательно сложилась.

Комиссия нашла свое место в структуре высших партийных и государственных органов СССР. *Большая пятерка* готовила доклады Политбюро ЦК КПСС по вопросам переговоров и предложения относительно советской позиции на них. Политбюро эти доклады рассматривало и утверждало. При этом не было практически ни одного случая, когда в ходе рассмотрения Политбюро ЦК КПСС вносило в представленные предложения какие-либо серьезные поправки.

Комиссия по наблюдению за переговорами собиралась Дмитрием Устиновым не так уж часто. Например, в ходе первого раунда переговоров по ОСВ-1 состоялось только одно или два ее заседания, на которых обсуждался вопрос о ходе переговоров и необходимости подготовки дополнительных указаний для советской делегации. После обсуждения было принято решение, что какие-либо дополнительные указания делегации на тот момент не требовались.

По окончании первого раунда прошло очередное заседание *Большой пятерки*, на котором главное внимание было уделено анализу американской позиции, которую подробнейшим образом изложили члены делегации СССР. Особый интерес вызвали соображения американской стороны в пользу ограничения работ по созданию систем противоракетной обороны в связи с негативным влиянием этих систем на обеспечение стратегической стабильности. Это дало дополнительный импульс к продолжению обсуждений руководством страны проблемы противоракетной обороны (ПРО), что в конечном итоге и привело к принятию решения о запрещении создания территориальных систем ПРО.

Переговоры по ОСВ-1 проходили достаточно сложно. Множество серьезных разногласий привело советское руководство к постепенному осознанию того факта, что достижение договоренности требует от СССР определенных подвижек в его позиции. В начале 1971 года руководство СССР окончательно уяснило себе, что на тех позициях, с которыми советская сторона вступала в переговоры, удержаться не удастся, если СССР действительно заинтересован в достижении договоренности с США.

В связи с этим Политбюро ЦК КПСС поручило секретарям ЦК, ответственным за оборонные и международные вопросы, МИД СССР, Минобороны СССР, КГБ СССР, Отделу оборонной промышленности ЦК КПСС и Международному отделу ЦК КПСС рассмотреть вопросы переговоров по ограничению стратегических вооружений в общем контексте советско-американских отношений и представить предложения о дальнейшей советской позиции на них.

Результатом работы этой комиссии стало признание, что дальнейшее позитивное развитие советско-американских отношений, в том числе и будущее соглашение с США по ограничению стратегических вооружений, соответствует интересам СССР и что необходимо внести определенные поправки в советскую позицию на переговорах. Суть этих поправок заключалась в следующем: советская сторона выражает согласие при заключении соглашения по ограничению систем ПРО одновременно договориться о некоторых мерах по ограничению стратегических наступательных вооружений. Несколько позже на переговорах в Хельсинки было разъяснено, что эти меры касались бы замораживания

строительства дополнительных пусковых установок МБР наземного базирования.

Решение о корректировке позиции СССР на переговорах с США было принято в мае 1971 года, что в конечном итоге ровно через год позволило заключить договор по ПРО и Временное соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1).

Но и после названной корректировки позиции СССР переговоры в Хельсинки были трудными и продвигались весьма медленно. Пожалуй, самым сложным был вопрос об ограничении числа подводных лодок с баллистическими ракетами. Дело в том, что Советский Союз с самого начала возражал против учета и ограничения этих вооружений. Если по количеству МБР СССР к 1972 году уже добился даже превосходства над США (более 1600 МБР у СССР против 1054 у США), то по баллистическим ракетам на подводных лодках (БРПЛ) была обратная картина. У США в то время уже было развернуто 656 БРПЛ, а у СССР – не многим более 400, не считая тех, которые были в стадии строительства. Главком ВМФ СССР адмирал Сергей Горшков категорически возражал против какого-либо ограничения БРПЛ, опасаясь, что это может привести к прекращению их дальнейшего строительства.

Его поддерживал министр обороны СССР маршал Андрей Гречко. Этот вопрос несколько раз рассматривался на заседаниях Совета Обороны, но сдвинуть Сергея Горшкова с его позиции никто не мог, в том числе и сам Леонид Брежнев. И только перед самым визитом в СССР президента США Ричарда Никсона (когда в апреле 1972 года в Москве находился Генри Киссинджер), было найдено решение этого вопроса. В конечном итоге в отношении БРПЛ Советский Союз добился существенных уступок со стороны США. Он получил право с учетом замены 210 пусковых установок стратегических ракет старых типов на равное число новых пусковых установок (ПУ) БРПЛ иметь до 950 ПУ БРПЛ и до 62 современных подводных лодок с баллистическими ракетами, в то время как США получали право иметь не более 710 ПУ БРПЛ и не более 44 таких лодок.

Вплоть до приезда в Москву для подписания советско-американских соглашений президента США Ричарда Никсона не были согласованы и некоторые другие важные положения как договора по ПРО, так и

Временного соглашения ОСВ-1, в том числе вопрос о запрещении переоборудования легких МБР в тяжелые, вопрос о расстоянии между разрешенными договором по ПРО районами, прикрываемыми средствами ПРО, редакции статьи 3 Временного соглашения и Протокола к Временному соглашению, которые касались вопросов ограничения БРПЛ.

Согласованные решения по этим оставшимся вопросам были выработаны уже во время пребывания президента Ричарда Никсона в Москве. Для этой цели была образована рабочая группа, во главе которой находились Леонид Смирнов и Андрей Громыко с советской стороны и Генри Киссинджер – с американской. Эта группа активно работала в период с 24 по 26 мая 1972 года, в результате чего все нерешенные вопросы были согласованы. После согласования того или иного положения обе стороны давали соответствующие указания своим делегациям в Хельсинки для окончательного редактирования и внесения в тексты вырабатываемых документов. О напряженности этой работы свидетельствует тот факт, что последние детали договоренностей обсуждались делегациями уже на борту американского самолета во время их перелета из Хельсинки в Москву на подписание данных соглашений.

Картина выработки и реализации решений в области ограничения вооружений в СССР была бы неполной, если не отметить роль посла СССР в США Анатолия Добрынина. Он проделал большую работу по разъяснению Генри Киссинджеру и Ричарду Никсону советского подхода к тем или иным вопросам, обсуждаемым на переговорах. Через Анатолия Добрынина осуществлялся также достаточно активный обмен посланиями по вопросам переговоров между Леонидом Брежневым и Ричардом Никсоном.

Анатолий Добрынин совместно с Генри Киссинджером внесли вклад и в согласование дополнительных документов к договору ОСВ-1 уже после его подписания. В частности, когда в июне 1972 года договор был передан на ратификацию в конгресс США, у американских законодателей возникли вопросы, связанные, в частности, с терминологией. Например, что такое *современная подводная лодка*, чем она должна отличаться от *старой* и т.д. В данной связи американская сторона обратилась с просьбой согласовать ряд заявлений о толковании тех

или иных терминов. В результате работы, проделанной Анатолием Добрыниным и Генри Киссинджером, 29 июля 1972 года такое толкование было согласовано и парафировано.

Таким образом, в ходе переговоров по ОСВ-1 в Советском Союзе сформировались основы механизма выработки и принятия решений, которому было суждено действовать на протяжении многих лет – вплоть до распада СССР. Комиссия Политбюро ЦК КПСС по наблюдению за переговорами стала органом, который должен был готовить решения именно на межведомственном уровне, что было весьма важным.

В этот период все первоначальные документы по рассматриваемым вопросам вырабатывались, как правило, МИД и Минобороны. По результатам обсуждения их в Комиссии Политбюро в случае необходимости в них вносились поправки. Что же касается конкретной *техники* обсуждений, то в ходе заседания Комиссии, как правило, заслушивался доклад представителя того или иного ведомства по обсуждаемому вопросу, например, главы делегации СССР Владимира Семенова об итогах прошедшего раунда переговоров. После обсуждения такого доклада и выработки общего мнения давалось поручение специалистам МИД и Минобороны оформить его конкретным документом. Такой документ докладывался членам Комиссии и, если у них не было замечаний, подписывался ими и вносился на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС. В редких случаях, когда у членов Комиссии возникали те или иные замечания, документ рассматривался на заседании Комиссии, где окончательно и согласовывался. Конечно, наряду с официальными заседаниями члены Комиссии Политбюро обсуждали все эти вопросы между собой и в более узком составе.

Следует отметить, что переговоры по ОСВ-1 фактически не требовали (или требовали в минимальной степени) специальной технической экспертизы, так как на них в то время обсуждались сравнительно простые вопросы. В основном они заключались в определении количественных ограничений для тех или иных систем оружия. С такими задачами вполне справлялись военные специалисты, которые были задействованы для подготовки предложений и других документов, связанных с переговорами.

Директивы для переговоров менялись не часто и в основном касались общеполитических

установок, а не военно-технических параметров. Только когда на повестку дня переговоров встали вопросы о противоракетной обороне, ограничений на переоборудование легких МБР в тяжелые, перед переговорщиками возникла необходимость более глубокой экспертной проработки обсуждаемых на переговорах вопросов. К ним стали привлекаться ученые, а также специалисты, имеющие непосредственное отношение к разработке, производству и эксплуатации военной техники.

Разумеется, высокая степень ответственности, возложенная на членов Комиссии Политбюро, требовала, чтобы *под рукой* руководителей всегда находились бы соответствующие специалисты, которые могли бы помочь им принять правильные, грамотные решения. Но эти специалисты работали изначально каждый со своим руководителем, *подкрепляя* точку зрения каждого отдельного ведомства.

Наряду с этим, по мере продвижения переговоров, становилось все более очевидно, что сложные технические вопросы станут занимать более важное место в будущих договоренностях. Все это делало необходимым согласовывать такие вопросы на уровне специалистов, что и заложило основу для создания еще одного органа в цепочке выработки и принятия решений по проблемам ограничения вооружений, а именно – постоянно действующей межведомственной экспертной группы.

Названная идея была реализована при рассмотрении документов к встрече на высшем уровне во Владивостоке в 1974 году, когда был несколько изменен установившийся к тому времени порядок подготовки предложений по военно-политическим вопросам. Теперь основные положения документов еще до рассмотрения их на Комиссии Политбюро стали вырабатываться и согласовываться ведомствами с привлечением соответствующих ученых, конструкторов, военных специалистов и дипломатов на более низком экспертном уровне. Для этого была создана межведомственная рабочая группа (*Малая пятерка* или просто *пятерка*), составленная из представителей (экспертов) пяти заинтересованных ведомств. Этот орган с небольшими изменениями активно действовал в течение всего периода переговоров вплоть до распада СССР.

История образования *Малой пятерки* такова: при рассмотрении на заседании Политбюро ЦК КПСС документов к встрече Леонида Брежнева и Джеральда Форда во Владивостоке по ним были высказаны определенные замечания, и тут же на заседании Политбюро была сформирована группа специалистов, которым было поручено отразить все предложенные изменения в окончательной редакции документов.

В состав этой группы вошли представители Минобороны, МИД, Отдела оборонной промышленности ЦК КПСС, КГБ и ВПК. Формально группу возглавил генерал Михаил Козлов, занимавший в то время должность Первого заместителя начальника Генерального штаба. В эту группу были также включены заместитель министра иностранных дел СССР Георгий Корниенко, заместитель заведующего Отделом оборонной промышленности ЦК КПСС Николай Дитин, заведующий отделом ВПК К. Осадчий и один из помощников председателя КГБ СССР В. Митяев. После окончания переговоров с Джеральдом Фордом там же, во Владивостоке, этой группе было поручено подготовить директивы делегации СССР на переговорах в Женеве по реализации достигнутых с президентом США договоренностей.

Тем самым фактически была образована межведомственная рабочая группа *Большой пятерки*, в сферу компетенции которой входила подготовка и предварительное согласование для рассмотрения членами *Большой пятерки* всех военно-технических аспектов советской позиции на переговорах по разоружению. Эта группа также постоянно следила за ходом самих переговоров и при необходимости готовила соответствующие оперативные указания для делегации СССР.

Несмотря на то, что *пятерка* не получила официального статуса, она играла весьма важную роль в выработке позиции СССР на переговорах. Более того, она фактически пережила *Большую пятерку*, поскольку продолжала работать, хотя и недолгое время, и после попытки государственного переворота в августе 1991 года.

В отличие от *Большой пятерки*, *пятерка* никогда не была определена по фамилиям. В ней требовалось лишь представительство пяти заинтересованных ведомств, причем не обязательно на уровне заместителей руководителей этих ведомств. Представительство ведомств в заседаниях

пятерки количественно не было зафиксировано, и в них, как правило, участвовало не пять, а гораздо больше экспертов, включая руководителей делегации СССР на переговорах с США, когда они находились в Москве во время перерывов между раундами переговоров.

Как правило, еще до рассмотрения на заседании межведомственной рабочей группы каких-либо сложных технических вопросов, члены *пятерки* заранее проводили их обсуждение со специалистами своих ведомств и приходили на заседания уже достаточно подготовленными. В необходимых случаях на заседания группы приглашались и соответствующие военные специалисты, а также ученые, разработчики вооружений, дипломаты. Зачастую прямо на заседании группы вырабатывался проект документа для предоставления Политбюро ЦК КПСС, который докладывался членами *пятерки* руководителям своих ведомств. В случае отсутствия у всех членов *Большой пятерки* каких-либо принципиальных замечаний, документ подписывался и вносился в ЦК КПСС.

Несколько позже, уже на переговорах по ядерным и космическим вооружениям, во время выработки договоров по ракетам средней дальности и СНВ-1, когда у делегации в Женеве возникало много вопросов по конкретным формулировкам этих договоров, прямо на заседании *пятерки* составлялись соответствующие указания советской делегации. Их, как правило, подписывали кто-либо из присутствовавших на заседании заместителей министра иностранных дел СССР и заместителей начальника Генерального штаба (например, Виктор Карпов и В. Лобов).

Несмотря на достигнутые во Владивостоке договоренности советско-американские переговоры по ОСВ-2 в Женеве шли очень тяжело. Возник целый ряд сложных вопросов, которые требовали не только экспертной проработки, но и принятия крупных политических решений на высшем уровне. Одной из самых трудноразрешаемых оказалась проблема засчета оснащенных и неоснащенных под многозарядную головную часть МБР наземного базирования.

Дело в том, что в тот период советские *тяжелые* МБР и некоторые, так называемые *легкие* МБР были оснащены как разделяющимися головными частями

индивидуального наведения (РГЧ ИН), так и моноблочными головными частями. Советская сторона исходила из того, что МБР, если они не оснащены РГЧ ИН, не следует включать в оговоренные во Владивостоке уровни мирвированных стратегических носителей (1320 единиц для каждой из сторон).

Советская сторона, отстаивая свой подход, приводила весьма неубедительные доводы о том, что национальные технические средства контроля способны полностью проконтролировать, какие баллистические ракеты оснащены РГЧ, а какие – нет. Эта идея долгое время защищалась советской делегацией. Она была выдвинута в надежде на то, что США, несмотря на всю сомнительность аргументации, в конечном итоге согласятся разделять такие носители, исходя из информации, которую им предоставит советская сторона.

В то же время специалисты отлично понимали, что национальные технические средства контроля не позволяют надежно определить, какой конкретный тип головной части установлен на той или иной МБР. В то же время министр обороны СССР маршал Андрей Гречко продолжал настаивать на том, чтобы будущая договоренность зафиксировала реально существовавшее в то время положение вещей, то есть, чтобы в разряд МБР, оснащенных РГЧ, вошло только то количество ракет, которое на самом деле было оснащено многозарядной боевой частью.

МИД СССР в лице Андрея Громыко и ЦК КПСС в лице Дмитрия Устинова отстаивали более реалистическую позицию об учете всех МБР определенного типа в качестве МБР с РГЧ, если даже какая-то часть из них не имеет такого оснащения. К этой же точке зрения склонялся и Председатель КГБ СССР Юрий Андропов. Данный вопрос долго обсуждался на различных уровнях. Не придя к согласованной точке зрения, *Большая пятёрка* вынесла его на рассмотрение Генерального Секретаря ЦК КПСС. В результате дебатов, включая их конечный этап с участием Леонида Брежнева в роли *арбитра*, сторонники реалистической позиции все же сумели склонить Генсека на свою сторону, и соответствующее решение было принято.

В ходе переговоров по ОСВ-2 некоторые важные проблемы советской позиции также, как и ранее, становились предметом обсуждения на Совете Обороны СССР. В частности, на нем рассматривался вопрос о

необходимости учета в будущей договоренности ядерных крылатых ракет большой дальности морского и наземного базирования. Мнения по этому вопросу разделились, но Минобороны СССР в лице маршала Андрея Гречко сумело настоять на том, что эти вооружения могут внести существенный дисбаланс в стратегический паритет, в связи с чем они должны быть включены в договоренности.

В целом можно утверждать, что в рассматриваемый период в СССР не принималось решений по вопросам ограничения вооружений и разоружения, не подкрепленных соответствующими расчетами и обоснованиями. По существу, это означало обсуждение и единодушное одобрение практически любого решения в указанной области всеми пятью наиболее влиятельными ведомствами бывшего СССР – ЦК КПСС, Минобороны СССР, МИД СССР, КГБ СССР и ВПК. В процессе выработки и принятия решений главную роль, как уже отмечалось, играло Минобороны. Вместе с тем военные внимательно прислушивались к мнению МИДа, пытаясь найти точки соприкосновения. Это и позволяло в дальнейшем вырабатывать позицию, отвечающую интересам всех перечисленных ведомств.

Необходимо особо подчеркнуть тот факт, что в рассматриваемый период времени (вплоть до второй половины восьмидесятых годов) деятельность механизма выработки и принятия решений в области контроля над вооружениями в СССР жестко подчинялась принципу достижения полного согласия между основными ведомствами. Отдельные исключения, связанные с позицией Минобороны, о чем мы говорили выше, только подтверждали это правило.

Следует отметить, что Леонид Брежнев никогда активно не вмешивался в процесс подготовки предложений об ограничении вооружений, а на самих переговорах как с президентами США Ричардом Никсоном, Джеральдом Фордом и Джимми Картером, так и с госсекретарями США Генри Киссинджером и Сайрусом Вэнсом строго придерживался заранее выработанной позиции, а по ходу переговоров не выходил за рамки рекомендаций своих экспертов.

Например, во время переговоров с президентом США Джеральдом Фордом во Владивостоке Леонид Брежнев, Джеральд Форд, Андрей Громыко, Генри Киссинджер и

Анатолий Добрынин уединились в отдельную комнату для того, чтобы в узком составе обсудить имеющиеся разногласия. По некоторым вопросам эти обсуждения вышли за рамки утвержденной позиции. Леонид Брежнев в ходе этих переговоров неоднократно покидал своих партнеров и заходил в комнату, где находились его эксперты (Михаил Козлов, Георгий Корниенко и Николай Дитин), и советовался с ними по возникающим проблемам. Ему тут же писалась памятка с указанием той позиции, которую, по мнению экспертов, целесообразно было бы занять, и Леонид Брежнев придерживался этих рекомендаций.

В 1975 году Леонид Брежнев встречался в Хельсинки с Джеральдом Фордом. Ему, как было видно, очень хотелось найти какие-то *развязки* по имевшимся тогда разногласиям в вопросах. Вечером, перед встречей с президентом США, Леонид Брежнев пригласил к себе Михаила Козлова, Георгия Корниенко и Николая Дитина, и в присутствии Константина Черненко и Андрея Громыко спросил, на какие подвиги в советской позиции по ограничению стратегических вооружений можно было бы пойти. Получив однозначный ответ о том, что на данном этапе переговоров нецелесообразно вносить какие-либо поправки в позицию СССР, Леонид Брежнев был весьма недоволен, но, как и раньше, полностью положился на рекомендации своих экспертов, а на самих переговорах не принимал каких-либо решений, выходящих за рамки ранее утвержденной позиции.

Говоря в целом, встречи Леонида Брежнева с членами американской администрации, как правило, продвигали вперед согласование договора ОСВ-2, так как в ходе подготовки к этим встречам еще раз подробно рассматривались все имевшиеся разногласия с тем, чтобы попытаться найти пути сближения позиций сторон. Но по мере ухудшения физического состояния Леонида Брежнева *переговорческая* функция во многом перешла к Андрею Громыко. Он несколько раз встречался по вопросам выработки договора ОСВ-2 с президентом США Джимми Картером, госсекретарем США Сайрусом Вэнсом и другими представителями администрации США, в результате чего удалось значительно сблизить позиции сторон. Все возможные компромиссы предварительно обсуждались в Москве на заседаниях *пятерки* и *Большой пятерки*, а затем утверждались Политбюро ЦК КПСС. Некоторые из таких

изменений в позиции СССР были достаточно серьезными.

Возвращаясь к работе *пятерки* следует отметить, что между ее членами со временем сложились весьма тесные неформальные отношения. Эта команда всегда была настроена на поиск решений, которые были бы приемлемы для всех заинтересованных ведомств и обеспечивали бы сбалансированный учет всех межведомственных интересов, исходя из господствовавших в то время представлений об обеспечении безопасности страны.

Сила *пятерки* состояла в том, что она имела ограниченный состав, а ее члены были близки к руководству своих ведомств. Это обеспечивало оперативность в работе: сразу после обсуждений следовал доклад соответствующему руководителю ведомства – члену *Большой пятерки*, и в случае получения согласия от всех членов Комиссии Политбюро, быстро оформлялось решение по этому вопросу. Если же кто-то из членов *Большой пятерки* выражал сомнение по тому или иному вопросу, *пятерка* собиралась для дополнительного обсуждения, в результате которого, как правило, общее согласие достигалось, и документ шел на подпись членам *Большой пятерки* даже без проведения заседания последней.

Надо сказать, что механизм выработки решений после завершения переговоров по ОСВ-2 оставался прежним, хотя по сути дела уже тогда реальная работа *Большой пятерки* понемногу стала *сходить на нет*, что было обусловлено прежде всего уходом Дмитрия Устинова с поста секретаря ЦК КПСС и назначением его министром обороны. Вместо него секретарем ЦК КПСС был назначен Яков Рябов, который фактически не оказывал сколько-либо существенного влияния на процесс принятия решений и даже не был включен в состав *Большой пятерки*. Когда же Юрий Андропов стал вторым секретарем ЦК КПСС, то какое-то время под документами и предложениями, исходившими от *Большой пятерки* и направляемыми для утверждения Политбюро, стояло всего три подписи – Андрея Громыко, Дмитрия Устинова и Леонида Смирнова. После смерти Леонида Брежнева и избрания Юрия Андропова Генеральным Секретарем ЦК КПСС, положение не изменилось. Но экспертная группа – *пятерка* – продолжала активную деятельность, и в ней, как и прежде, были представлены все пять названных ведомств.

К этому времени в Генштабе было создано Договорно-правовое управление, которому была поручена подготовка вопросов, связанных с ограничением и сокращением вооружений. Начальником управления был назначен генерал Николай Червов.

Несмотря на значительное ухудшение советско-американских отношений сразу же после подписания в июне 1979 года в Вене договора ОСВ-2 (отказ США ратифицировать договор ОСВ-2, ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан, прекращение переговоров с США по многим важным вопросам в области контроля над вооружениями, форсированное развертывание Советским Союзом ракет средней дальности СС-20, принятие *двойного решения* НАТО о развертывании американских ракет средней дальности в Европе, антисоветская предвыборная риторика Рональда Рейгана и т.п.), в ноябре 1981 года с американской стороны были начаты переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе (ОЯВЕ), а в июне 1982 года – по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений.

В это время точка зрения на подходы СССР к переговорам по ограничению и сокращению стратегических вооружений была настолько бесспорной и единодушной, что ни у одного из ведомств, вовлеченных в процесс подготовки решений в этой области, не возникало предложений внести в нее какие-либо серьезные поправки. В основу советского подхода было положено требование учета всех факторов, определяющих безопасность сторон, что предопределяло необходимость учета американских средств передового базирования и соответствующих ядерных вооружений Великобритании и Франции. Именно это требование лежало в основе отстаиваемого СССР принципа *равной безопасности*.

В ходе переговоров по ОЯВЕ СССР, исходя из названного принципа *равной безопасности*, настаивал, чтобы вопросы ядерных вооружений средней дальности и передового базирования США рассматривались и решались одновременно и в органической взаимосвязи. При этом советская сторона настаивала и на том, что одновременно с этим должны быть учтены ядерные вооружения Великобритании и Франции. Главной же целью СССР на этих переговорах было предотвратить развертывание в Европе новых американских ракет средней дальности.

Со своей стороны делегация США выдвинула так называемый *нулевой вариант* соглашения по ракетам средней дальности, предусматривающий демонтаж и уничтожение всех уже развернутых СССР ракет средней дальности СС-4, СС-5 и СС-20 в обмен на отказ США от развертывания своих новых крылатых ракет наземного базирования и БРСД *Першинг-2*. Вооружения Великобритании и Франции, в соответствии с подходом США, соглашением не должны были затрагиваться. От включения в предмет переговоров авиационных средств, в том числе на авианосцах, американская сторона полностью отказывалась.

Несмотря на резкое расхождение в позициях, обе стороны продолжали прилагать усилия к достижению взаимоприемлемых решений. Одной из наиболее серьезных попыток такого рода была так называемая *лесная прогулка* послов Поля Нитце и Юлия Квицинского в июле 1983 года. Во время этой *прогулки*, как утверждал впоследствии посол Поль Нитце, он и Юлий Квицинский достигли взаимопонимания относительно необходимости достижения какого-то *промежуточного* решения. Такое решение, например, позволяло бы, с одной стороны, развернуть в Европе определенное количество американских крылатых ракет наземного базирования (но не БРСД *Першинг-2*), а с другой – понизить общий уровень ядерного противостояния сторон в регионе, в том числе за счет резкого сокращения СССР числа своих развернутых ракет СС-20. Однако эти предложения были восприняты как в Москве, так и в Вашингтоне весьма скептически.

В Москве возражение вызвали перспективы развертывания в Европе определенного количества американских крылатых ракет (такой шаг означал, по существу, согласие СССР разделить с США ответственность за ввод дополнительных ядерных вооружений на территорию Европы), а также отказ от учета в общих уровнях соответствующих ядерных вооружений Великобритании и Франции и авиационных носителей ядерного оружия. В США против такого решения выступил Пентагон, который энергично возражал против отказа от развертывания в Европе ракет *Першинг-2*.

Необходимо иметь в виду, что в то время советское руководство питало определенные надежды на то, что развернувшееся и охватившее большинство стран западной Европы антиракетное движение сможет

заставить США отказаться от развертывания своих ракет в Европе. Активную роль в этом движении играли коммунистические и другие левые партии европейских стран. Эта антиракетная кампания давала возможность поднять престиж *братских* партий, чему КПСС придавала большое значение. Принятие *промежуточного* решения могло бы рассматриваться этими партиями как *предательство интересов* коммунистических и рабочих партий Европы.

Осенью 1983 года стало ясно, что США, несмотря ни на что, свои ракеты в Европе развернут. Советское руководство единодушно считало, что продолжение переговоров после начала развертывания евrorакет может быть интерпретировано как косвенное согласие СССР с действиями США. Поэтому решение об уходе СССР с переговоров в случае начала развертывания евrorакет было принято заранее, еще за несколько месяцев до начала их развертывания. Более того, советское руководство публично предупреждало о принятии такого решения. Об этом неоднократно говорилось в выступлениях Юрия Андропова и других советских руководителей во второй половине 1983 года.

В ноябре 1983 года переговоры по ОЯВЕ советской стороной были прерваны. Вскоре были прекращены и советско-американские переговоры по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений. Тем самым были практически прекращены все контакты с США по вопросам ограничения вооружений (кроме проблем ядерного нераспространения). С советской стороны были приняты соответствующие ответные меры на развертывание американских ракет в Европе, которые, наряду с прочим, предусматривали развертывание ракетных комплексов СС-23 в ГДР и Чехословакии. Был снят односторонний мораторий на продолжение развертывания ракет СС-20, дополнительное количество ПЛАРБ было выдвинуто на боевое дежурство ближе к берегам США.

Вместе с тем следует отметить, что названные решения диктовались в основном оценкой текущего момента. В нем отсутствовал серьезный анализ возможных последствий предпринятых Советским Союзом действий. В частности, не были проработаны варианты дальнейших шагов по ограничению вооружений. Были лишь сделаны заявления о том, что в условиях начавшегося

развертывания американских ракет в Европе СССР считает продолжение переговоров невозможным.

В чисто политическом плане в СССР считалось неверным сразу же *сдаться* и сесть за стол переговоров с США. Надо было дать европейцам и американцам *допить свою чашу до дна*, поскольку развертывание ракет все же создавало для этих государств определенные проблемы. Ожидалось, что размещение евrorакет ухудшит отношения между США и народами Европы, если и не на официальном уровне, то в *общечеловеческом* плане.

На развитие советско-американских отношений негативно повлияло и объявление Рональдом Рейганом *крестового похода* против СССР. В начале марта 1983 года он объявил Советский Союз *империей зла*, а его руководителей – *сосредоточием зла в современном мире*. Все это было воспринято советским руководством достаточно серьезно и болезненно. Было известно, что в соответствии с принятым Советом национальной безопасности США решением изменение советской внутренней системы было признано приоритетной практической целью американской политики, а одним из главных средств достижения этой цели должно было стать экономическое давление, которое ставило бы Москву перед трудным выбором распределения средств между военным и гражданским секторами экономики.

На решение этой задачи была нацелена, как считалось в Москве, и объявленная Рейганом в марте 1983 года программа Стратегической оборонной инициативы (СОИ), осуществление которой, по некоторым заявлениям представителей американской администрации, должно было восстановить господствующее положение США в мире, которое они имели, обладая монополией в области атомного оружия. Одновременно США форсировали программу создания нового поколения стратегических наступательных вооружений, обладающих высоким противосиловым потенциалом, в том числе МБР МХ, БРПЛ *Трайидент-2*, БРСД *Першинг-2*, бомбардировщиков типа *Стелс*, высокоточных крылатых ракет воздушного и морского базирования.

Все эти заявления и действия американского руководства вызвали ответную, не менее резкую реакцию с советской стороны, что в

целом привело к серьезному накалу советско-американских отношений.

Между тем, как в СССР, так и в США нарастало понимание того, что необходимо найти какой-то выход из создавшегося положения. Конкретная договоренность на этот счет, как и на счет того, что конечной целью будущих переговоров должна быть полная ликвидация ядерного оружия, была зафиксирована во время встречи в Женеве Андрея Громыко и Джорджа Шульца в январе 1985 года, то есть еще до смерти Константина Черненко.

Переговоры по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) были начаты в Женеве 12 марта 1985 года, на следующий день после того, как Михаил Горбачев был избран Генеральным Секретарем ЦК КПСС. Первые же раунды переговоров показали кардинальные различия в подходах сторон к обсуждаемым проблемам. Стало очевидно, что при таких принципиальных расхождениях в позиции сторон найти решения, которые устраивали бы как советскую, так и американскую сторону, было весьма сложно.

Проблема прекращения гонки вооружений стала одной из основных забот Михаила Горбачева после его прихода к власти в СССР. Побудительным мотивом здесь было ясное понимание Михаилом Горбачевым опасности этой гонки как для дела мира, так и непосильная тяжесть для страны дальнейшего отвлечения для такой гонки финансовых и материальных ресурсов. В отличие от бывших руководителей страны Михаил Горбачев все более и более стал принимать личное участие в решении вопросов, возникающих на переговорах и осуществлять определенный нажим на других участников процесса выработки советской позиции, стимулируя их на поиск взаимоприемлемых решений.

С приходом на пост Генерального Секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева механизм выработки и принятия решений в области ограничения и сокращения вооружений претерпел значительные изменения. Это касалось как кадровых вопросов, так и роли отдельных ведомств в этом процессе. Так, после назначения Льва Зайкова секретарем ЦК по оборонным вопросам, документы *Большой пятерки* вскоре стали подписываться Львом Зайковым, Эдуардом Шеварднадзе, С. Соколовым, Виктором Чебриковым и новым председателем ВПК Юрием Маслюковым.

В аппарате ЦК КПСС к участию в этом процессе, помимо Отдела оборонной промышленности, был привлечен и Международный отдел, который ранее не принимал никакого участия в этой работе. После назначения заведующим Международным отделом Анатолия Добрынина (который одновременно стал и Секретарем ЦК КПСС), а его заместителем Георгий Корниенко, данный отдел стал играть весьма важную роль в формулировании советской позиции на переговорах. Кроме этого Отдела в работе *пятерки* продолжал участвовать и Отдел оборонной промышленности ЦК КПСС, в котором было создано специальное подразделение, которое занималось вопросами контроля над вооружениями. Таким образом, после прихода к власти Михаила Горбачева роль ЦК КПСС в целом в выработке военно-политических решений значительно повысилась.

Резко усилилось во всей этой работе и влияние *Большой пятерки*. Благодаря усилиям Льва Зайкова, *Большая пятерка* как бы получила второе рождение и взяла за правило предварительно обсуждать на своих заседаниях практически все вопросы, которые шли на утверждение Политбюро ЦК КПСС.

На такие обсуждения приглашались члены *Большой пятерки* и другие крупные руководители. В них, как правило, участвовали А. Яковлев, Эдуард Шеварднадзе (и несколько позже сменивший его Александр Бессмертных), С. Соколов (впоследствии – Дмитрий Язов), Виктор Чебриков (Владимир Крючков), Юрий Маслюков (и сменивший его И. Белоусов), Анатолий Добрынин, Валентин Фалин, Олег Беляков, Сергей Ахромеев (и сменивший его М. Моисеев), Георгий Корниенко, В. Лобов (первый заместитель начальника Генерального Штаба и фактический руководитель *пятерки*) и сменивший его Б. Омеличев, Виктор Карпов, Николай Червов (и сменивший его Федор Ладыгин), Геннадий Хромов (начальник одного из отделов ВПК). На заседания Комиссии кроме членов *Пятерки* приглашались также и главные конструкторы вооружений, руководители министерств, военные специалисты. Таким образом, в этот период времени активно действовала своего рода *смешанная пятерка*, в которой наряду с членами *Большой* и *Малой пятерок* принимали участие военные и технические эксперты. Это позволяло довольно предметно обсуждать все вопросы, связанные с

ограничением вооружений. И эту практику ввел именно Лев Зайков.

Большую роль в деятельности механизма выработки решений по проблемам разоружения играл в рассматриваемый период начальник Генерального Штаба Сергей Ахромеев. Наряду с прочим, он ввел новую практику обсуждений, когда по некоторым сложным вопросам переговоров, где позиция СССР менялась достаточно радикально и требовалось серьезное дополнительное ее осмысление и анализ, Сергей Ахромеев собирал *пятерку*, но на более высоком уровне, чем обычно. На этой *Средней пятерке* всегда присутствовал Георгий Корниенко, один из заместителей министра иностранных дел — Александр Бессмертных или Виктор Карпов, заместитель председателя КГБ того времени Владимир Крючков, один из заместителей Председателя ВПК. Такие расширенные заседания проходили реже, чем заседания *пятерки*, но на них обсуждались более сложные вопросы. Состав этого органа, как и всех других, был более или менее постоянен.

Во второй половине восьмидесятых годов помимо переговоров по ЯКВ СССР участвовал в большом количестве других переговоров. Все возникающие на них проблемы, равно как и директивы делегациям СССР, проходили через описанную выше процедуру согласования. Естественно, что на более низком уровне в зависимости от решаемых вопросов (ядерные и космические вооружения, химическое оружие, обычные вооружения в Европе и т.п.) были задействованы различные эксперты, представляющие заинтересованные ведомства.

В министерстве иностранных дел СССР после прихода Эдуарда Шеварднадзе произошли значительные изменения. Так, в министерстве было создано специальное Управление по ограничению вооружений и разоружению — УПОВР, во главе которого был поставлен заместитель министра Виктор Карпов, имевший большой опыт в проведении переговоров с США по названным вопросам. Сам Эдуард Шеварднадзе делал попытки при выработке решений по военно-политическим вопросам опираться на мнение авторитетных ученых. Например, в ходе обсуждения советской позиции по отношению к программе СОИ он неоднократно собирал специалистов в области ПРО и советовался с ними. В их число входили ведущие ученые, генеральные конструкторы, военные специалисты. Эдуард Шеварднадзе требовал, чтобы сотрудники

МИД также обращали самое пристальное внимание на мнение академических кругов и специалистов других ведомств.

По инициативе Эдуарда Шеварднадзе в МИД СССР было создано научно-техническое управление, в задачу которого входила координация министерства с научными ведомствами страны. Но фактически это управление не смогло выполнить всех поставленных перед ним задач и не оказывало сколь либо серьезного влияния на выработку решений по проблемам ограничения вооружений. Вместе с тем именно при Эдуарде Шеварднадзе была значительно повышена роль ученых и Академии наук в рассматриваемых вопросах. В частности, по его инициативе в ряд делегаций СССР на переговорах по ограничению вооружений были включены представители АН СССР.

Руководство Минобороны также *не сдавало* своих позиций в сфере ограничения и сокращения вооружений. Если говорить в целом, то военное руководство также считало важным ограничить гонку вооружений. Но при этом оно не могло одобрить односторонние действия СССР в данной области. Лучший вариант, по его мнению, это *потянуть* по пути разоружения США и другие страны НАТО. Именно это привело к целому ряду серьезных конфликтов между Эдуардом Шеварднадзе и представителями военного руководства СССР.

На всем протяжении существования механизма *пятерок* между МИД и Минобороны существовали довольно своеобразные отношения. *С одной стороны*, эти два ведомства были наиболее активными участниками процесса выработки решений и действовали совместно с самых первых этапов выдвижения тех или иных предложений. *С другой же стороны*, именно между ними существовала наиболее жесткая конкуренция за первенство в данной области. И особенно остро эта конкуренция проявилась, когда министром иностранных дел СССР стал Эдуард Шеварднадзе.

Одним из наиболее ярких проявлений такой конкуренции явилась программа полного ядерного разоружения, выдвинутая Михаилом Горбачевым в январе 1986 года. Инициаторами данной идеи выступили военные и, более конкретно, Генеральный Штаб. Причина, по которой Генеральный Штаб выдвинул подобную идею, заключалась в том, что новое советское руководство

усилило нажим на военных с целью понудить их предпринять какие-то конкретные шаги и, возможно, пойти на ряд уступок ради достижения договоренностей с США, поскольку к концу 1985 года после встречи Михаила Горбачева и Рональда Рейгана в Женеве необходимость реального изменения позиции СССР на переговорах с США стала достаточно очевидной.

В этих условиях Минобороны СССР в лице Генерального Штаба выступило с предложением о полном ядерном разоружении к 2000 году. Со стороны военных этот ход был достаточно продуман и взвешен: *с одной стороны*, можно было показать, что Советский Союз и лично Михаил Горбачев стремятся к полной ликвидации ядерного оружия, а *с другой*, по мнению некоторых экспертов, – авторы этого документа сознавали, что такое чисто политическое заявление вряд ли будет иметь какие-то практические последствия, а тем более приведет к конкретным договоренностям. Вначале эта программа была встречена Эдуардом Шеварднадзе весьма прохладно, но после того, как ее одобрил Михаил Горбачев, сомнения у министра иностранных дел СССР исчезли, и вскоре – 15 января 1986 года – эта инициатива была выдвинута Михаилом Горбачевым в качестве позиции СССР, получив неофициальное название *инициативы Горбачева*.

МИД также не упускал возможности *обойти* Минобороны в выдвижении собственных инициатив, считая, что военные намеренно тормозят процесс достижения договоренностей по разоружению. Эта ситуация привела к тому, что в целях упорядочения процесса подготовки документов по военно-политическим вопросам, предоставляемых для доклада Политбюро ЦК КПСС, в 1987 году было принято специальное решение, которое формализовало порядок проведения этих работ.

Следует подчеркнуть, что несмотря на важную роль, которую играл названный механизм выработки решений по вопросам разоружения, наиболее крупные проблемы политического плана определялись на более высоком уровне. Часто такие проблемы рассматривались непосредственно у Михаила Горбачева с участием высшего военного руководства, министра иностранных дел, других руководителей. После этого в соответствии с полученными указаниями Генеральный Штаб

и МИД вносили первоначальные документы на *пятерку*, в которых уже была отражена направленность решения высшего руководства.

Поэтому крупных споров по принципиальным вопросам на заседаниях *пятерки*, как правило, не было. Задача у *пятерки* была иная: на ее уровне общеполитические идеи обретали *плоть и кровь*, то есть становились конкретными и детально проработанными документами, которые в конце концов возвращались на утверждение в Политбюро. Разумеется, и во времена Леонида Брежнева крупные политические вопросы, связанные с позицией СССР на переговорах по ограничению вооружений, также предварительно обсуждались на высшем уровне. Но при Михаиле Горбачеве этот механизм обрел более устойчивые и завершенные формы, что в определенной мере и сыграло свою роль в достижении крупных результатов в сфере разоружения.

В то же время механизм выработки и принятия решений в рассматриваемой области в этот период подвергался достаточно серьезным испытаниям. Дело в том, что по ряду достаточно важных вопросов, по которым выявлялись разногласия на переговорах по ЯКВ, руководством страны принимались самостоятельные решения без необходимой предварительной проработки их в установленном к тому времени порядке. К таким решениям, например, можно отнести решение Михаила Горбачева об отказе от какого-либо учета ядерных средств передового базирования США и соответствующих вооружений Великобритании и Франции; согласие Михаила Горбачева на включение в состав ликвидируемых в соответствии с Договором по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) тактических ракет СС-23; предложенный американцам помощником Михаила Горбачева Сергеем Ахромеевым и заместителем министра иностранных дел Виктором Карповым порядок засчета крылатых ракет большой дальности на тяжелых бомбардировщиках, давший серьезные преимущества США; согласие Эдуарда Шеварднадзе полностью ликвидировать Красноярскую радиолокационную станцию (РЛС) без одновременного решения вопроса о прекращении строительства двух американских РЛС предупреждения о ракетном нападении в Гренландии и Великобритании.

Очевидно, что каждое из этих решений, принятое указанными лицами самостоятельно без согласования через указанный механизм, было продиктовано стремлением к общему улучшению климата советско-американских отношений, скорейшему достижению конкретных договоренностей в сфере ограничения и сокращения ядерных вооружений. Но каждое из этих несогласованных решений вызывало серьезные разногласия и даже неприятие не только в узком круге экспертов и специалистов, причастных к процессу выработки соответствующих решений, но и в советском обществе в целом.

Если говорить о более общих причинах, то прорыв в отношениях с США в сфере ограничения вооружений и разоружения произошел в силу целого ряда обстоятельств. Главным из них, конечно, был приход к власти в СССР политиков новой формации во главе с Михаилом Горбачевым, которые видели в этом сближении естественный путь установления цивилизованных отношений между всеми членами мирового сообщества. Вместе с тем весьма важным было и нарастающее понимание такой необходимости во *втором* и *третьем* эшелонах государственной власти.

Особенно важно то, что все это стали постепенно понимать не только политики, но и военные. Даже им становилось все более ясно, что экономика СССР уже не в силах нести бремя гонки вооружений в прежних масштабах, а обретение какого-либо ощутимого превосходства над *вероятным противником* просто-напросто нереально. Сыграло свою роль и все более глубокое осознание того факта, что изоляция, в которую СССР сам себя поставил в результате срыва переговоров в 1983 году и наращивания вооружений, оказывала крайне неблагоприятное влияние на экономическое развитие страны, на ее международное положение, способствовала снижению уровня жизни населения. Выход из этой ситуации был очевиден — переговоры и заключение соответствующих соглашений в сфере ограничения вооружений и разоружения.

Разумеется, столь глубокая трансформация внешнеполитического курса и мышления людей, причастных к выработке и принятию решений, не могла произойти сразу и бесконфликтно. Этот процесс был достаточно длительным, болезненным и противоречивым. Он сопровождался серьезными дебатами и

даже конфронтацией между отдельными лицами в руководстве СССР. Тем не менее к концу своего существования СССР сумел добиться значительных успехов в сфере ядерного разоружения, заключив соглашения (такие, как договор по РСМД, договор СНВ-1, Договор по обычным вооружениям в Европе), которые, если говорить в целом, не вызвали серьезного неприятия как у специалистов, так и в ведомствах, причастных к их разработке. В данной связи, на наш взгляд, нельзя не признать заслугу созданного механизма выработки и принятия решений в СССР, который имел своей главной задачей согласование этих решений прежде всего внутри страны — между основными ведомствами государства, а только затем — со своим партнером по переговорам.

Такой подход позволил создать ситуацию, при которой в рамках институтов власти бывшего советского государства практически отсутствовали активные силы в лице тех или иных ведомств, которые выступали бы против принятых решений в области ограничения вооружений и разоружения. Этого удалось достигнуть благодаря тому, что ключевые ведомства, способные стать серьезным тормозом этого процесса, сами участвовали в выработке позиции СССР для переговоров. Однажды *втянувшись* в переговоры на той базе, которая была им понятна и выгодна (как это было при начале переговоров по ОСВ-1), эти ведомства уже не могли в дальнейшем *уйти в сторону*.

В ходе трудного процесса переговоров идея получения преимущества в результате международных соглашений и договоренностей постепенно трансформировалась в стремление к равенству и паритету, а затем — и к глубоким сокращениям и ликвидации целых классов вооружений. Сделать это сразу было невозможно — требовались время и значительные усилия всех его участников. И понимание новых реальностей было достигнуто в значительной мере благодаря тому, что выработка всех позиций на переговорах в СССР проводилась на согласованной межведомственной основе.

В ноябре 1990 года *Большая пятерка* вышла из-под руководства Политбюро ЦК КПСС и была переименована в Комиссию по переговорам о сокращении вооружений и безопасности при Совете Обороны при Президенте СССР. Лев Зайков оставался председателем и этой преобразованной

комиссии. С названного времени все вопросы, связанные с проблемами разоружения, официально перешли в ведение Президента СССР.

Однако в этом новом своем качестве комиссия проработала недолго. После августа 1991 года она прекратила свое существование, тем более, что три ее ключевых члена оказались в тюрьме по обвинению в попытке государственного переворота. Но межведомственная рабочая группа – *пятерка*, по инерции какое-то время еще продолжала свою работу.

Становление российской государственности сопровождалось ломкой старых структур управления. Процесс этот вполне естественный и даже необходимый. В начале 1992 года период *двоевластия* в Москве завершился, и союзные органы управления один за другим прекратили свое существование. Это относится и к пяти ведомствам бывшего СССР, которые на протяжении более 20 лет определяли и разрабатывали внешнеполитический курс страны в области ограничения вооружений и разоружения.

Три из пяти этих ведомств (кроме ЦК КПСС и ВПК) в той или иной форме были воссозданы в рамках уже российской государственности. Параллельно шло и формирование внешнеполитического и военного курса России, были выдвинуты новые задачи и требования к государственным структурам, которые во многом отличаются от тех, которые существовали в бывшем Советском Союзе. Во многом изменились приоритеты, изменился и способ решения поставленных задач, в том числе и в сфере ограничения и сокращения вооружений. В частности, при выработке договора СНВ-2 механизм *пятерки* в России уже не действовал.

При этом вряд ли стоит относить все недостатки этого Договора на счет отсутствия межведомственного согласования его положений. Слишком быстро и радикально проходили изменения в России как с точки зрения экономической, так и внутривнутриполитической ситуации. Но независимо от того, были или не были у прежнего механизма выработки и принятия решений по вопросам ограничения вооружений те или иные недостатки, необходимость его воссоздания в какой-либо форме сразу же после образования независимой Российской

Федерации вряд ли вызывает сомнения, тем более, что в то время вопросы, связанные с ограничением и сокращением вооружений продолжали активно обсуждаться на международном уровне. Для такого утверждения, как представляется, имеются серьезные основания.

В частности, уже первые самостоятельные шаги России в сфере разоружения, а именно, *инициативы* президента России, выдвинутые им в январе 1992 года, явно страдали недостаточной продуманностью и несогласованностью отдельных положений. Не вызывает сомнения, что при наличии таких органов, как *пятерки*, в которой были бы представлены руководители ключевых ведомств государства, ведущие ученые, конструкторы, дипломаты и военные специалисты, отработка подобного рода документов была бы обеспечена на несравнимо более высоком уровне. Это в определенной степени относится и к договору СНВ-2, подписанному Россией в январе 1993 года.

Что же касается системы принятия решений в ходе выработки договора СНВ-2, то по данному вопросу имеется весьма ограниченная информация из официальных источников. Известно, например, что в разработке этого документа и в самих переговорах принимали непосредственное участие бывший министр обороны Павел Грачев и бывший министр иностранных дел Андрей Козырев. Исходя из предыдущего опыта ведения переговоров такая *инициатива* министров выглядит достаточно необычно. Вероятно, здесь сыграл свою роль фактор времени и прямое поручение президента России Бориса Ельцина выработать договор к очередной встрече в верхах и аналогичное поручение президента США Джорджа Буша, что было зафиксировано в Рамочной договоренности по СНВ-2.

В ходе выработки Рамочной договоренности, определившей основные параметры будущего договора, все крупные решения принимались непосредственно руководством Минобороны и МИД РФ. При этом маловероятно, что данные решения также проходили *обкатку* на межведомственном уровне с участием соответствующих экспертов. Все это в значительной мере и предопределило трудную судьбу договора СНВ-2, вопрос о ратификации которого решается вот уже более шести лет.

Сообщения**О ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ АССОЦИАЦИИ
АТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА**

С 17 по 25 октября директор проекта, научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук** находился во Франции, где принял участие в 45-й Генеральной ассамблее Ассоциации атлантического договора. На форуме, который проходил в столице объединенной Европы – Страсбурге, в здании Европейского парламента, выступили президент Франции Жак **Ширак** (Jacques Chirac) и новый генеральный секретарь НАТО Джордж **Робертсон** (George Robertson).

Одной из главных тем Генеральной ассамблеи стали анализ и оценка операции НАТО в Косово. В выступлениях большинства европейских участников конференции звучала озабоченность кризисом в отношениях России, США и НАТО. Жак Ширак и Джордж Робертсон подчеркнули, что основная цель Европы – это улучшение отношений с Россией. Генсекретарь НАТО также отметил, что есть огромный потенциал сотрудничества России и НАТО, в том числе в области нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки.

**О ЛЕКЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(БЕЛОРУССИЯ)**

4–5 ноября председатель Совета ПИР-Центра Роланд **Тимербаев** находился в Минске, где выступил с лекцией по проблеме нераспространения ядерного оружия в Европейском гуманитарном университете.

Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке) Роланд Тимербаев также провел в Минске презентацию своей книги «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968».

Состоялись его встречи в Международном институте политических исследований (МИПИ), в частности, с директором института Вячеславом **Поздняком**. Обсуждались вопросы российско-белорусских отношений, а также вопросы сотрудничества между МИПИ и ПИР-Центром.

**О КУРСЕ ЛЕКЦИЙ ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
ВЛАСТИ ТУРКМЕНИСТАНА**

15–17 ноября председатель Совета ПИР-Центра Роланд **Тимербаев**, вице-президент Женевского международного института мира Йозеф **Гольдблат** и исполнительный директор представительства Монтерейского института международных исследований в Алма-Ате Дастан **Елеукенов** прочитали в Ашхабаде курс лекций по нераспространению для сотрудников министерств иностранных дел, обороны, промышленности и торговли, таможенной и пограничной служб,

преподавателей и студентов государственного университета и военного института Туркменистана.

Они были приняты заместителями министров иностранных дел и обороны Туркменистана. В ходе бесед были, в частности, затронуты вопросы, связанные с ведущимися переговорами о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии.

**ОБ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УЧЕТА,
КОНТРОЛЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ: ПОЗИЦИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЭНЕРГЕТИКИ США**

Борьба с распространением ОМУ является одним из главных приоритетов правительства США в вопросах международной безопасности. Правительство США разделяет актуальность данного вопроса с правительством Российской Федерации.

Для достижения максимального эффекта борьба с распространением ядерного оружия не может быть рассчитана на короткий срок. Она должна вестись с учетом всех сторон этой сложной проблемы и разрабатываться на долгий срок.

В рамках борьбы за ядерное нераспространение совместные российско-американские инициативы привели к тому, что за последние пять лет значительно снизился риск, связанный с хищением или переключением ядерных материалов военного применения, — главной темой проводимого семинара.

Программа УКиФЗ продолжает оставаться передней линией борьбы за ядерное нераспространение. Программа охватила свыше 40 российских ядерных объектов. Ее осуществление помогло модернизировать свыше 15 объектов и провести работы по модернизации на остальных объектах. Она значительно повысила эффективность системы безопасности по охране 50 метрических тонн высокообогащенного урана (ВОУ) и плутония.

Программа применялась и для модернизации системы безопасности на грузовых автомобилях и железнодорожных вагонах, используемых для транспортировки ядерных материалов.

Программой также разработан исключительно важный совместный проект с министерством внутренних дел, несущим ответственность за предоставление спецподразделений по охране ядерных объектов и транспортируемых материалов.

Хотелось бы также отметить, что министерство энергетики США (МЭ) озабочено также и проблемой утечки кадров и информации, что способствует эффективному использованию ядерных материалов или их самостоятельному производству странами, заинтересованным в их приобретении. Программа МЭ «Инициативы по предотвращению распространения» (ИПР), а также Инициатива «Атомные города» (ИАГ) были разработаны с целью применить опыт и знания специалистов по ядерному оружию в разработке устойчивых гражданских проектов.

Продолжая нашу совместную работу по улучшению системы безопасности на российских ядерных объектах, следует иметь в виду, что такая работа должна вестись методами, которые позволили бы самим объектам эксплуатировать и поддерживать устойчивое развитие этих систем на долгосрочной основе с использованием собственных финансовых, технических и кадровых ресурсов.

В совместной деятельности по созданию устойчивого режима безопасности ядерных материалов в Российской Федерации министерство энергетики США ведет в строгой координации работу по трем высокоприоритетным направлениям, включающим проект по консолидации и конверсии ядерных материалов (ККМ), работу по более эффективному поддержанию модернизированных систем, а также проект по операциям и устойчивому развитию (ОУР).

Проект по консолидации и конверсии ядерных материалов

Необходимо осуществлять тесное сотрудничество с нашими российскими коллегами и особенно с Минатомом для улучшения ядерной безопасности на российских объектах посредством сокращения зданий и объектов, на которых хранится ядерный материал военного применения.

Данный подход позволит устранить угрозу хищений с целью ядерного распространения на целый ряд зданий и даже целые объекты и сконцентрировать усилия на модернизации систем безопасности в сокращенной группе мест хранения ядерных материалов.

В свою очередь консолидация материала должна привести к уменьшению долгосрочных эксплуатационных и кадровых затрат на данных объектах в результате сокращения освободившегося персонала и оборудования.

Как показала практика успешного осуществления модельного проекта в рамках программы на НПО *Луч*, работа по консолидации должна по возможности совмещаться с усилиями по конверсии ВОУ военного применения в низкообогащенный уран (НОУ), значительно уменьшая тем самым привлекательность этого материала для его потенциальных покупателей.

При поддержке и одобрении Минатома России данная инициатива по конверсии материала проходила в 1999 году стадию расширения в рамках пилотного проекта, работы по которому будут проводиться на объектах НПО *Луч* и НИИАР (г. Димитровград). Осуществление проекта позволит только в 1999 году конвертировать одну метрическую тонну ВОУ в НОУ.

Использование данных методов для реализации проекта ККМ позволит Соединенным Штатам Америки и России

более эффективно использовать свои обширные ресурсы посредством повышения системы безопасности ядерных материалов при сокращении долгосрочных финансовых расходов.

Новая стратегия модернизации

Обеспечение долгосрочной и бесперебойной эксплуатации модернизированных систем безопасности на российских ядерных объектах потребует уменьшения технического обслуживания данных систем и уделения большего внимания человеческому фактору, что, в конечном итоге, обеспечит их функционирование и устойчивое развитие.

Наша стратегия модернизации основана на зарекомендовавшей себя технологии, в основу которой заложены низкая начальная цена, сокращенные эксплуатационные расходы и менее жесткие требования к техническому обслуживанию, что позволит успешно решать проблемы, связанные с эксплуатацией и устойчивым развитием.

Где это возможно, и где их использование принесет эффективные результаты, мы будем использовать российские системы или оборудование, которые могут обслуживаться с использованием отечественных ресурсов.

Операции и устойчивое развитие (ОУР)

Проект ОУР стал неотъемлемым компонентом нашей работы по УКиФЗ в России, став одним из приоритетных направлений программы.

Проект ОУР направлен на устранение особо сложных проблем, вызванных внедрением новых систем. Он основывается на том, что устойчивое развитие системы УКиФЗ может успешно поддерживаться только при эффективном использовании кадровых, финансовых и технологических ресурсов, имеющихся на российских ядерных объектах.

В связи с тем, что в начале совместной работы над проектом специалистами рабочих групп высказывались некоторые опасения по поводу появления проблем с устойчивым развитием и эксплуатацией введенных в строй новых систем УКиФЗ, ухудшение экономической ситуации в стране заставило уделить этому вопросу первостепенное внимание.

В программе разработаны меры по обеспечению эксплуатации системы УКиФЗ на местах, поддержанию операционного режима системы на всех критически важных участках учета, контроля и физической

защиты, а также по поддержанию долгосрочного устойчивого развития систем на объектах с использованием местных ресурсов.

Указанные задачи могут быть выполнены с помощью предлагаемых и текущих инициатив, распределенных по пяти проектам:

Операции на объекте: разработка основных методов и процедур, необходимых для эксплуатации системы УКиФЗ на объекте на данном этапе и на долгосрочной основе, включая наличие технической поддержки по эксплуатации и проведению профилактических работ.

Охранные подразделения/действия МВД: рассмотрение вопросов работы охранных подразделений и групп ответного реагирования, несущих ответственность за охрану ядерных материалов, находящихся на территории России.

Оценка оборудования: определение методами технической оценки оборудования, наиболее подходящего для модернизации систем УКиФЗ.

Культуроведческий аспект УКиФЗ: Обеспечение полной интеграции систем УКиФЗ с основной миссией российских ядерных объектов, а также выделение необходимых ресурсов и внимания для осуществления данной высокоприоритетной миссии.

Обзорные посещения МЭ-ГАН: организация совместных посещений объектов, включенных в соглашение МЭ-ГАН, для рассмотрения вопросов и оказания помощи по эксплуатации и устойчивому развитию систем УКиФЗ. Нами также предложено Минатому рассмотреть возможность организации совместных обзорных посещений объектов Минатома, участвующих в программе УКиФЗ.

В основе действий российской стороны должна лежать уверенность в своих собственных силах. Например, основываясь на рекомендации недавнего исследования по анализу российских поставщиков для системы УКиФЗ, программой была разработана практика оказания помощи местным фирмам, занимающимся обслуживанием российского рынка УКиФЗ. Мы надеемся и дальше развивать отношения между американскими и российскими поставщиками, что поможет

удовлетворить долгосрочные потребности для модернизированной системы УКиФЗ в России.

Инициативы по подготовке

Разрабатываются новые, расширенные инициативы по подготовке персонала, которые, как ожидается, помогут укрепить способность объектов, поддерживать устойчивое развитие систем УКиФЗ в России. Например, программой предусмотрена работа с российскими специалистами по разработке учебных программ для персонала объектов, основывающаяся на деятельности российского учебно-методического центра (РУМЦ) в Обнинске.

Кроме разработки технических учебных программ планируется продолжить работу совместно с Институтом международных отношений в Монтерее (штат Калифорния) по организации семинаров, аналогичных данному московскому семинару. Их цель – ознакомить участников с многосторонними вопросами ядерной безопасности, нераспространения и их значения для национальной безопасности России. Это поможет оценить важность всех работ по эффективному осуществлению модернизации систем УКиФЗ в Российской Федерации.

Выводы

Для эффективного решения проблемы распространения, представляемой сотнями метрических тонн ядерных материалов военного применения в России, необходимо тесное сотрудничество США и России по созданию прочной основы долгосрочного функционирования и устойчивого развития систем УКиФЗ в Российской Федерации.

В связи с этим необходимо вести работу одновременно по нескольким направлениям.

Во-первых, совместная американо-российская программа по консолидации и конверсии материала поможет упростить проблему безопасности российских ядерных материалов, определить ресурсы, выделяемые на эффективное решение этой проблемы и сократить долгосрочные эксплуатационные расходы.

Во-вторых, необходимо отдать предпочтение модернизации систем безопасности, не требующей больших финансовых затрат по их эксплуатации и техническому обслуживанию.

В-третьих, необходима совместная работа по подготовке квалифицированных кадров, имеющих соответствующие навыки и способных принять на себя ответственность за современные системы УКиФЗ.

В-четвертых, необходима работа по разработке технической и кадровой инфраструктуры по поддержанию систем УКиФЗ, способной производить и обслуживать оборудование, используемое в этих системах.

Совместная работа американских и российских экспертов привела за последние годы к значительным успехам в деле уменьшения угрозы хищений или использования не по назначению российских ядерных материалов. Только продолжая и укрепляя нашу совместную деятельность, мы сможем наращивать достигнутые в прошлом успехи и создавать надежную структуру безопасности российских ядерных материалов.

Роуз Готтемюллер, заместитель министра энергетики США по нераспространению и национальной безопасности

Библиотека

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ РОССИИ. Под ред. Павла Подвига. М., ИздАТ, 1998, XIV+478 стр.

Рецензируемая книга представляет собой первый законченный труд по описанию различных сторон деятельности стратегических ядерных сил и ядерно-промышленного комплекса. Авторский коллектив книги представлен сотрудниками Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте – Павел Подвиг, Тимур Кадышев, Евгений Мясников, Максим Тарасенко, представителями Института США и Канады РАН РФ – Игорь Сутягин, Борис Железов и Центра по изучению проблем энергетики и окружающей среды в Принстонском университете (США) – Олег Бухарин.

Основной объем работы над книгой был проделан в Центре по изучению проблем разоружения при МФТИ при поддержке директора Центра Анатолия Дьякова.

На Западе подобные работы появлялись неоднократно. Некоторые из них уже после окончания *холодной войны* были переведены на русский язык и стали доступны отечественным исследователям. Наиболее нашумевшая из работ такого ряда – это книга «Ядерное вооружение СССР», написанная известными американскими специалистами Томасом Кохраном (Thomas B. Cochran), Уильямом Аркиным (William M. Arkin), Робертом Норрисом (Robert S. Norris), Джефри Сэндсом (Jeffrey I. Sands). Книга была опубликована на английском языке в 1989 году, а ее русское издание увидело свет в 1992 году.

Между двумя работами трудно не почувствовать определенной схожести – и издательство одно и то же, и структура книг хоть и не идентична, но очень похожа. Кстати, авторский коллектив книги «Стратегическое ядерное вооружение России» в основном совпадает с коллективом авторов, который переводил на русский язык книгу «Ядерное вооружение СССР». И в том и в другом случае работы выходили под редакцией Павла Подвига.

Авторы книги «Стратегическое ядерное вооружение России» не скрывают, что основным побудительным моментом, который заставил их взяться за столь обширную

работу, было впечатление от книги «Ядерное вооружение СССР», в которой многие положения показались спорными или вообще не соответствующими действительности. Естественно, захотелось провести собственное исследование, проверить факты, расширить и дополнить фактуру, предложить собственные оценки и комментарии.

Книга состоит из восьми глав, предисловия и приложения, в котором даны обозначения стратегических систем вооружений: стратегические ядерные силы СССР и России (глава 1, автор Павел Подвиг), структура и операции стратегических ядерных сил (глава 2, авторы Борис Железов, Павел Подвиг, Игорь Сутягин), создание и эксплуатация ядерных боеприпасов (глава 3, авторы Олег Бухарин, Игорь Сутягин), ракетные войска стратегического назначения (глава 4, автор Максим Тарасенко), морские стратегические ядерные силы (глава 5, авторы Евгений Мясников, Максим Тарасенко), стратегическая авиация (глава 6, автор Тимур Кадышев), стратегическая оборона (глава 7, авторы Игорь Сутягин, Павел Подвиг), ядерные испытания (глава 8, автор Павел Подвиг).

Важно то, что авторский коллектив старался использовать преимущественно российские источники – исключительно открытые. Большая же часть работ, публикуемых на Западе, основана на нероссийских (несоветских) источниках, либо на переводах российских источников, что могло приводить к искажению смысла, либо потери каких-то нюансов.

Безусловно, положительным моментом является то, что авторы книги широко используют мемуарную литературу, это хотя и не документальная информация, но все-таки первоисточник.

Конечно, неминуемо было возникновение проблемы дефицита открытых российских данных по рассматриваемой в книге проблематике. Авторы с ней столкнулись. И в этих случаях приходилось обращаться к зарубежным источникам, проводить аналогии между стратегическими силами США и Советского Союза.

Авторы проделали колоссальную работу по систематизации открытых источников за весь период истории создания и совершенствования российского ракетно-ядерного оружия. Эта работа необходима как определенный этап развития российских военно-политических исследований. Появление подобной книги давно назрело, что понимали как независимые исследователи, так и кадровые военные, политики, государственные чиновники.

И поэтому вдвойне неприятна и непонятна та критика, с которой выступили некоторые представители министерства обороны после публикации книги. Хочется надеяться, что военная цензура имела самые благие намерения: например, создать книге дополнительную рекламу и подогреть читательский интерес (а книга этого, безусловно, достойна) со стороны не только узких специалистов, но и широкой аудитории тех, кто интересуется советской историей, историей военно-промышленного комплекса, ракетно-ядерных исследований. Военная цензура не могла не знать того, что, закончив работу над рукописью, авторский коллектив предоставил ее ряду российских специалистов, в том числе и военным, чтобы они, прочитав ее, оценили чувствительность даваемой информации. Когда *цензоры* вернули авторам рукопись, то оказалось, что большая часть из

того, что они посчитали секретным, уже проходила в открытых источниках информации.

Конечно, специалисты найдут в книге отдельные недостатки и неточности. Но их наличие неминуемо, что признают и сами авторы «[...] подобный подход не мог не привести к определенным неточностям [...] авторы с признательностью примут указания на содержащиеся в книге пробелы и неточности» (с.XI).

Работа имеет, в основном, описательный характер, и является прекрасным источником информации. На этой основе можно проводить дальнейшие более детальные аналитические исследования. Та задача, которую авторы перед собой ставили – «воссоздать в целом правильную картину истории создания стратегических ядерных сил Советского Союза и нынешнего состояния стратегических сил России» – блестяще выполнена. Мы не сомневаемся, что книга «Стратегическое ядерное вооружение России» станет настольной книгой российских и зарубежных исследователей, экспертов и политиков, которым приходится работать с вопросами ядерных и ракетных вооружений.

Иван Сафранчук

Вышли в свет в октябре 1999 – январе 2000 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №18.* Октябрь 1999. В номере: «Коммунистическая партия Российской Федерации: предвыборные перспективы», «Проект военной доктрины: ядерный фактор», «Россия готова увеличить расходы на оборону», «Украина и Белоруссия на рынке вооружений: база данных событий 1996–1999» и др. Цена 700 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №19.* Сентябрь 1999. В номере: «Евгений Примаков и Владимир Путин: две стратегии вывода России из переходного периода», «Индия или Китай: российская внешнеполитическая игра в Азии» и др. Цена 700 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №20.* Ноябрь 1999. В номере: «Политическая ситуация в России к началу парламентской избирательной кампании и перспективы президентской гонки», «Россия готова увеличить расходы на оборону», «Стратегическое сотрудничество России с Индией и Китаем: оценки перспектив» и др. Цена 700 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №21.* Декабрь 1999. Цена 700 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №22.* Декабрь 1999. Цена 700 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).

(См. также с.54)

Ядерный Контроль. № 1. Январь – Февраль 2000

Новости ПИР-Центра

30–31 октября в Москве в отеле *Протон* состоялась **международная конференция: «Перспективы политики нераспространения: повестка дня на ближайшее будущее»**.

Организация конференции осуществлялась ПИР-Центром политических исследований совместно с Международным институтом стратегических исследований (Великобритания). В ее работе приняли участие ведущие специалисты в области нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и контроля над вооружениями России и Великобритании, представители Франции, Швеции, Нидерландов, а также заинтересованные правительственные структуры, неправительственные эксперты и журналисты.

В ходе конференции на экспертном уровне была проведена оценка новых угроз международному режиму нераспространения ОМУ, рассмотрена подготовка стран-депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия к конференции 2000 года по рассмотрению его действия, проанализированы перспективы вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, проблемы выработки договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, проблемы экспортного контроля, взаимосвязь вопросов контроля над вооружениями и ядерного нераспространения, региональные аспекты нераспространения. Также были сформулированы предложения по расширению помощи России по уменьшению ядерной угрозы и укреплению ядерной безопасности, прежде всего со стороны государств Европы.

С сообщениями и комментариями выступили: Майкл **Давенпорт** (Michael Davenport), посольство Великобритании в РФ, Джон **Чипман** (John Chipman), IISS, Теренс **Тэйлор** (Terence Taylor), IISS, Жиль **Андреани** (Gilles Andreani), IISS, Пол **Шулт** (Paul Schulte), министерство обороны Великобритании, Джон **Бэдли** (John Badley), Таможенная служба Великобритании, Нэйл **Харпер** (Neil Kenneth Harper), министерство торговли и промышленности Великобритании, Владимир **Фролов**, министерство обороны РФ, Марина **Беляева**, Минатом РФ, Владимир **Дворкин**, 4-й ЦНИИ Минобороны РФ, Павел **Подвиг**,

Центр по изучению проблем разоружения энергетики и экологии МФТИ, Наталья **Калинина**, аппарат правительства РФ, Дмитрий **Евстафьев**, ПИР-Центр, Арзамат **Кульмухаметов**, МИД РФ, Валерий **Семин**, МИД РФ, Роланд **Тимербаев**, ПИР-Центр, Владимир **Орлов**, ПИР-Центр, Евгений **Маслин**, ПИР-Центр, Иван **Сафранчук**, ПИР-Центр. Также в конференции приняли участие: Андрей **Зобов**, Ядерное общество России, Олег **Гринеvский**, Монтерейский институт международных исследований, Николай **Волошин**, Минатом РФ, Василий **Лата**, ПИР-Центр, Юрий **Поляков**, Совет Федерации РФ, Валерий **Прозоров**, Академия Генштаба Вооруженных сил РФ, Михаил **Шелепин**, Дипломатическая академия МИД РФ, Павел **Золотарев**, Межрегиональный общественный фонд поддержки военной реформы, Дмитрий **Литовкин**, газета *Красная Звезда*, Александр **Зарубин**, Совет безопасности РФ, Сергей **Белов**, РИСИ, Ричард **Нистром** (Richard Nystrom), СИПРИ (Швеция), Роберт **Шуддебум** (Robert Schuddeboom), посольство Нидерландов в РФ и др.

Отдельные материалы конференции публикуются в данном номере журнала в разделе *Полемика*.

1 ноября в Национальном институте прессы состоялась **пресс-конференция по итогам международной конференции: «Перспективы политики нераспространения: повестка дня на ближайшее будущее»**, проведенной совместно ПИР-Центром политических исследований (Россия) и Международным институтом стратегических исследований (IISS, Великобритания). На вопросы журналистов отвечали: заместитель директора Международного института стратегических исследований (IISS,) Теренс **Тэйлор**, директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, председатель Совета ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке) Роланд **Тимербаев**, научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук**, старший советник ПИР-Центра, бывший руководитель 12-го ГУМО Министерства обороны, генерал-полковник Евгений **Маслин**.

Стенограмма пресс-конференции размещена по адресу: <http://www.npi.ru>

11-12 ноября в Москве в отеле *Даниловский* прошел семинар для российских специалистов «**Устойчивое развитие Программы помощи российским институтам и предприятиям со стороны США по укреплению систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и проблемы нераспространения**». Его организовали ПИР-Центр и Центр исследования проблем нераспространения (Монтерей, США).

На открытии семинара было оглашено письмо Минатома РФ, в котором, в частности, отмечалось, что первый заместитель министра Валентин **Иванов** «придает большое значение делу развития российско-американского сотрудничества и много сил и энергии отдает на решение проблем нераспространения». Первый заместитель министра Валентин Иванов «уверен, что семинар внесет свой весомый вклад в укрепление доверия и развития партнерских отношений между нашими странами и надеется на продолжение практики проведения таких семинаров».

С вступительным докладом выступила заместитель министра энергетики США Роуз **Гетемюллер** (Dr. Rose Gottemoeller). Ее выступление публикуется в данном номере журнала в разделе *Сообщения*.

В ходе двухдневных дискуссий на семинаре были обсуждены, среди прочих, следующие вопросы: «Проблемы ядерного нераспространения и новые международные вызовы», «Формирование культуры нераспространения и обеспечение учета и контроля ядерных материалов на крупных предприятиях», «Роль образования и повышение квалификации», «Роль технологии и методологии».

В дискуссии на семинаре приняли участие: Юрий **Володин**, Госатомнадзор РФ (Москва), Николай **Погожин**, МИФИ (Москва), Эдуард **Крючков**, МИФИ (Москва), Александр **Толстой**, МИФИ (Москва), Василий **Глебов**, МИФИ (Москва), Олег **Песков**, ВНИИА (Москва), Александр **Измайлов**, НПО *Элерон* (Москва), Игорь **Бумблис**, ВНИИА (Москва), Андрей **Свиридов**, ВНИИА (Москва), Станислав **Сергеев**, ЦНИИАтоминформ (Москва), Андрей **Зуев**, группа компаний ИСТА (Санкт-Петербург), Владимир **Юфре**в, ВНИИЭФ (Саров), Виктор **Мальцев**, ВНИИЭФ (Саров), Вадим **Раев**, Уральский электрохимический комбинат (Новоуральск), Владимир **Сиротенко**, Электрохимический

завод (Зеленогорск), Игорь **Голоскоков**, Сибирский химический комбинат (Северск), Геннадий **Тюрин**, ЦНИИ им. акад. Крылова (Санкт-Петербург), Фред **Уэлинг** (Fred Wehling), Монтерейский институт международных исследований (США), Кэрри **Смарт** (Carrie Smarto), министерство энергетики США, Соня Бен **Уаграм**, Монтерейский институт международных исследований, представительство в СНГ (Казахстан), Роланд **Тимербаев**, ПИР-Центр, Владимир **Орлов**, ПИР-Центр, Евгений **Маслин**, ПИР-Центр.

Председательствовали на сессиях семинара: Юрий Володин, Владимир Сиротенко, Фред Уэлинг и Владимир Орлов.

В ходе семинара были обозначены, среди прочих, следующие проблемы российско-американского сотрудничества в области ФЗИУК ЯМ:

Роль американской помощи была оценена как *критически важная*. «Есть много замечаний рабочего характера, но если ставить вопрос так: нужна – не нужна, то для нас вопроса не существует: помощь нужна, мы от нее не отказываемся». «Американцы далеко вперед ушли в области физзащиты, и для нас сотрудничество с ними в этой области и оказанная помощь – перенимание хорошего опыта». «С участием представителей США вопрос улучшения учета и контроля ядерных материалов (УиК ЯМ) стал решаться на нашем предприятии гораздо более оперативно. Что касается физической защиты, то это всегда – самая затратная часть работы, поэтому американцы дали здесь просто необходимый толчок для нас». В целом участники семинара пришли к выводу, что на большинстве предприятий, если бы не было американской помощи, к решению вопроса об улучшении УиК ЯМ и физзащиты в лучшем случае стали бы приступать в 1999 году и смогли бы начать решение проблемы лишь частично. Некоторые участники отметили, что, по их оценкам, если бы не американская помощь, то у них не было бы сделано вообще ничего. Особенно это касается учебных заведений, которые получают мизерное финансирование по линии министерства образования.

«Справимся ли мы с проблемой поддержания работоспособности и модернизации оборудования самостоятельно? Справимся. Но вот какой ценой? Нельзя забывать, что в этом случае мы вынуждены будем переключать средства прежде всего с выплаты заработных

плат работникам предприятий и тем, кто их охраняет».

Участники разошлись во мнении, насколько продумана концепция программы. Одни утверждали, основываясь на собственных впечатлениях, что «концепция у программы отсутствует, и в этом есть вина и российского Минатома, и американского министерства энергетики». «Значительные средства на физзащиту тратятся беспроектно. В ряде случаев мы не понимаем логики помощи». Говорилось, что «надо настойчиво предлагать собственные планы американцам и не ждать инициативы от них. А у российской стороны нет концепции, нет плана, нет цели». Другие не соглашались: «Если российская сторона на раннем этапе представляет хорошо проработанное и обоснованное предложение, то оно практически всегда учитывается американской стороной».

Представители предприятий практически в одной – тревожной – тональности говорили о нынешней ситуации вокруг программы. Как сказал один из российских участников, «я склонен оценивать сложившуюся ситуацию достаточно остро. Программу лихорадит не в первый раз, но сейчас дело обстоит наиболее серьезно». Другой российский участник согласился с оценкой своих американских коллег в том, что «доверие находится под напряжением, но оно не подорвано». Вместе с тем, добавил он, «надо не откладывать решения, как пока происходит, а принимать их. Проблемы сами собой не рассосутся».

В отношении ВНИИЭФ и ВНИИТФ программы помощи сейчас приостановлены американской стороной. Официальное объяснение – недоверие к российским партнерам по части использования полученных средств и оборудования и, как следствие, требование изменить (в сторону расширения) процедуры допуска на площадки. Российские специалисты утверждают, что работать надо на основании уже действующего документа о предоставлении гарантий использования американского оборудования, с возможным внесением в него некоторых корректив. В основном проблема с допуском расценивалась российскими специалистами как *надуманная*, а настойчивость американцев в этом вопросе – как *вызывающая настороженность*. Как сказал один из участников, «это кажется, что проблема только финансовая. На чаше весов лежат партнерские отношения российских и американской лабораторий. Мы ожидаем не

только *обсуждения* проблем (которое тоже необходимо), но также и *реальных шагов*, которые должны последовать за обсуждением».

Помощь, которая оказывается Соединенными Штатами и, в особенности, которая запланирована для внутренних войск МВД России, несущих охрану объектов, не всегда эффективна и раскоординирована. «Часты случаи передислокации и сокращения внутренних войск. Решения об этом принимаются без информирования предприятий. При передислокации части вся американская помощь уходит вместе с частью. Куда уходит – это другой вопрос. Для улучшения охраны предприятий надо работать не с внутренними войсками, а с предприятиями и через предприятия. Помощь должна находиться на балансе предприятия и передаваться ему во временное пользование».

В вопросе о том, где остается большая часть американской помощи – в России или в самих США – за последние два-три года достигнут заметный прогресс. В то же время выступающие солидаризировались с жесткой оценкой Главного счетного управления США (*General Accounting Office*), согласно которой до России дошло более шестой части помощи, предназначавшейся для укрепления физической защиты, учета и контроля на предприятиях Минатома. Как заметил один из участников семинара, «по статистике, за которой мы внимательно следим, помощь по данной программе растет, и конгресс США проявляет щедрость. Но фактически мы наблюдаем сейчас, что объемы помощи сокращаются... Мы слышим от представителей министерства энергетики упреки в адрес конгресса, от сотрудников аппарата конгресса – упреки в адрес чиновников министерства энергетики. Иногда нам кажется, что за этой бюрократической возней теряется реальное дело, а именно – предотвращение рисков распространения ядерных материалов с российских предприятий». Другой участник сказал, что «по-прежнему в ряде случаев – хотя и гораздо реже, чем раньше – нам навязывается дорогостоящее американское оборудование, которое в некоторых местах до сих остается нераспакованным: берут, потому что бесплатно, но потом понимают, что, когда помощь прекратится, поддерживать это оборудование предприятию будет совсем не по карману». *С другой стороны*, подчеркивалось, что в ряде случаев, когда российские предприятия не могут предложить

более дешевого аналога, американское оборудование и уместно, и необходимо; но в любом случае, надо ориентировать американцев на поставки относительно дешевого оборудования, которое впоследствии предприятие могло бы поддерживать в эксплуатации самостоятельно.

У российских специалистов с предприятий особое недоумение вызывает головокружительная чехарда кадров, отвечающих в министерстве энергетики США за российские программы, при всяком отсутствии преемственности: «Менеджеры меняются каждый год. Вероятно, проблема с передачей дел поставлена плохо, поэтому каждый новый спрашивает у нас все заново. На это тратится слишком много времени, а эффективность разговоров снижается от сознания того, что и этот менеджер, видимо, скоро будет сменин». Пока что «масса времени тратится нерационально на бесплодные дискуссии с американскими рабочими группами».

Предложение по консолидации ЯМ было охарактеризовано как *здоровая идея*. При этом отмечалось, что за последнее время «ситуация изменилась: если раньше предприятия были счастливы избавиться от ЯМ как от обузы, то теперь не спешат расставаться, так как видят в ЯМ значительную материальную ценность».

Отмечена значимость Инициативы ядерных городов.

Как новое и позитивное в программе, участники семинара восприняли начавшееся сотрудничество министерства энергетики США с местными администрациями.

Говорилось о важности развития совместного проекта по формированию общественного мнения.

Участники семинара с осторожным оптимизмом говорили о повышении со следующего года вероятности того, что мероприятия по физзащите получат мощную подпитку уже из российского бюджета (согласно соответствующей федеральной программе). Отмечалось, что чуть ли не впервые заметны признаки доверия к тому, что федеральный бюджет начнет играть не последнюю роль в решении назревших проблем УиК ЯМ и физзащите. В то же время налицо и определенное недоверие к обещаниям российского правительства и Минатома.

Участники семинара пришли к выводу об особой значимости в нынешних условиях подготовки молодых специалистов в области ФЗиУК ЯМ. На предприятиях, в том числе расположенных в Сибири и на Урале, впервые за последние годы наметилась тенденция притока молодых специалистов, повышения интереса к работе на предприятии в области ФЗиУК ЯМ. Но пока нереалистично рассчитывать на то, что студенты-москвичи после окончания вуза поедут на далекие предприятия отрасли, поэтому важно готовить молодых специалистов в местных вузах и в отделениях московских вузов (МИФИ), а также направлять студентов из ЗАТО на учебу в Москву. Одновременно много говорилось о назревшей необходимости утверждения министерством новой специальности «нераспространение ядерного оружия (ядерных материалов)».

Участники сошлись во мнении, что у них есть потребность сделать данный семинар постоянно действующим, собирающимся ежегодно или раз в полгода. «Сочетание на этом семинаре *производственников* и *теоретиков* позволяет сделать работу семинара результативной». «Ряд волнующих нас вопросов может быть решен в ходе таких семинаров». «Необходимо более активное участие Минатома и министерства энергетики США в работе будущих подобных семинаров».

16 ноября в Национальном институте прессы прошла **пресс-конференция: «Отношение населения Российской Федерации к ядерному оружию»**, на которой состоялась презентация социологического опроса, проведенного совместно ПИР-Центром и Монтерейским институтом международных исследований (США). На вопросы журналистов отвечали: директор ПИР-Центра политических исследований в России Владимир Орлов, научный сотрудник ПИР-Центра Иван Сафранчук, старший научный сотрудник ПИР-Центра Дмитрий Евстафьев.

Стенограмма пресс-конференции размещена по адресу: <http://www.npi.ru>

Отдельные результаты опроса публикуются в настоящем номере в разделе *Горячая тема*.

26 ноября в клубе *Желтая Субмарина* в неформальной обстановке собрались коллеги и друзья журнала *Ядерный Контроль*, чтобы

отметить пятилетие нашего издания. На вечере присутствовали представители администрации президента, Государственной Думы, министерства иностранных дел, министерства по атомной энергии, министерства обороны, Совета безопасности, представители

российского научного сообщества, сотрудники посольств, средств массовой информации. Главный редактор *Ядерного Контроля* Владимир **Орлов** продолжает получать многочисленные теплые поздравления от российских и зарубежных партнеров.

6 декабря в Москве состоялась презентация новой, обновленной и развернутой, версии интернет-представительства ПИР-Центра. Адрес не изменился: www.pircenter.org.

В интернет-представительстве ПИР-Центра теперь можно найти информацию на русском и английском языках, связанную со всеми текущими проектами Центра. Также размещены, полностью или частично, наиболее свежие публикации. Русская часть интернет-представительства ПИР-Центра состоит из следующих разделов:

- О ПИР-Центре <http://www.pircenter.org/russian/index.htm>
- Адрес <http://www.pircenter.org/russian/address/index.html>
- Библиотека <http://www.pircenter.org/russian/library/index.html>
- Новости ПИР-Центра <http://www.pircenter.org/russian/news/index.htm>
- Публикации <http://www.pircenter.org/russian/publications/index.html>
- Статьи сотрудников, опубликованные в российских и зарубежных СМИ <http://www.pircenter.org/russian/articles/index.htm>
- Проекты <http://www.pircenter.org/russian/projects/index.html>
- Партнеры <http://www.pircenter.org/russian/partners/index.html>
- База данных «Ядерная Россия» http://www.pircenter.org/russian/nuclear_russia/index.htm
- Состав (сотрудники Центра) <http://www.pircenter.org/russian/members/index.htm>
- Подписка <http://www.pircenter.org/russian/subscription/index.html>
- Эксперты Центра http://www.pircenter.org/russian/members/experts_n_consultants.htm

Комментарии и запросы по поводу интернет-представительства ПИР-Центра, пожалуйста, направляйте по адресу info@pircenter.org помощнику директора Марии Верниковой.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 49
Number 1, January – February, 2000

The **Editorial**, entitled «**What Has to Be Done by a Newly Elected State Duma?**», maintains, «*What to do?* and *Who is to blame?* are the questions that will be an eternal dilemma for Russia even in the next millenium. We have not only passed a historical line, entering a new century, but we have also got a newly elected State Duma.

The previous State Duma devoted much time and efforts to the problems of arms limitation and reduction. However, the results are more then modest. In fact, the only significant document ratified (in 1997) was the Chemical Weapons Convention (CWC). Nonetheless, the agreement became a historic precedent and the endeavors of different branches of power should be praised, since for the first time in the Russian legislative practice the Duma not only approved the CWC, but instructed the executive on the course of its implementation, dividing the powers among government agencies.

At the same time, the previous Duma has left to the newly elected deputies a vast legacy of non-ratified agreements. Most notable among these is START II. It was practically ready for ratification in spring 1999, the Duma and the executive branch agreed on an appropriate bill, but the NATO operation in the Balkans delayed the process of ratification. The new Duma will have to take up this issue as a matter of priority, although substantive attendant factors aggravate the situation. The most principal of them is the US intention to develop its national missile defense system, whose deployment may start in June 2000. The system, which is presented as a shield against a limited missile attack, will have a potential for deploying the ABM system of the territory that runs counter to the 1972 ABM treaty. Naturally, this may make Russia take all necessary countermeasures, including asymmetric. In June 1999, the two presidents agreed in Cologne to start consultations on START III and the ABM treaty but these discussions are being conducted inertly, without spirit. Sometimes it occurs to the politicians: why not *step over* START II and agree on START III providing for a lower levels of strategic offensive arms (about 1,000–2,000 warheads for each party, as has recently been suggested by the Democratic

Party's presidential candidate Bill Bradley)? Why not take decisions on missile defense and other parameters that would suit both states, would maintain and strengthen nuclear stability? By the way, the USA has not ratified START II completely. The important additional agreements signed in New York in 1997 have not yet been submitted to the Senate by the Clinton administration».

«The problem of strategic arms and missile defense», continues the **Editorial**, «is not only decisively important from the point of Russia's security interests but is an extremely urgent issue. It is necessary to preserve the ABM treaty by all means, and the UN General Assembly has reaffirmed the treaty's extraordinary significance in its recent resolution. Perhaps, it would be reasonable to amend the provisions of the treaty, taking into account Russia's interests, in order to preserve the ABM accords? Anyway, the newly elected Duma should without delay give a thorough and comprehensive consideration of all issues concerning strategic offensive and defensive arms and try to formulate a mutually acceptable approach».

The **Editorial** concludes, «President Yeltsin submitted the CTBT to the State Duma for consideration in mid-November 1999, soon after the negative decision by the US Senate (dominated by Republicans) on this matter, which had been caused chiefly by domestic political reasons. Shall the Duma accelerate the process of CTBT ratification even though the USA and China haven't ratified the treaty and India and Pakistan haven't even signed it?

The logical answer is *no*, until the US Senate determines its final attitude towards the treaty. On the other hand, Russia's ratification will enable Moscow to revive its traditional initiative and active position in the area of international security and disarmament. The ban on nuclear tests meets Russia's national interests. Nowadays and in the foreseeable future, Russia will have no means to compete with other powers in developing and testing new generations of nuclear weapons, while the present-day arsenal is enough to maintain our security. The newly elected Duma should hold hearings on the CTBT and discuss it in depth in

order to formulate its approach to this complicated problem».

Ivan Safranchuk in his article «**75% of Russians Stand for Nonproliferation**» argues that «The analysis of answers concerning nonproliferation issues enables us to come to certain conclusions. The Russian population on the whole supports nonproliferation. The most important correlation is that between the answers and the level of education. Therefore, the problem of nonproliferation values and culture depends on the problem of access to appropriate information and the availability of this information. As the educational level increases, the number of hesitating to answer decreases and the share of nonproliferation supporters grows».

Vadim Kozyulin in his analysis «**Export Potential of Land-Based and Space Defense: Russia's Secret Weapon**» states, «In order to protect itself from high-precision weapons of the future, Russia has only one way out - to develop air defense and missile defense systems or, in other words, to create a so-called *space umbrella* similar to the US Strategic Defense Initiative. The USA and Russia are the only powers that can develop today *smart* weapons and create a complex system of aerospace defense.

Export has become a source of financing for the military aircraft and anti-tank systems development in Russia. Ironically, Russia has a certain advantage in this area over the USA. Russia has already crossed the traditional line of not exporting the military equipment used by its own Army. This seems to be about to happen with the Navy and the Air Defense Forces».

Dmitry Polikanov in his review «**The Future of the Treaty of Pelindaba**» says, «The African Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty is a significant step from the point of strengthening the international nonproliferation regime and promoting nuclear disarmament. The treaty contains many new advanced provisions that can be used in establishing nuclear-weapon-free zones in other regions. However, the treaty ratification is being delayed, due to the impact of internal and external factors. In current circumstances, we can't expect the ratification process to intensify».

Nikolai Detinov and **Alexander Saveliev** in their article «**Decision-Making Mechanism in the Area of Arms Control in the Soviet Union**» maintain, «It is obvious that any negotiations on arms limitation and reduction (unless they are conducted with purely political goals, without intention to come to a real agreement) affect to a certain extent not only the state security interests, but the particular interests of many ministries and agencies concerned. In the USSR, these agencies were the CPSU Central Committee, the MOD, the MFA, the KGB and the Commission of the Presidium of the Council of Ministers on Military-Industrial Affairs. These agencies played a key part in decision-making and their positions were stated at the negotiations with the USA over a period of more than 20 years. The established decision-making mechanism in the USSR was aimed at promoting concerted efforts of various agencies inside the country and only then at coordinating the decision with its partner at the negotiations. Such an approach created a situation when inside the Soviet power institutions there were practically no active forces that could impede this process».

The issue publishes the reports from the international conference «**Nonproliferation Policies: Shaping the Agenda for the Coming Decade**» held by the PIR Center and the London-based International Institute for Strategic Studies. The conference assessed new challenges to the international WMD nonproliferation regime; studied the NPT state-depositaries' preparation for the 2000 NPT Review Conference; analyzed the prospects of the CTBT entering into force and the problems of negotiating the FMCT; and touched upon export control issues, the interdependence between arms control and nuclear nonproliferation matters, and the regional aspects of nonproliferation. The conference set forth proposals on expanding the assistance to Russia, above all from European states, in the area of nuclear threat reduction and in the sphere of strengthening nuclear security.

The issue contains a commentary by **Dmitry Litovkin** on the military doctrine and the problem of dismantling decommissioned nuclear-powered submarines, and the *Library* section with a book review by **Ivan Safranchuk** concerning «Russia's Strategic Nuclear Arms» (ed. by P. Podvig, M., 1998).

Об авторах

Готтемюллер Роуз (Rose E. Gottemoeller) – заместитель министра энергетики США, отвечающая за деятельность министерства в сфере контроля над вооружениями, нераспространения, безопасности, реагирования на чрезвычайные ситуации. Окончила Джорджтаунский университет со степенью бакалавра наук по лингвистике и русскому языку и университет Дж. Вашингтона со степенью магистра в области науки, технологии и общественной политики. В 1989–1993 годах являлась адъюнкт-профессором по военной политике СССР в университете Дж. Вашингтона. В 1991–1992 годах была старшим аналитиком по вопросам обороны корпорации RAND, где она специализировалась на оборонной политике и политике контроля над вооружениями Советского Союза. С 1994 года до своего назначения в министерстве энергетики (март 1999 года) была заместителем директора Международного института стратегических исследований в Лондоне. Автор ряда работ по проблемам контроля над вооружениями и военной политике.

Детинов Николай Николаевич – генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1924 году. Участник Великой отечественной войны. После окончания Военной академии связи работал в аппарате Совета Министров СССР и ЦК КПСС. В 1969 году был привлечен к работам, связанным с советско-американскими переговорами по ограничению стратегических вооружений. Член делегаций СССР на переговорах по ракетам средней и меньшей дальности и ядерным и космическим вооружениям.

Козюлин Вадим Борисович родился в 1965 году. В 1990 году окончил МГИМО МИД СССР. Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*. В настоящее время научный сотрудник ПИР-Центра, директор проекта «Экспорт обычных вооружений из России и государств СНГ: неправительственный реестр». Сфера научных интересов – военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Тесно сотрудничает с компаниями-спецэкспортерами стран СНГ. Автор ряда публикаций, среди которых: «НАТО: европейский пасьянс», «Индия и Израиль: необъявленное партнерство», «Россия и Пакистан: самый короткий путь не обязательно прямой», «Модернизация – будущее мирового рынка вооружений», «По поводу возможностей активизации реэкспорта российских вооружений». В настоящее время работает над диссертацией, посвященной военно-техническому сотрудничеству России со странами арабского региона.

Литовкин Дмитрий Викторович родился в 1972 году в городе Будапешт, Венгрия. Окончил курсантский факультет Гуманитарной академии Вооруженных сил РФ. С 1993 по 1995 годы работал корреспондентом газеты Северного флота *На страже Заполярья*. С 1995 года – постоянный корреспондент газеты *Красная Звезда*. Активно сотрудничал с газетами: *Коммерсант*, *Московские Новости*, *Российские Вести*; журналами: *Итоги*, *Огонек*. Автор многочисленных публикаций по проблемам развития военно-промышленного комплекса России, утилизации списанного военного имущества и ядерной безопасности. С декабря 1998 года – специальный корреспондент периодических изданий ПИР-Центра.

Поликанов Дмитрий Валериевич – кандидат политических наук. Родился в 1975 году. В 1998 году с отличием окончил Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. С 1998 года по настоящее время – научный сотрудник Института Африки РАН и редактор периодических изданий ПИР-Центра. Специалист по конфликтам и методам их урегулирования. Автор ряда научных трудов по политологии и лингвистике, опубликованных в России и за рубежом, среди которых: «Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию».

Савельев Александр Георгиевич – кандидат экономических наук (военная экономика). Родился в 1950 году. С 1973 года по настоящее время работает в ИМЭМО РАН в должности заведующего сектором военной политики, старший научный сотрудник. С 1989 по 1991 год являлся советником делегации СССР на переговорах по ядерным и космическим вооружениям. Автор ряда работ по проблемам ограничения вооружений и международной безопасности.

Сафранчук Иван Алексеевич родился в 1974 году в Москве. Выпускник Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ. С 1997 года – научный сотрудник ПИР-Центра. Автор ряда научных статей и докладов по вопросам ядерной политики, ядерного разоружения, нераспространения ОМУ и российской внешней политики. В том числе: «Будущее ядерных сил России», *Научные Записки ПИР-Центра* №10; «Тактическое ядерное оружие в новом мире и нестратегические ядерные силы России», *Доклад ПИР-Центра* №5; «Российская позиция по вопросу создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия» (глава в сборнике статей «Проблема создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия»), Алматы 1998; редактор и один из авторов работы «Программа Совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспективы развития», *Научные Записки ПИР-Центра* №13. С июля 1999 года директор проекта ПИР-Центра «Будущее ядерного оружия».